

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Бараков
В. Г. Бондаренко
В. В. Гончарова
В. Г. Захарченко
Е. А. Золотова
Н. А. Ивеншев
В. В. Касьянов
Д. А. Ковальчук
Ю. В. Козлов
В. Ю. Лапина
Ю. М. Лощиц
Ю. В. Лучинский
С. Н. Макарова
З. Прилепин
Н. Г. Пугачёва
Л. А. Сычёва
А. В. Татарinov
Е. В. Хомутов
С. А. Шаргунов
В. И. Шульженко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Юрий Михайлович Павлов

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Н. И. Крижановский

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

В. А. Бельтюкова

ДИЗАЙН

И КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА

Е. А. Быковченко

КОРРЕКТОР

Л. А. Мирошникова

РОДНАЯ КУБАНЬ

Литературно-исторический журнал
№ 3 (100) 2023 г.

Адрес редакции:
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.
Тел./факс 259-60-27; e-mail: r-kuban@inbox.ru
Подписной индекс: 31899.

УЧРЕДИТЕЛИ: администрация Краснодарского
края, ООО «Газетно-информационный комплекс
«Кубанские новости».

ИЗДАТЕЛЬ: ООО «Газетно-информационный
комплекс «Кубанские новости».
350000, г. Краснодар, ул. Пашковская, 2.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением
автора публикации.

Заказ № ???

Тираж номера ??? экз.

Свободная цена.

Подписано в печать ??.0?.2023 г. Формат 84x106/16.

Дата выхода ??.0?.2023 г.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Отпечатано АО «Издательство «Советская Кубань»,
350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 106

Журнал зарегистрирован в Управлении Федераль-
ной службы по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций
по Южному федеральному округу ПИ № ТУ23-01250
от 29 января 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

КОГДА ЖЕ МЫ ВСТРЕТИМСЯ? 6

АНДРЕЙ ПИЦЕНКО

ЖИЗНЬ НЕОБЪЯТНАЯ 18

ВИКТОР ПАХОМОВ

НА ГЕНЕРАЛЬСКОМ ПРИЁМЕ 30

ВИНО ДЛЯ АРТИСТОВ 33

ПОЭЗИЯ

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

«МОЛОДОСТЬ – ПУШИНКА НА ГУБЕ...».....38

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

«НЕ БОЙСЯ, Я С ТОБОЙ...» 44

АЛЕКСАНДР ФОКИН

«РУСЬ – ЭТО БОЖЬЯ ЗЕМЛЯ!» 48

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

«СЛОВО, ОНО – КАК ЖИВОЙ ЦВЕТОК...» 52

В МИРЕ «РОДНОЙ КУБАНИ»

СОФЬЯ БАБАНОВА

«РОДНАЯ КУБАНЬ»: 25 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ РУССКОМУ НАРОДУ 60

ДАНИИЛ ДИДЕНКО

«РОДНАЯ КУБАНЬ»: 25 ЛЕТ В СРАЖЕНИИ 70

«РОДНОЙ КУБАНИ» – 25! 78

ДОРОГА К ХРАМУ

ИЕРОМОНАХ АНТОНИЙ (МАЛИНСКИЙ А. В.)

СВЯЩЕННИК СТАНИЦЫ ПРОЧНООКОПСКОЙ ТЕРЕНТИЙ УКОЛОВ:

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ»..... 96

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ИГОРЬ СИРИЦА

«НАША СЛУЖБА И ОПАСНА, И ТРУДНА...»

ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ ВАРИАЦИЯ..... 106

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

ЮРИЙ ПАВЛОВ

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ЕГО «ТИХИЙ ДОН» КАК ПРОЯВИТЕЛЬ

СУЩНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ 112

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

МНОГО СМЕРТИ И СОЛНЦА 124

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

ОЛЕГ РОМЕНКО

«ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ» ДЕНИСА ГУЦКО,

ИЛИ ЗАМЕТКИ «МАЛЬЧИКА» О СВО..... 128

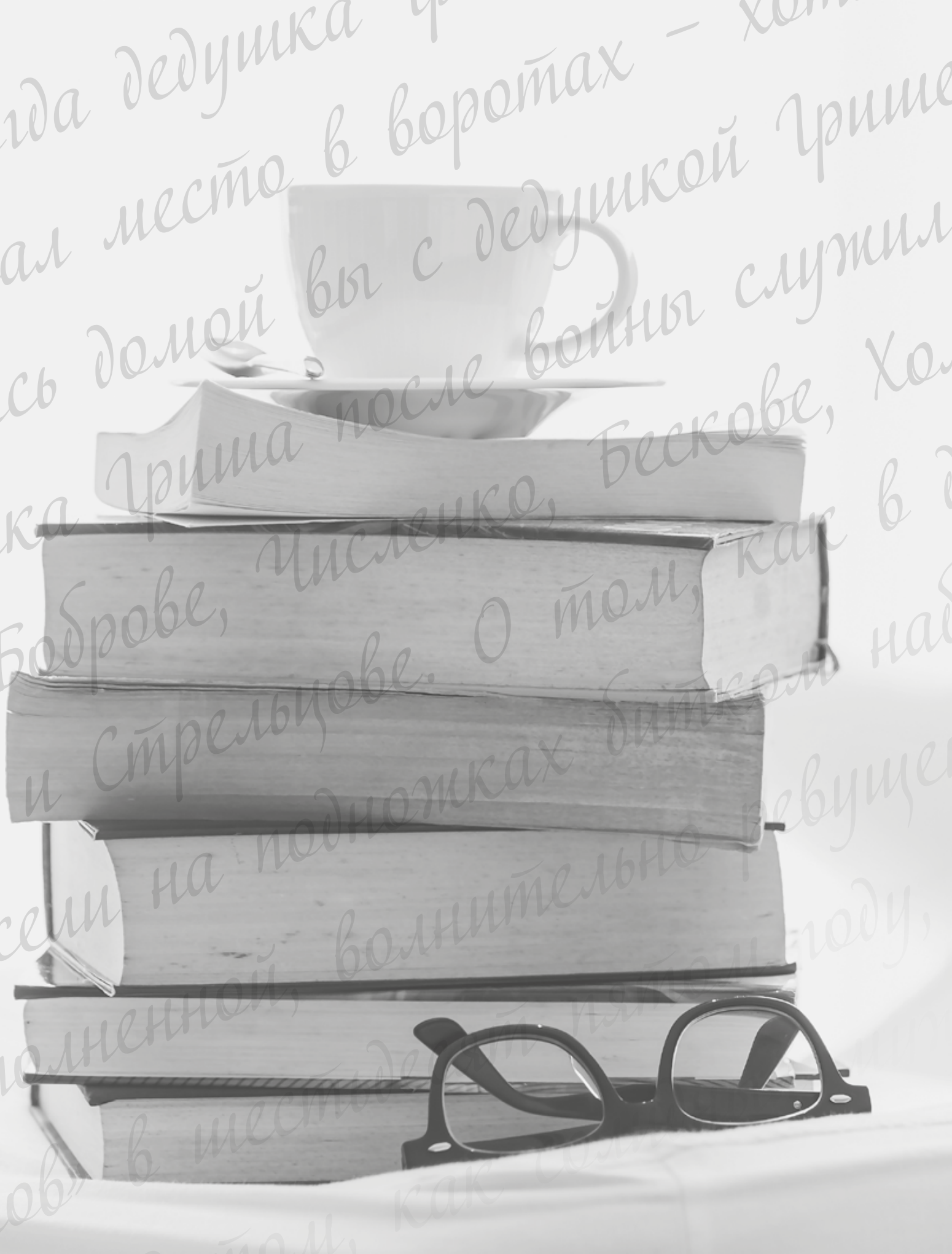
ЯНА МИШУРОВА

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК СЕРГЕЯ ШАРГУНОВА 134

ПЛАТОН БЕСЕДИН

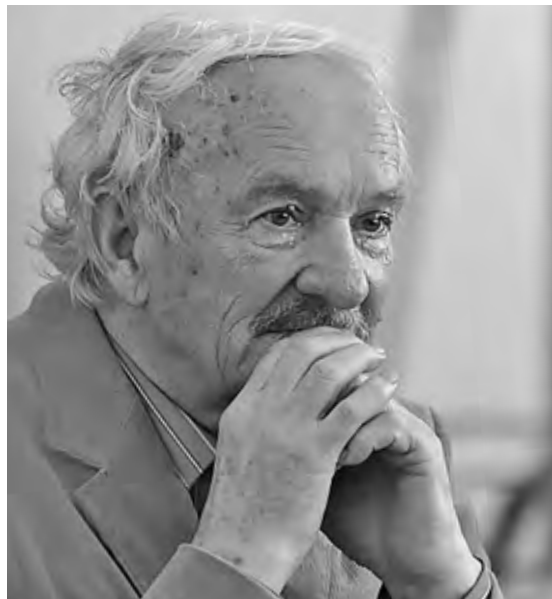
«СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ» Л. Н. ТОЛСТОГО:

ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ОСКАЛОМ ВОЙНЫ 140

ПРОЗА

С тех пор, когда дедушка Гриша
смотрел, как вы играете в футбол,
занимал место в воротах – хотя
играть в поле и забивать голы. Возвратившись
мой вы с дедушкой Гришей вместе и
стояли на улице. Дедушка Гриша после
служил в Москве. Он запальчиво рассказывал
тебе о Яшине, Боброве, Численко,
миче, Семисчастном,

ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

Родился в 1936 году на станции Топки Кемеровской области. С 1956 года жил на Кубани. Классик русской литературы. Лауреат самых престижных литературных премий. В 1998 году создал журнал «Родная Кубань» и 18 лет был его главным редактором. Скончался в 2021 году. Похоронен в Тамани.

КОГДА ЖЕ МЫ ВСТРЕТИМСЯ?

(Отрывок из романа)

ГЛАВА 2 3

Так, наверное, суждено было, чтобы пришла тогда Наташа. Не странно ли: она где-то родилась, бегала маленькой, те же писала сочинения, но он ее не знал. Они могли бы и не встретиться, жить и жить в стороне до смерти, она мелькнула в библиотеке и пропала, казалось, навсегда. Разве мало на свете женщин, которые были бы первыми, с кем бы у него протекали московские дни, как и с ней, но отчего же те прошли дальней дорогой, а Наташа нет?

Наташа пришла не соперницей, она тихо и нечаянно заняла свое место среди друзей Егорки. Но Егорка не знал тогда, что одной дружбой это не кончится.

Была суббота, Никита получил стипендию и затевал пирушку. В назначенный час Егорка пришел в общежитие. Он бы пришел и так, без пирушки, с субботы на воскресенье он, по обыкновению, ночевал у друга. Никита доставал где-то матрас, бросал посреди комнаты, и Егорка, всегда в такие часы в настроении, веселил ребят до глубокой ночи. Его тут любили, он приносил всякие новости из другого мира и не ломался, был свой. Едва он толкал ногой дверь и видел тесный кружок журналистов, вечно споривших о состоянии словесности или загибавших анекдоты, настроение мгновенно поднималось. «Егор, голубчик!» — кричали товарищи Никиты.

В тот раз Никита сидел на детском стульчике в одних трусах и брэнчал на гитаре: «Луна-а... я твой... Мы двое в ночном просторе... И нежностью ночь полна, и где-то такое воет: луна-а-а...» Огромным рабочим ботин-

ком Никита отбивал такт. В ботинках он ходил разгружать бревна на товарную станцию. Возле его ног стояла миска с водой, там купалось несколько картошек. Рядом лежал «Генрих IV» Манна.

— Нахал! — сказал Никита. — С пустыми руками пришел. Он думает, что его будут даром поить за красивую игру. Дон-Жуан в нитяных перчатках, правильно говорил наш лысый директор. Хоть бы селедку принес, бесстыдник. Попьет, поест, покорит наших женщин, а потом скажет: «Я несчастен!»

— Я сегодня щедр, — не уступал в иронии Егорка, — я плачу за весь стол. Дать рубчик?

— Дочисти картошку, отнеси на кухню и ложись. Полистай Манна.

— Ах, Никита, какой актер Василий Ямщиков! Пробовался сегодня на «Мосфильме» в чеховский фильм! Силища! Вот такими были, наверное, старые мастера. Ну покрупнее, конечно, гении... Своего, родного искусства еще не знаю.

— Прочти, дурачок, Манна. Зайди к Лизе, заберись на полку и прочти. Если не дотянешься, я приеду и посажу тебя. Ее бы, конечно, посадил с гораздо большим удовольствием. Тебе откроется исключительной простоты и правды жизненная тайна!

— Да?

— Люди, Егор, любовь и война, торговля, счастье, измена, солнце и сорокалетние морщины. Прочти, дурачок. Я тебя обниму.

— Не скоро прочту. Вот Бунина еще не кончил.

— Что Бунин! Ну да, хорошо, тонко, прекрасный русский язык, музыка, но одно-

образии. Характеров нет, типов, ты же любишь характеры. Везде он. Красивый, молодой, гордый, несчастный. И она. Красивая, пылкая, изменчивая. И грачи на ветках, поля. Мало!

— Ты у нас западник, Никита. Ты у нас... светоч. На Ямщикова смотрел. О Пушкине он что-то рассуждал про маленькие трагедии, где там Пушкин о себе загадки оставил. Хорошо!

— Прости своему другу, у меня нет сердца.

— У тебя есть, особенно когда ты обнимаешь, а вот искусства без сердца я не признаю. Извини, примитивный. Не понимаю абстрактной живописи, пойду чистить картошку.

По многочисленным рассказам, у пирушек этих всегда был один план, одни и те же приметы. Являются незнакомые девочки, кто приведет сам, кому-то приведут. Важно, чтобы сразу же стало весело, уютно, остроумно, поскорее хочется захмелеть, и уж, конечно, великая честь падает в этом смысле на чудесных дам. Кто-то будет особенно стараться, подливать, и если дама станет вредничать, то пиши пропало. Потом начнутся танцы, кто-то нечаянно погасит свет, и раздастся недовольный ропот, и эта бесконечная волокита может тянуться часами, пока все устанут, разочаруются и наступит неприятная тишина. Тогда уж расходятся. Но бывает лучше, и в комнате Никиты обычно кончалось приятным знакомством, провожением, а в этот раз должны были прийти все свои. Егорка не признавал лихого разгула, мало удовольствия в том, как ты откровенно уничтожаешь в женщине человека и как не знаешь потом, куда деться от пустоты и поскорее расстаться.

Когда комната освежилась ароматом духов, когда Егорка уже подал каждой руку, чувства излишней старательности перед девчонками, необходимости привлекать внимание он не заметил в себе, сел и, держа на коленях гитару, мурлыкал песенки.

Наташу ввел Никита позже всех. Она вошла и растерялась, все были незнакомые, и она пожалела в первую минуту, что согласилась пойти к чужим на пирушку, но Никита ее об-

манул, он обещал что-то не то, и она едва не повернула назад. Пальто она сняла неохотно и тут увидела Егорку. Ей все стало ясно и оттого как-то противно. Она представляла, как Егорка будет теперь подступаться, сядет рядом, будет внимательнее других и скажет много-много лишних слов, из которых ни одно не выразит того, что он будет думать на самом деле. Потом как бы случайно пригласит танцевать. Наташа надулась и стала оглядывать девчонок, искать в них порок, гадать, кто с кем пришел, но ничего такого не открыла и немножко успокоилась.

Все вышло неожиданно. Когда же Никита успел познакомиться с ней? Расторопный друг был на все руки мастер, не зря же он проповедовал энергичный западный стиль, сноровку устраивать жизнь с умом и блеском. Немножко стыдно было Егорке, никогда он не знакомился таким образом. Он сел напротив Наташи, как и в библиотеке на Каляевской. Те же глаза, серые, в пушистых ресницах, волнистые волосы с узелком сзади и нижняя прелестная губка, яркая, без подмалевки, то же самое в ней, что и в читальном зале, когда он сидел над Еврипидом и хотел позвать на «Гамлета» или на вечер первокурсников. После третьей стопки Никита стал шептать на ухо Наташе о Егорке: «...а голос... а дикция... изумительная фамильная память, с первого раза запоминает Еврипида, Софокла и, конечно, Сафо... талант... в списке светил идет где-то седьмым за Качаловым и Рафаэлем...»

У Егорки, когда он смеялся, тряслись плечи.

— Трепло!

— Веселый парень, — косился друг в его сторону, — шутит так, что соль понимаешь на другое утро. Его беседы с великими можно, не меняя знаков препинания, перекладывать на музыку. Попробуйте.

Наташа смеялась, с Никитой ей было легче пока, но рождалось первое сближение с Егоркой, которое украдкой бережется от посторонних. Наташа и Егорка уже объяснились какими-то знаками, уже суеверно знали, что пойдут

домой вместе. Егорка ценил естественное и не верил в искусство ловкого оболъщения. Он смотрел, как некрасивый студент ухаживал за всеми, острил и старался быть душой вечера. Он и был таким. Он занимал бесконечными историями, политическими новинками и анекдотами и был нужен всем, но никому в отдельности.

Егорка не мешал ему прыгать возле Наташи. Она же берегла себя уже для него, для Егорки. Когда стали разбирать плащи, Наташа повернулась, отставила руки, и Егорка накиннул на ее круглые плечи легонькое пальто. Студент еще надеялся проводить ее. На лестнице она подала Егорке руку и, крепко вцепившись, шепнула: «Я прошу тебя, не отходи от меня. Потом объясню...»

Он взял ее под руку.

— Что ты хотела сказать, Наташа? — спросил он на улице.

— Я не знала, как отвязаться от студента.

Он поехал провожать ее. Жила она на окраине, неподалеку от старинного села Коломенского. К воротам, за которыми были приказные палаты, пустые церкви, и к берегу Москвы-реки они не пошли. Но к расставанию Егорка уже верил, что уголок этот увидит вскорости, придет сюда не раз и Наташа ему все покажет. Пройдут перед ним ее дорожки детства, скамейки, деревья и ступеньки церквей, на которых она сидела с книжкой. Время пролетит так же быстро, и будет интересно вдвоем говорить о том, что они впервые открывают для себя сами, например, о концерте Рахманинова, в котором ему чудится летняя ранняя гроза, радость, сладкое предвкушение чего-то огромного, неохватного. И она, Наташа, будет кивать головой, соглашаясь. Расскажет она ему, что болтал о Егорке Никита.

— Я могу у тебя ничего не спрашивать, — сказала она. — Все про тебя знаю. Где ты учишься, откуда, почему медленно читаешь книжки.

— Заложили меня. А о Вале Суриковой он ничего не говорил?

— Нет.

— Не успел, значит. Наташ!

— Что? — смотрела она готовно.

— Ты придешь к нам на вечер первокурсников. Точно. Позвони мне, ладно? Меланья Тихоновна на проходной позовет меня.

— Хорошо...

— До свиданья, синица-умница.

— Ой, как неохота уходить-ить... Я теперь тоже буду читать Еврипида.

— У меня с собой всегда, — показал Егорка третий том «Тихого Дона». — Где могу, там и читаю. Но все равно медленно. На все века книга — мне так кажется. Смотри, она у меня вся исчеркана. Читал и стал понимать, что мне нужно.

— Что?

«Пострадать мне нужно, — подумал, но не сказал Егорка. — Жил у матери слишком спокойно и счастливо. И сейчас тоже. Специально искать страдания глупо, но иногда мне хочется узнать, чего я стою в обыкновенной жизни. Там, где в искусстве плохо разбираются, где зачастую не до искусства...»

— Потом все скажу, Наташа. Мы ведь еще поговорим?

— Поговорим. Не уходи, постой еще.

— Постояю. Все равно я не сплю всю осень.

Попрошались они через час.

Ночь покрывала станцию. Рельсы сверкающими полосками вытягивались в темноту, к столице, и оттуда, с навечно теперь памятного Казанского вокзала, где они стояли летним утром втроем, текли железные линии на восток, в Сибирский край. Егорка помаленьку размышлял, как всегда, долго еще разговаривал с тем, кого оставил, и наедине свободней шли слова, сначала для Наташи, потом для Димки в Сибирь. «О чем бы мы сейчас ни писали, — обращался он к другу, уже спавшему на своей улице, — мы говорим и пишем о девчонках и о себе — такой возраст, все наши выводы и мечты непрочны, субъективны, стало быть, выражают больше нас самих, чем кого-то. Еще

не поймешь, любишь ли человека взаправду или мечту, наваянную им. Часто погружаюсь в голубой омут, люблю и обнимаю всех на свете, а утром просыпаюсь как с похмелья. Ношусь со своими проклятыми благородными стремлениями, кое-кто двадцатисемилетних хватает, ей никакого вреда, кроме удовольствия, и ему "для познания жизни". Но мне скотская любовь противна, Димок, и потому я чаще всего один. Лиза летит в огонь, отдаляется. А сейчас еду с окраины, из села Коломенского, где цари любили отдыхать — Алексей Михайлович, Иван Грозный, — провожал девчонку, чистые разговоры вел. Почему в юности — ты заметил? — в пору самых возвышенных снов, очень иногда хочется уничтожить в себе естественно заложенное природой, стихами, воспитанием, скрыть от посторонних, чтобы не быть смешным и жалким в глазах разудалых сверстников? Замечал за собой? А девчонка — прелесть и еще не знает, что она прелесть, и я чувствую, что готов оберегать ее, учить жизни, в которой сам ни черта не понимаю. Дурак я, Господи прости. Ехал бы к нам в Москву, вместе бы каждый день все обсуждали. Неизменно обращаюсь к тебе с монологами. Ты далеко. И все далеко от меня: далеко ручка с чернилами, бумага, все. Ну, ты чувствуешь по моим письмам, как тебя недостает в Москве? Завтра воскресенье, с Никитой без тебя болтать будем... А дел много скопилось...»

Егорка стал думать о том, что предстоит ему исполнить из намеченного на целый год. Он много рассуждал и пока почти ничего не выполнил. Уйму надо было прочесть, не пропустить выставок, облазить всю Третьяковку, не раз и не два осмотреть музеи Толстого, Чехова, Достоевского, а что уж сказать про спектакли и закрытые просмотры западных фильмов — жалко пропустить! Этому проворству и собранности придется учиться у Никиты. После Наташи, которая подарила ему чудесный вечер, в мечтах стало казаться, что он все успеет. Труд, труд и труд, так думали даже самые-самые ве-

ликие, а ему уж и Бог велел. Но где-то он понимал, что долго-долго будет называть себя лоботрясом и каяться в дневнике за грехи свои и растрепанность. Однако! Вперед, вперед, все в твоих руках, все в тебе самом, и подталкивать себя надо надеждами. Столица великолепна разнообразием, соблазнами и средой, в которой тебе можно вырасти и раскрыться. Димка бы захлебнулся от впечатлений и работы. Уже перед общежитием он снова его вспомнил и решил, что сейчас же посреди ночи пристроится у лампы и напишет в кровати длинное послание обо всем: о сомнениях, восторгах, о Никите и, конечно же, о Наташе. Но и Лиза хоть строчку займет, подумал Егорка. А может, и гораздо больше, неизвестно, мысли приходят нечаянно, когда разогреешься и перо летит по бумаге...

4

На вечер первокурсников в студию Наташа шла с робостью. Сначала она зашла в общежитие к Никите. Там уже был Егорка.

— Красавец, Наташа, правда? — хвалил Никита друга, нацеплявшего чужой галстук у зеркала. — Если его приодеть, заменить брюки со вздутыми коленками модными, — никто не устоит.

— Изумительное трепло! — отвечал Егорка.

Друзья шутили, Наташа смеялась и, думая о том, сколько красивых девочек будет в студии, подходила к зеркалу: не хуже ли она?

— У вас не глаза, а Чистые пруды! — польстил ей смешной Мисаил, когда ее с ним познакомили в вестибюле студии. Его и здесь знали все студенты и молодые актеры, которых всегда приглашали на торжественные вечера.

Был настоящий праздник! Гулко стучали каблучки по лестнице, в коридоре на третьем этаже стояли элегантные актеры, многих Наташа узнавала по фильмам. Егорка подводил и подводил своих товарищей, знакомил, она видела, что его здесь любили. Никита отпускал тонкие характеристики. Мисаил острил по-своему.

Это был странный человек, и каждое слово его было направлено против кого-нибудь. От Панина он почему-то прятался.

— Наташенька, вы видите Василия Ямщикова? Он стоит рядом с высоким господином, который любит примазываться к великим, это Панин, я с ним из одной тарелки лопал. Он не понимает, что, если хочешь быть рядом с великим, подойди к нам. Верно?

Наташа улыбалась, то верила словам Мисаила, то нет.

— А Василий Ямщиков, — просвещал ее Мисаил, — много страдал, его зажимали, и он раскрылся в тридцать пять лет.

Наташа знала Ямщикова, его лицо мелькало в этом году всюду: на афишах, на открытках, в газетах.

— Вы не поддавайтесь блеску, — дудел и дудел Мисаил, — все гораздо проще, вот они кланяются, улыбаются, жеманничают, а в душе готовы сожрать друг друга. Я всех знаю, я, могу сказать, шел за гробом Станиславского, Качалова. — Это уже было интересней, и Наташа ждала, что вот сейчас он расскажет о самых славных в истории театра. Но Мисаил и не подумал.

— Вот молодой герой, вы видели его в фильме по Пушкину? Воображает, что он Жерар Филип. — Наташа посмотрела вслед знаменитому актеру и не поверила Мисаилу, приняла за шутку.

— А это, — показывал он, — пошел сын величайшего русского актера, друга Чехова, педагог. Я тоже готов учить вас изящному. Вы меня, надеюсь, не забудете?

Наташа слушала, смотрела из уголка. Егорка стоял рядом. Никита курил на лестнице.

«Как это хорошо — быть талантливым... — думала она. — Сочинять, играть на сцене».

Талантливость почему-то связывалась в ее уме прежде всего с миром искусства. Она замечала, что студенты ни на минуту не забывали, кто они и где, и эта печать избранности на лицах украшала их. Чего бы им не радоваться, в самом деле, когда на вечер пришли и посвяти-

ли им часы самые-самые; пришел поэт, на выступления которого невозможно было попасть, здание иногда оцеплялось конной милицией; налетели недавние выпускники, взглянешь и подумаешь: молод, но уже признан. Кажется со стороны, что все им принадлежит на этой земле, все счастье, вся любовь, и нечего больше желать им. Лилась музыка, как всегда, рождая обостренное чувство жизни, желание быть любимым и любить тоже.

Наконец уселись в зале, и, когда вошли великие актрисы, возник мгновенный восторг, власть почетной старости и славы покоряла. Великие старушки, перенесшие изменчивые времена, войны, схоронившие мужей и коллег своих, улыбались и отвечали на овацию старомодно, родственно, точно в семье. Ничего странного, если подумать. Ведь они родились в XIX веке в той православной Москве, от которой следа не осталось. Но явление их сейчас внезапно сообщило всем ощущение чего-то всегдашнего, и, наверное, такое же настроение было в лицее, когда приезжал Державин на экзамен.

Егорка всего больше любил Рыжову и Турчанинову, особенно же Рыжову, маленькую, с выпуклыми ласковыми глазами старушку, и неотрывно следил за ней, восклицал по-домашнему, ее же интонациями: «Эк она, матушка! Эк она глазами-то живыми водит!» Наташа вслед за Егоркой тоже жадно ловила, как слушали актрисы приветствия, кому улыбнулись своей благосклонной улыбкой. Хотелось родиться от них, ну не от них, так от их детей.

— Я хочу в актрисы, — сказала Наташа плаксиво, но с шуткой. — Чтобы меня знали. Нет, не хочу. Я смущаюсь на людях. Ты выходишь, и на тебя все смотрят. Ни за что не смогу. Я такая бездарная. Меня не за что любить.

Последнее она сказала шепотом и посмотрела на Егорку. Невольно получилось так, что она просила ее любить, и просила не кого-нибудь, а Егорку.

— Ты слышал разве? — сказала она. — Помому, любят за талант.

— За талант не только любят, — услышал их Мисаил и влез. — И унижают тоже.

— Правда?

— Тише, Наташка, — толкнул Егорка. — Сиди, умница, птица-синица.

Чужих так не толкают. И ей стало совсем хорошо. Невозможно подумать, что целое лето за ней бегали какие-то другие мальчики. И не было в Москве Егорки.

Потом Егорка поднялся на сцену, вместе с курсом принимал живые цветы от старших товарищей. Их благословляли, народные артисты раскрывали свои секреты и неизменно повторяли одно слово: труд, труд. Василий Ямщиков, Егоркин земляк, рассказывал о себе откровеннее всех. Теперь, когда его признали, ему было легко вспоминать мучительные дни. Но путь через трудности вызывал восхищение.

После концерта к Егорке подошла Лиза.

— Все хорошо? — спросила она громко. — У меня тоже хорошо, за исключением некоторых нюансов, я тебе о них скажу.

— Это Наташа, познакомься, — сказал Егорка.

— Лиза, — мигом оценила она Наташу и тут же забыла ее. — Мы потанцуем, я ухожу, мне что-то хочет сказать Панин.

Наташа, когда Лиза стояла, не знала, куда смотреть. «Я легка, я интересна, — всем видом говорила Лиза, — я не смущаюсь и ни к кому не ревную. Я свободна в обращении, в словах, — договаривала от ее имени Наташа, — мне все равно, что скажут обо мне, а что скажу я — должно нравиться, я могу смеяться, болтать, я легка и свободна».

Обычно независливая и добрая, Наташа рада была найти в Лизе что-то нескладное, какую-нибудь червоточину, придиралась сначала к ее наряду, к прическе и наконец осудила в ней умение нравиться, обольщать. «Какой ты милый!» — могла сказать Лиза при всех Егорке и кому-то еще.

— Ты довольна? — спрашивал Егорка. — Довольна, что побывала?

— Очень. Я тебя не стесняю?

— Не-ет, что ты! Пойдем танцевать.

Одна только она знала, как ей было хорошо танцевать с ним, касаться его, впервые позволяя крепко, хотя и в танце, обнимать себя. Оказывается, это было не стыдно, как раньше, когда она наблюдала за другими или когда ее насильно теснили к груди, нет, она поддавалась как неизбежному, отрадному, и чувство ее росло, глаза нежно светились. Оба они не могли говорить, так им было сладко уединиться в толпе.

Егорка провожал ее, но простился с нею как с сестренкой и немного обидел ее этим.

Прошла неделя, другая. Она бегала к почтовому ящику, почему-то рассчитывала на письмо. Прежде чем поднять крышку и заглянуть, она уверяла себя, что ничего не ждет (если не ждать — обязательно будет). Ящик был оскорбительно пуст, и тогда она обижалась, легче было сердиться и думать, что Егорка не нравится ей, просто она впечатлительна. Но пришла суббота! С утра звучали песни о глазах, о причалах, солнечный осенний свет звал на простор, к Москве-реке, и там, меж немых церквей царского поместья Коломенского, совсем было обидно ходить одной.

Она приехала в город. В автобусе девушка читала письмо. Рассматривая ее крашенные пальчики, Наташа невольно пробежала глазами и несколько строк. «Ты ему веришь, а он в Харькове был с...» Наташа отвернулась и, как ни наивна она была, стала думать о том, что случается, по рассказам, в первой любви, и вспоминала, как иногда взрослые женщины зло говорят о мужчинах. Всегда при этом думалось, что с тобой такого не будет.

В общежитие идти было стыдно, она покружила возле, почитала газеты на стендах. Ее увидел Владька. Не успела она опомниться, как уже шла с ним к ветхому корпусу. Владька проявил о ней большую заботу, тем более что Егорки в комнате не было. Дежурная Меланья Тихоновна на проходной берегла для Егорки

письмо от друга. Она внимательно осмотрела Наташу и пошла на крыльцо. Егорка не являлся. Наташа загрустила и пыталась уйти из комнаты, но Владька не пускал.

— Я буду виноват перед ним, — сказал он. — Не удержал такую прелесть.

Невысокий, смуглый, тщательно выбритый и аккуратный, он держался вольно и так, будто все знал о Наташе. Наташа перестала смущаться и на все, что он говорил, отвечала то смехом, то вопросами: «Правда?» Владьке это нравилось. Она была хороша, и только она не понимала, чему Владька завидует и что о ней думает. Губки ее горели; волосы, ресницы от матери, никакой косметики. И была она живая, глупенькая из-за доверчивости, так что Владька позавидовал Егорке.

— В каком государстве он вас нашел? — спрашивал Владька. — Не в Чухломе?

— В Коломенском.

— Жалко, что я опоздал.

— Напрасно вы так думаете! — вспыхнула Наташа.

— Я ничего, Наташенька, не думаю, я рад за своего друга.

— А он мне не говорил про вас, я не знала, что вы друг, — сказала Наташа.

Владька ничуть не растерялся.

— Чадо! — сказал он. — Вы где учитесь?

— В музыкально-педагогическом.

— Тогда мы споем, — сказал он и взял гитару.

— Но у меня нет голоса.

— А мой на что? У такой девочки должен быть голос.

— Вы забавный! Вам надо в фильме сниматься.

— Пробуем. Как раз с Егоркой.

— На главную роль?

— Не-ет! — важно поморщился Владька. — Мы скромнее, мы выглядываем из-за чужой спины.

— Ужасно трудно быть актером... — пожалела Наташа.

— Ничего. Как-нибудь.

Ей было интересно, но хотелось уйти, пото-

му что он слишком пристально глядел на нее. Ей вспомнился Егорка, и, казалось, даже этим невольным расположением к себе чужого парня она предавала его.

Владьку позвали к телефону. Наташа сидела и ждала. Подошла, сняла с Егоркиной тумбочки книжку, полистала ее. Потом открыла свою сумочку, вынула томик и сунула под подушку, на которой спал Егорка. Ей захотелось коснуться щекой подушки, взять книжку, которую он читал и подчеркивал, полистать его конспекты. Вдруг она увидела толстую тетрадку, открыла ее и узнала его почерк. Писал он понятно, мелькали свежие числа, она испугалась своего любопытства (вдруг про нее?) и заглянула в начало. Егорка вел дневник с четырнадцати лет. Эти детские невинные буквы! Что же он писал? Какой он был? С чувством, что это же Егоркино, почти ее, она прочла две страницы.

«Мама достала из дивана свой дневник, который вела в пятнадцатилетнем возрасте, и читала его мне. Попробую и я. Вечером сегодня ходил в музыкальную школу и так давно не видел Валю Сурикову, что с грустью обернулся на дом, где она живет. Неожиданно она попала мне навстречу с подружкой. Они молча приблизились, и я поздоровался, но ответа не получил. Я остановился и поглядел им вслед. Подружка обернулась, а Валя шла, не поворачивая головы. Тогда я быстро зашагал домой. Отойдя, я еще раз обернулся: Валя смотрела в мою сторону. Не знаю, что со мной случилось: я надвинул на глаза шапку и со всех ног бросился домой. Появилось какое-то неприятное сомнение. Кажется, я ничем не интересен ей.

Смотрели с Никитой в "Металлисте" кинокомедию. Вдруг перед нашим рядом я заметил Валю. Тогда мы с Никитой решили сесть на нашем же ряду, но напротив нее. Я пошел первый, запнулся и загремел. Валя обернулась, но, наверное, меня не узнала. После киножурнала включили свет. Валя снова обернулась и... вскрикнула от неожиданности. Картина рассказывала про любовь, и, когда секретарь

райкома сказал герою Назару, что, "если любишь, надо обязательно верить", Валя снова обернулась. Я хотел было сказать, что, наверное, так бывает только в кино, но смолчал. Когда картина кончилась, я вскочил и выбежал на улицу. Мы провожали их. Подружка отозвала меня в сторону, чтобы поговорить о чем-то. Никита пошел рядом с Валею, решив за меня выяснить... Как только мы с ними простились, я сразу же спросил Никиту, что он узнал. Он рассказал. Она сказала ему, что дружить со мной не может по какой-то причине, а сказала мне «да» только потому, что неудобно было ответить по-другому. Когда же Никита спросил, с кем она хотела бы дружить, она сказала, что с ним. И все-таки моя любовь к ней не ослабела ни на каплю, и, узнав все это, я больше уже ничего не слышал: я шел, и слезы сами собой текли из моих глаз. Тут же я решил не иметь дела ни с одной девчонкой до 20 лет, за исключением Вали, и то только тогда, если она сама предложит мне дружбу, что, пожалуй, не случится. До того тоска нашла, что ложусь спать, не выучив уроков».

«Валя Сурикова»... Кто она и где?

Вошел Владька, и Наташа встала, застегнула сумочку и попрощалась.

*Вот сменилась ночь зарею,
Утра час настал златой,
Тройка мелкою рысцою
Возвращается домой... —*

пел Владька, раскинув руки. — Наташенька, куда же вы? С вами так хорошо. Присядьте. Что сказать этому герою?

— Ничего, — тихо произнесла Наташа и ушла.

5

А Егорка был на даче у Василия Ямщикова. Когда Наташа уже спала, он шел по сосновой аллее, искал Лизу.

К Ямщикову они попали после концерта в подмосковном селе. За осень Лиза успела проникнуть ко многим. Владька сначала познакоми-

мил ее с дочерью Ямщикова.

Ямщиков прибаливал, но немножко выпил с молодыми. Почему-то вместо обычного среди актеров легкого разговора состоялся крикливый обмен мнениями: кто в наши дни подонок и кто праведник? Назывались имена, перебирались позиции режиссеров, писателей, директоров театров, выкапывались детали о драках литературных журналов, и постепенно Егорка выяснил, что подонок, оказывается, такой-то, а добродетельный тот-то. Он привык оценивать мастеров по их ролям и книгам, но теперь он уловил, что главным в характеристике было нечто другое, шла какая-то расстановка сил, о которой Егорка и понятия не имел. Он слушал.

Лиза судила горячо, и мало у нее было своего, чувствовалось, что вынесла она мнение откуда-то с посиделок, повторяла кого-то. «Зачем ей это? — думал Егорка. — Зачем она лезет в политику? Ей не идет. Да и что она понимает?»

Ямщиков тоже слушал. Молчание его вызвало уважение, он вроде бы знал нечто большее, чем эти милые юнцы. Он давал им высказаться.

— Вы не спешите, — сказал он наконец. — И смотрите, чтобы сами через десять-пятнадцать лет не оказались в положении людей, которых вы сейчас осуждаете.

— Общество надо лечить, — сказала Лиза, и опять слова были не ее собственные.

— Надо жить самому правильно. Надо жить так, чтобы в вас камень не бросили. Быть с теми или с этими легче всего. Тебя покроют, приглубят за угождение. Со своей собственной правдой жить труднее. А есть ли она у вас?

— Есть! — закричали.

Егорка любовался Ямщиковым. «Вот за кем бы я пошел!» — восклицал он, пока Лиза спорила и наводила порядок в родном искусстве. Что особенно покоряло Егорку, так это внимательность Ямщикова, с какою он слушал людей. Он слушал даже Лизу так, будто никогда не видал на нее похожих и будто она ему открывала в этой жизни нечто свежее. Получалось, когда

глядел на их лица, что Лиза уже во всем разобралась, а Ямщиков едва родился. И если он прочел перед этим маленькую нотацию, то она не была в его устах абсолютной истиной, но только его мнением. «Вот к кому приезжать надо! — горячился Егорка. — Да не нужен я». Но Василий Ямщиков приласкал его в этот вечер. Сначала они пели с ним, Егорку выручала гитара, помаленьку смелел он, заводился, попивал винцо и начинал все любить еще острее: эти осенние сумерки, дачу, молодое веселье, даже споры и, конечно, Ямщикова и Лизу, конечно.

— Вот видишь, — вытащила она его на крыльцо, — ты везде свой. А кто тебя привез сюда? Скажи, кто?

— Ты, — смотрел на нее Егорка влюбленно. — Ваше величество.

— Вот видишь. И ты ко двору. Богат, хорош собою, Ленский везде был принят как жених, да? Я тебя познакомлю еще кое с кем. Ямщикову ты понравился.

— Он просто доброты великой, — сказал Егорка.

— А ты? — дразнила Лиза. — Ты у нас большой? Сибиряк. Сибиряк ты, Егорка, или нет?

— Пошто спрашиваешь? — дурачился Егорка. — Аль не видишь?

— Чудно. Я сейчас полечу. Как ты называешь валенки? Пимы? Пи-мы, пи-мы, пи-мы! — прыгала она. — Как смешно. А можно, я буду называть тебя Пим? Пим — глупо, смешно. Но в юности, если слишком умно, человек мертв, правда? Пим. Укуси меня за ушко. Чуть-чуть...

Он наклонился, нашел губами мочку. Лиза обняла его и так долго стояла, и это было лучше в сто раз того, что она болтала за столом, потому что там она казалась, а сейчас была сама собой.

— А теперь я тебя. Нет, а иначе потом. Потом, пото-ом...

— Ты качаешься.

— По мне заметно, что я выпила? Я безобразница, легкомысленная женщина, да? Ужасно приятно сейчас быть легкомысленной.

С тобо-ой. И озорничать. Но мы не станем озорничать, мы потом, да? Мы с тобой умные-умные и... легкомысленные. Чуть-чуть. Только вот так, — она потянулась и укусила зубками ухо. — А ты хороший, чистый. И с тобой иногда скучно, потому что ты очень хороший. «И губы женщины поймай, ее глаза, ресницы, и руки разомкни, и выпусти, как птицу» — так у французов. Хочу с тобой в Париж. В Париж!

— А в Кривошеково не хочешь?

— Хочу!

— Лиза... Ли-иза... — потянулся он к ней, чувствуя головокружение.

Ямщиков пел у камина романс. Они стояли в темноте на ступеньках. Осенняя ночь помогала их чувству. Она положила ему пальцы на губы. «Не спеши, Егорка...» Он ей нравился. Он видел, что нравился ей, что ей не скучно, но она шептала с улыбкой все те же в эту осень слова: «Я ушла... меня нет...»

*Не пробуждай воспоминаний
минувших дней,
Минувших дней.*

*Не возродишь былых желаний
В душе моей, в душе моей...*

Сосны в дачном саду летели в небо. Там сверкало несколько звезд. Было и грустно, и легко. Ночью всегда находило на Егорку, куда-то несло его, и не мог уже он сидеть на месте. От дачи дорожка уводила в лес, и там было пустынно, ни одного строения. Там лес, ветки, засыхающая трава, листья. И лунный свет, тишина, душа сливается с безмолвной красотой. Лиза скрылась, он зашел в комнату, где в полумраке танцевали студенты, хотел было посидеть возле Ямщикова, но тот отдыхал в дальней комнате.

Егорка спустился со ступенек, отворил калитку и пошел по дорожке, которая увела Лизу. Вынырнула луна. Хмель ли бил в голову или чувство скопилось за вечер, переливалось через край? Ночь, вино, старая дача, голос Ямщикова полчасика назад и женский шепот — на душе почти счастье! Почти, но не полное.

«И выпил немного, а пья-яный, — улыбался Егорка у сосен. — Хорошо жить. Много еще всякого будет. Димке надо написать про дачу. Чудесно! За Ямщиковым пошел бы, эх, пошел бы, не моргнув. Да зачем я ему? Скучный, потому что слишком хороший, сказала Лизка. А так-то бы... Не мужчина я. Ямщиков — настоящий!»

Он сел под сосну, зажмурился, и Лиза видением возникла подле него, за ее спиной белела луна, она наклонилась и стала ворошить его волосы. И голос был ее, те же интонации, и произносила она слова, которых хотелось Егорке. Она не могла без него, ревновала, просила, и он показывал себя щедрым, добрым, они ушли в лес и шли-шли до утра, достигли железной дороги, устали и уснули на стогу. Почему на стогу? Почему туман полз по траве? Почему она плакала? Она страдала, и он с легкостью награждал ее этим горем, ведь горе ее было отраднo — любовь к нему!

Егорка открыл глаза, луна стояла правее, и он сидел один. Он не расстроился, он все равно был счастлив. Уже кричал ему с крыльца другой женский голос, кричала дочь Ямщикова, и когда он подошел из темноты, она со ступеньки подала ему руку, теплую, маленькую, и подтянула его чуть повыше, на одну досочку. Вот и она хороша, и она не прочь целоваться с ним. «У нее такой отец!» — подумал Егорка.

Спать легли на полу, в темноте долго шумели. Лиза пришла позже всех, слепо ткнулась ногой, кто-то показал ей сбереженное место. Егорка не спал.

— А ты не спал, не спал, да? — сказала она ему утром.

«Кто она? — глядел на нее Егорка. — Кто она мне?»

— Мне хотелось протянуть тебе руку, но ты был в самом углу.

«Ведь неправда, но говорит так, что хочется верить».

— Ну, ничего, у нас еще все впереди...

«Обманет, — думал Егорка. — Когда впереди? И почему не вчера, не сегодня?»

— Ты как-нибудь придешь ко мне, и мы пойдем в кафе, где подают горячее вино. Я знаю такое место. Ладно? А вчера я ходила по лесу, без тебя-я, и была легка, как птица в полете. И подумала, что когда-нибудь я стану ветром, мне захочется прилечь где-нибудь в овраге и отдохнуть. Ветер тоже устает. Ужасно хочу посидеть с тобой. Помолчать.

«Когда поступали, после третьего тура она была такая. Мы сидели в ресторане, «Яр» там был когда-то, и она пила, ласкалась, говорила, как хорошо вот было, к цыганам ездили, ей тоже хочется к цыганам, и тогда я впервые испугался, не понадеялся на свою морду, вообще на себя. Переметнется она, — подумал. Так оно и вышло. Но кто у нее и где? Где-то есть. Где?»

— Знаешь, что, — сказала она в Москве на Казанском вокзале...

— Вот сюда мы приехали в июне... — сказал свое Егорка. — Димка, Никита... Вон там чемоданы сдавали. Вон там кофе пили, тут Димка «Советскую культуру» купил...

— Я приеду к тебе сегодня, — сказала она. — К шести часам. Ты будешь?

Она притронулась рукой и внимательно смотрела на него.

— Приезжай!

Егорка ждал ее. Он понимал, что она придет к вечеру, но весь день уже был заполнен только ею: он отвечал ей на стук, усаживал, производил перед ней речи, и все шло так, как ему хотелось. Она входила в его воображении раз, другой, пятый, десятый, и всегда повторялось то же. Но часы не спешили. Он съездил к Никите, почитал письмо от Димки. Никита заканчивал Апулея. «Я вот тоже осел, но не золотой», — сказал Егорка. Поговорили о Димке, о матерях в Кривошекове, немножко о Вале Суриковой, куда-то уехавшей из родного города и, по слухам, собиравшейся замуж.

«Приезжай, Димок, — шел он назад и звал друга издали. — С голоду не помрем, под открытым небом спать не будешь. Твоя телеграмма — и встреча на Казанском, на руках понесем

до такси, ха-ха, Трифионовка, театры, ты расцветешь. Приезжай!»

Он вернулся к себе в общежитие. Стояли в Москве последние теплые деньки. Даже студенты из училища Гнесиных удрали на воскресенье за город. Владька в соседней комнате играл в преферанс. Меланья Тихоновна сидела на стульчике с кастеляншей, дышала свежим воздухом. Рассказывала что-то про свою молодость, как ее сватали, то да се, но Егорке не слушалось.

Неожиданно под подушкой обнаружился томик Хемингуэя. Кто бы его мог принести? Наташа? Все некогда было побродить у нее в Коломенском. Когда он думал о ней, то вспоминал школьную дружбу с девочками. Хи-хи, ха-ха, прогулки, кино, никаких обид, ни ревности, ни снов.

Он прилег и раскрыл книгу. В студии все боготворили Хемингуэя, и только Егорка отстал, не успевал читать из-за греков.

Егорка полистал страницы.

Вот!

«Он прошептал ей так тихо, что тот, кто не любит, никогда бы не услышал».

Слова были просты и прекрасны! Какие слова! Так красиво и верно, что загорелось самому что-нибудь сказать в этом роде. Вот хотя бы о том, как было вчера на даче и как он весь день торопит свидание с нею. «Я ждал ее целый день и каждую минуту любил ее и боялся, что она не придет. Мало того, что...»

Нет! Лучше уж помолчать, писатель из него никакой. И если Лиза придет, он скажет ерунду, почему-то вечно остается с тобой самое дорогое и нежное, и тому, кого любишь, говоришь одни глупости. Кажется, что признанием обезоружить себя. И только глаза ничего не скрывают.

Он встал и пошел позвонить Никите.

— Что делаешь?

— Дочитываю. Золотой осел откалывает номера.

— Послушай, как люди пишут: «Он прошептал ей так тихо, что тот, кто не любит, никогда бы не услышал». Я обалдел!

— Ты сможешь лучше, — прокричал в трубку Никита, — если будешь влюблен в Лизу еще полгода. А дотянешь лямку до весны, то самого Гете за пояс заткнешь.

— Скотина! — не обижался Егорка. — Я покончу с собой. Священника позови.

— Отпоем, обмоем. Крест поставим. Напьемся. Ты ее не жди. Она где-нибудь на столе пляшет.

— Не веришь в меня?

— Очень верю в тебя, но в нее нет. Она тебя недостойна. Я тебе Пушкина давал, ты прочти за двадцать первый год стихотворение.

— А какое?

— «Умолкну скоро я!»

— Нет, весь я не умру.

— На здоровье. Ты еще на субботниках поработаешь, не умирай весь.

«А меня легко заменить, — думал Егорка, ища стихотворение Пушкина за двадцать первый год. — Даже Владькой. Я могу ей нравиться, но единственным не буду. С ней нужно быть легким, я же начинаю и продолжаю так, будто сам Бог шепчет, что это уже на целую жизнь. Она для чудного мгновения...»

Вдруг робко постучали.

— Да! — крикнул он, воображая лицо Лизы. — Войдите, кто там?

Дверь открылась, вошла с улыбкой Наташа. Сперва с испугом, потом улыбнулась, когда увидела его. Что-то она думала сказать, но слова вылетели сразу же, и она стала у двери смущенно.

— Заходи, заходи, Наташа, — пригласил Егорка. — Умница, что пришла.

Он подошел и с какой-то тайной благодарностью наклонился к ней поздороваться поцелуем, она с радостью подтянулась к нему и сказала игриво: «Только я маленькая... ты как маленькую...» ■

АНДРЕЙ ПИЦЕНКО

Родился в 1979 году в Краснодаре. Окончил юридический факультет Кубанского государственного аграрного университета. Публиковался в журналах «Родная Кубань», «Наш современник», «Сибирь». Живёт в Краснодаре.

ЖИЗНЬ НЕОБЪЯТНАЯ

Отчий дом

Еще несколько десятков шагов — и ты окажешься на тихой зеленой улочке. Хотя и называется она Вторым проездом Толбухина, но для тебя она самая первая и остается главной в жизни. Ускоряет ход твое сердце и быстрее, шире становится шаг. Внезапно мысль твоя звучит давно знакомым наивным голоском маленького мальчика, полным надежды и трепетной веры в волшебство:

— А вдруг?.. Вдруг сейчас окажется, что бабушка Лиза сидит на лавочке у калитки с соседками, дедушка Андрей с отцом копаются в огороде, переговариваясь через забор с дедом Васей, а мама с сестрой накрывают на стол в беседке, увитой виноградом?

Но другой, взрослый голос произносит жестокое:

— К сожалению, нет.

Наивный мальчишечий голосок, кажется, уже подрагивает от слез, но не сдаётся:

— А как же волшебство? Чудеса? Неужели они не бывают?

И взрослый голос отвечает уже мягко:

— Чудеса? Конечно же, бывают! Ведь все, кто раньше был рядом, теперь живут внутри тебя, в твоей душе, твоей памяти. И ты можешь поделиться их любовью и теплом. Разве это не настоящее чудо?

— Жи-и-иву-у-ут, жи-и-иву-у-ут, — рядышком гудит деловитый шмель и утвердительно кивает своим толстым мохнатым тельцем.

Ты протяжно, на выдохе, отвечаешь вслух за маленького мальчика:

— Да-а-а, чудо...

Ты сворачиваешь на свою родную улицу. Когда-то здесь, на углу, по субботам собирался народ —

ждали машину, как ее называли — «мусорку». Тебе нравилось выходить сюда с отцом, нравилось слушать разговоры старших. Тут, выставив на обочину ведра и мешки, дожидаясь вечно опаздывавшей «мусорки», соседи говорили обо всем: о пенсиях, ценах, болячках, политике, кино, футболе, районных происшествиях, погоде, огородных успехах и неудачах. Помнишь, как однажды бабушка Зина вдруг хлопнула себя по бедру и заголосила так, будто случилось что-то страшное:

— Ой! Азы-то нет! Завозилась, видать, растяпа!

— Так, может, ей и не надо.

— Да как не надо? Она с вечера еще полный мешок подготовила!

Тут с Толбухина вывернула «мусорка», заколыхалась на кочках и остановилась на Первом Проезде, в квартале от вас. Там застучали ведрами.

— Вон она, Аза! Вот тетеря! Давай быстрее! — закричала бабушка Зина. Все оглянулись — бабушка Аза, спешно переваливаясь с ноги на ногу, за спиной тянула мешок.

— Не успеет! — сокрушалась бабушка Зина и тут же призывно замахала руками: — Быстрее, быстрее!

Народ глядел то на «мусорку», то на бабушку Азу, громко переживал:

— Не успеет...

— Успеет!

— Не успеет!

— Давай, Аза, быстрее!

Все это походило на какое-то веселое и увлекательное легкоатлетическое соревнование, без которого в ту пору обходилась редкая суббота — кто-то частенько опаздывал. И собравшийся на-

род искренне переживал за опаздывавшего, из всех сил мчащегося на угол, наперед зная, что водитель подождет — подобное случалось с ним едва ли не на каждой улице, и из-за этого он всегда задерживался, а его незлобно, по привычке, ругали за это.

Отец с дядей Сашей побежали навстречу, перехватили мешок у бабушки Азы и теперь мчались обратно. Бабушка Аза выставила руки вперед, будто пыталась ухватиться за воздух, что-то кричала и из последних сил за чем-то трусила следом. Отец с дядей Сашей подбежали ровно в тот момент, когда «мусорка» остановилась на углу, остро обдавая все вокруг себя кислой вонью. Об борт машины стучали ведрами, выбивая прилипшее содержимое, кричали и туго пели ведерные дужки, выбрасываемый мусор шуршал, барабанил и звенел битым стеклом во чреве завывавшей «мусорки».

Машина уехала, соседи расходились, довольные долгим разговором и очередной драматической, но победной развязкой: «Аза успела в самый последний момент». А «успевшая» Аза уперлась руками в забор, боясь пошевелиться. Она одышливо благодарила отца и дядю Сашу. Тучный дядя Саша вытирал взмокший лоб и тяжело, со свистом дышал.

— Ты-то куда, кулема, за мужиками погналась? — выговаривала бабушка Зина запыхавшейся подруге. Она часто беззлобно называла ее кулемой, а бабушка Аза в ответ величала товарку ветрогонкой. — Чего теперь? Тебя, как тот мешок, мужикам обратно домой волочь?

— А что ж мне, прикажешь барыней стоять? — ответила бабушка Аза.

Как приятно вспоминать милую, добрую, простодушную, домашнюю улицу и ее доверчивых жителей времен твоего детства. Мало кого время оставило на земле, и поэтому кажется, что улица теперь другая. Но кое-где высятся посаженные ими деревья, стоят построенные ими дома с толстыми, основательными саманными стенами, позже обложенные кирпичом. В детстве, слушая дедушкины и бабушкины рассказы о том, как строили эти дома, ты ужасно расстраивался отто-

го, что в те времена родители еще «не нашли тебя в капусточке». Строили всем квартальным, уличным миром, в охотку, весело, с шутками. Ребятня и с соседних улиц сбегалась — помогать, месить глину посреди улицы, на дороге. Самое это было развеселое занятие. Вроде и при взрослом деле, на стройке, а побаловаться можно было. Скидывали одежонку ребята, да в одних трусах резвились — и бегали, и валялись в глине, и на пузе по ней ползали. Всех потом хвалили за усердие, отмывали, кормили — тоже строители ведь, дело серьезное!

А вечером, после радостного, артельного трудового дня соседи собирались за столами, накрытыми сообща, и пели песни... Когда ты вспоминаешь рассказы бабушки и дедушки, когда смотришь на эти дома, счастливый свет согревает твою душу.

Стоят, местами стоят еще эти дома. А улица — как будто другая. Или та же? Нет по обочинам дороги мягкой, словно пудра, пыли. Не купаются в ней воробьи. Посередке дороги зеленым полочком не стелется спорыш. Но вот сороки — трещат все также. Ты где-то читал, что иные сороки около тридцати лет живут. Может, какая из них и помнит тебя еще маленьким? Завидела тебя да признала, рассказала товаркам. Вот и трещат теперь наперебой, вспоминая каждая свое.

Вот в тени ореха-великана укрылся похилевший дом. Кажется, что усох он, а просто орех еще выше стал. На бурой железной крыше рябит мох — словно старческими пятнышками взялся дом. Не видно кирпичей, которыми был вымощен тротуар перед забором, — в детстве ты любил вышагивать по ним. В этом доме жил дедушка Гриша. Вспоминаешь его и улыбаешься. Был дедушка Гриша росточком мал и худощав по-мальчишески. Даже когда он о чем-то глубоко задумывался, лицо его, казалось, ласково и лукаво смеялось лучиками морщинок. А стоило дедушке Грише заговорить с ребятней — и глаза его блистали живым, ясным, жаждущим чуда огоньком. Он всегда разговаривал с вами искренне, по-взрослому, но одновременно сам становился будто бы ребенком. Помнишь, как ты удивился, когда узнал, что дедушка Гриша

— полковник, фронтовик, в войну он командовал танковым батальоном!

Когда вы гоняли мяч, дедушка Гриша часто выходил к вам вместе со своей собакой — стареньким полуслепым Дружком. Они усаживались рядом, на мягкую траву. Дедушка Гриша всегда шумно и неподдельно радовался каждому голу в любые ворота и переживал из-за промахов. Задремавший было Дружок в такие мгновения взволнованно вскидывал голову, глядел на хозяйина, дескать — что, где случилось? Потом пытался лизнуть дедушку Гришу в щеку, словно стараясь успокоить.

Однажды ты играл в воротах и отбил мяч в прыжке, а дедушка Гриша захлопал в ладоши:

— Молодчина, Андрюха! И красиво до чего получилось — ну прямо как Яшин сыграл! Молодчина!

И такая на тебя нашла прыть, такой задор! Еще бы — дедушка Гриша тебя похвалил! Да как — с самим Яшиным сравнил! После такой похвалы летал ты по углам, к камням-штангам, «тащил», как тебе казалось, «мертвые» мячи, выходил на перехваты из ворот, стелился по земле, сдирая в кровь коленки и локотки, и совсем не чувствовал боли.

Вечером, у калитки, дедушка Гриша долго жал твою в грязных разводах руку, а Дружок, глядя на тебя, казалось, уважительно вилял своим бубликом-хвостом.

С тех пор, когда дедушка Гриша приходил посмотреть, как вы играете в футбол, ты всегда занимал место в воротах — хотя очень любил играть в поле и забивать голы. Возвращались домой вы с дедушкой Гришей вместе и еще подолгу стояли на улице. Дедушка Гриша после войны служил в Москве. Он запальчиво рассказывал тебе о Яшине, Боброве, Численко, Бескове, Хомиче, Семисчастном, Нетто, Метревели, Парамонове и Стрельцове. О том, как в дни матчей люди, держась едва ли не друг за друга, висели на подножках битком набитых, шумных трамваев у стадиона «Динамо». О переполненной, волнительно ревущей стотысячной чаше стадиона имени Ленина, «Лужников» в шестьдесят пятом году, когда наши

играли с бразильцами, ведомыми самим Пеле. О том, как солидный мужчина с портфелем, словно ребенок, плакал рядом с дедушкой Гришей, узнав, что Гарринча остался в запасе. О том, как хотел, глядя на прыгающего от радости солидного мужчину, когда Гарринча все же вышел на замену и за последние десять минут успел показать свое волшебство.

Потом, когда вы с отцом сидели на дружно пытящей табаком трибуне стадиона «Кубань» и кто-то из игроков отдал пас пяткой, ты, вспомнив рассказы дедушки Гриши, громко произнес:

— Молодец! По-стрельцовски сыграл!

Мужики вокруг удивленно обернулись и с уважением посмотрели на «знающего» мальчика, а лицо отца просияло от гордости...

Ты и нынче часто вспоминаешь рассказы дедушки Гриши об искренней детской радости и трогательных, порой и слезных огорчениях, которые подарил послевоенной стране футбол. И тогда воскресает в твоей памяти дождливый осенний вечер восемьдесят девятого года...

Вы с отцом у телевизора. Всю неделю вы с трепетом ждали эту игру. «Спартак», за который вы болеете, — против киевского «Динамо», предпоследний тур чемпионата. Чтобы стать чемпионом, «Спартаку» нужна только победа, а они проигрывают... Ты ерзаешь на диване, кусаешь ногти, то и дело зачем-то трешь себе колени. Отец напряжен. Он замер и, кажется, даже не дышит. Мама, зная важность игры, не зовет вас ужинать. В середине второго тайма «Спартак» отыгрывается. 1:1. А нужно выигрывать... И когда москвичи не забивают «сто процентный» голевой момент, ты обессиленно падаешь на диван. А отец даже не пошевелился. И чем ближе к концу игры, тем сильнее и громче бьется твое сердце. «Спартак» давит. Последние пять минут. Когда москвичи у ворот «Динамо», ты на ногах — невозможно заставить себя сидеть. Когда киевляне забирают мяч — садишься. Снова ерзаешь по дивану, плечи ходят ходуном. Последние две минуты... Давит, давит «Спартак», но вот только забить не получается. Сердце стучит, руки дрожат. Чтобы унять эту дрожь, ты

сцепил перед собой мокрые ладошки. Последняя минута пошла. Эх, уплывает чемпионство... Все-го-навсего полминуточки осталось играть. Какое, оно, оказывается быстрое бывает — это время. Ты уже готов заплакать... Но вот судья дает штрафной. Мяч метрах в двадцати от ворот «Динамо». Ты мельком смотришь на отца — он побледнел и чуть подался вперед, к телевизору. Ты снова на ногах. «Да-вай, да-вай, за-бей, за-бей, да-вай, да-вай», — неясно, то ли ты говоришь это про себя, то ли эти слова уже где-то в висках выстукивает твое сердце. «По-па-ди, по-па-ди», — отбивают настенные часы. Спартакская «девятка», Шмаров разбегается и бьет!.. Мяч летит в самый верхний угол, его тоже называют в футболе «девяткой». Вратарь киевлян прыгает... и чуть-чуть не достает!!! Гол!!! Гол!!!

— Гол!!! — слышишь свой крик.

— Гол!!! — это уже голосит отец!

Сердце твое, еще мгновение назад бившееся у висков, щекотно ойкнуло вниз, на свое место. Ты бросаешься к отцу. Вы обнимаетесь. А потом ты будто в невесомости! Не сразу понимаешь, что отец подкидывает тебя вверх. Ты ликующе голо-сишь, отец тоже что-то кричит. Через несколько мгновений вы, взявшись за руки, уже прыгаете по дивану. Мама прибежала из кухни, качает головой и улыбается:

— Валик, да ведь диван ломаете!

— «Спартак» чемпионом стал! — кричите вы маме в ответ.

Вы прыгаете теперь на полу, и снова ты взмываешь вверх — отец опять подкидывает тебя под самый потолок. Потом валитесь на диван, обнимаете друг друга и обессиленно затихаете. Радостно, счастливо, светло на душе!

— Нет, ничего не стряслось! — слышен из кухни голос мамы. Она смеется. — Это у них «Спартак» чемпионом стал. Радуются!

Хорошо как! И маме даже весело! Это, наверное, она бабушке Лизе отвечает. Бабушка, видать, услышала ваши вопли из своей половины, забеспокоилась. Теперь и бабушке будет хорошо и весело, ведь «Спартак» чемпионом стал! Да еще как

стал! Ты ей потом обязательно расскажешь.

Садитесь ужинать. Вы с отцом рассеяноковыряете вилками, переглядываетесь. Отец подмигивает тебе. Мама смотрит на вас, улыбается:

— Футболисты вы мои...

Случалось тебе и горько рыдать из-за футбола. Восьмилетним мальчиком ты укрылся на чердаке и лил слезы после проигранного нашими финала чемпионата Европы в восемьдесят восьмом году. А второй раз — уже взрослым, не стесняясь своего чувства, ты плакал навзрыд, когда узнал, что умер гениальный футболист, светлый и чистый человек Федор Федорович Черенков. Игрок и человек, которого обожали, наверное, все советские болельщики. Вспоминаешь, как в детстве, высунув язык, вы шариковой ручкой выводили на майках цифру десять. И вовсе не из-за далекого, заморского гения Марадоны, а потому, что именно Черенков играл под десятым номером. Федор Федорович Черенков был и остается для тебя олицетворением того, нашего, народного, родного, искреннего и красивого футбола...

А следующий, за дедушкиным Гришиным двор — здесь раньше та самая «ветрогонка», бабушка Зина жила с сыном, дядей Сашей и внуком Сережкой. Она — в маленькой уютной времяночке, дядя Саша и Сережка — в доме. Небольшие звонкие комнатки дома дяди Саши были заставлены клетками с разноголосыми певцами: солнечными кенарями, смешными чижиками и нарядными щеглами — дядя Саша и поныне слышет большим любителем и знатоком всякой птичьей повадки.

Небольшого роста, худенькая была бабушка Зина, но уж бойкая! Она будто бы и не ходила, а вся устремлялась куда-то поспеть скорым легким шагом. С утра и до вечера бабушка Зина гремела во дворе тазами, если затевала стирку, полола грядки на огороде. По теплу, бывало, открывала настежь оконца времянки — и такие оттуда духовитые запахи шли, что во рту от слюны потоп делался! Редкий день не пекла бабушка Зина, а то уж обязательно у нее то сладкий пирог, то румяные блинцы, то пузатенькие пирожки, то дородные оладушки, то хрустящий хворост. А к вечеру, сло-

жив усталые руки на коленках, посиживала перед вашей калиткой на лавочке с бабушкой Лизой. За словом бабушка Зина в карман не лезла, говорила она всегда громко, прямо, без утайки, не отводя глаз. Мимо всякого непорядка, несправедливости или детского баловства пройти не могла. Иной раз за проделки так строго могла бабушка Зина отчихвостить, так пробрать, что стоял ты перед ней, от стыда готовый сквозь землю провалиться, и совестно было даже глядеть на нее. Но вот и ты, и детвора, и вся улица бабушку Зину уважали и любили.

Помнишь, как однажды сидел ты на заборе, ногами болтал? Тут и заприметила тебя бабушка Зина и взяла в оборот:

— Сидишь?

— Сiju.

— А лисапед твой, как, не поломатый?

— Нет, я на нем уже покатался утром.

— Скатайся в магазин. А то хватилась, а риса и нету. Выручай старую! Заодно и молочка теплого, — бабушка Зина протянула тебе зеленую трешницу и авоську с пустой молочной бутылкой, тщательно вымытой ершиком.

Плевое дело — в магазин сгонять! Так его и прозывали — «магазин на конечной». Рядом с ним конечная тринадцатого автобуса была. На велосипеде туда — пять минут катить, позевывая. А ежели подналечь, да со свистом в ушах — и вовсе за три минуты управишься. В магазине прохладно. И пахло приторно — халвой, конфетами и соленой рыбой, и хлебным духом: слева на деревянных полочках — и хлеб «кирпичиками», и бублики с маком. А особенно вкусно пахли свердловские булочки с обсыпкой. Так и хотелось каждый раз придавить бочок булочки двузубой вилкой, привязанной к полочке. В центре, за прилавком, башней высились большие весы «Тюмень» в салатовой окантовке. Справа и слева от весов-башни, словно крепостные стены, располагались стеклянные холодильники-витрины. В одной витрине, рядом с колбасой, молоком в треугольничках и бутылках, большое ведро с черпачком — так и набирали сметану в банки. Тут же глыба сливоч-

ного масла в серой бумаге. За весами — полки. Чего там только не было — и консервы, и разноцветные сигаретные пачки, и макароны, и крупы, и конфеты, конечно же. Витрины гудели, пощелкивали. И под потолком гудел и махал большими лопастями вентилятор, шевелил липкую, с приставшими мухами ленту, красиво закрученную, будто локон. А заведовала всем этим хозяйством тетя Тая, продавщица, знавшая поименно, наверное, всех своих покупателей.

Десять минут — и ты уже с покупками и сдачей заглядывал во времянку к бабушке Зине. Там, на кухне, плавал синий чад, стоял жар, пахло маслом, что-то шкворчало на плите, бабушка Зина гремела посудой...

А через час, когда вы с Димкой на траве, в тенечке рубились в настольный хоккей, бабушка Зина появилась с большой железной миской — горю высились в ней пирожки:

— Ну-ка, помощнички, нате вот вам с пылу с жару пирожков. С яичком и лучком!

Страсть, как захотелось вам бабушкиных Зининых пирожков, но вы застеснялись и, поблагодарив, пытались отказать.

— Мы уже пообедали, спасибо, — бормотали вы.

— Обедали они! Да вас ведь до вечера домой не загонишь! — ответила бабушка Зина. И, страшно выпучив глаза, воскликнула: — Ешьте!

И бабушка Зина устремила домой, а юбка ее на мгновение взвихрила теплый воздух.

Живет, живет и поныне согревающее, душевное чувство добрососедства на Славянской, не смогли развеять его сумятные ветры торопливого времени. Не так давно еще жили вы с супругой на Славянской, на другой уж улице. И, бывало, умчите воскресным днем по делам, а как вернетесь, пройдет во двор, глядь, а на заборчике из сетки-рабицы пакет висит. Чего это там? Румяные духовитые пирожки с капустой! Вку-у-усные! Это — Наташа! Не дозвалась, видать, соседушек — оставила на заборе. Так она всегда говорит — соседушки, ласково чуть растягивая гласные и улыбаясь той искренней, доброй улыбкой, какой могут улыбаться, наверное, только русские женщины. И

хоть переехали вы в другой район, а Наташа при встрече вас, перед тем как обнять, и посейчас так называет — соседуски мои...

А вот железный забор, синий с серым отливом. Когда-то давно здесь забор был деревянный, веселенького салатого цвета, с двумя калитками. Здравствуй, родной двор! Поклон тебе, отчий дом! Да, вот тут тебя и «нашли в капусточке». Ты спросил однажды, за вечерним чаем, мама тебе и рассказала.

— А кто меня нашел? — не унимался ты.

— Мы с папой.

— Я подумал — дедушка нашел.

— Почему дедушка?

— Дедушка чаще в огороде возится...

— А нашли мы! — рассмеялась мама. И папа смеялся, и дедушка с бабушкой, и сестра. Все смеялись, радостно было, светло. А как стихло, ты, выждав паузу, ликующе и неожиданно попытокжил:

— Хорошо, что вы меня в капусточке нашли! И мне хорошо, и вам весело!

И снова хохотали за столом. Отец, правда, фыркнул в первое мгновение — едва у него чай носом не пошел. А потом — ничего, хохотал громче всех...

Гладишь абрикосу у калитки. Ствол у нее тучный, в старческих наплывах. Кажется — с самого сотворения мира она. Ведь сколько помнишь себя — всегда она тут и была, тянулась к солнышку. Теперь вот как старушка — отяжелела, будто гнетом времени тянет ее к земле. Янтарно-гранатовая капля смолы застыла на стволе. Плачет... И у нее, поди, своих горестей накопилось. Может, все оплакивает участь дружка своего? Рос тут рядом статный красавец-орех. Глядел поначалу свысока на тоненькую абрикоску, а через время уже и хохорился пред нею, листвою шумел, укрывал от непогоды могучею кроною, затем и обнимал ласково. Не осталось от ореха нынче и пенечка, истаял костровым дымом, будто вовсе и не было его.

Стоишь у калитки. Сестра и зять на работе еще, дома никого. Можно и зайти во двор, но все-таки решаешь не заходить. Идет жизнь, поме-

нялось многое и во дворе, поменялся и дом. Пусть он в такой день будет тем давним, как в детстве, каким ты его помнишь. Откуда ж все получше рассмотреть, как не с крыши?! На новую крышу теперь и не забраться. А на старую — секундное дело, стоит только глаза закрыть и...

...И ты уже ступаешь по лестнице. Летний день, а холодок на сердце — страшно от высоты. Но лезешь. Охота поглядеть, чего в округе делается. С лестницы перебираешься на ровную часть крыши — над бабушкиной кухней. Сипло бормочет под ногами шифер: «Задаст, задаст...» Это он, глупый, про отца. А не знает — на работе отец, не увидит тебя на крыше. Увидел бы — тогда, может, и задал бы.

Налево крыша уходит круто вверх. Посередке — деревянная дверца на чердак. Туда непременно нужно заглянуть. Ступаешь аккуратно, по деревянным балкам, пол тут саманный. Жарко на чердаке и пыльно. Если поглядеть в проем открытой дверцы, миллионы блестящих пылинки, сталкиваясь, мешая друг дружке, несутся вверх. Покинув свои гнезда, прилепившиеся к шиферу, гудят рассерженные осы, будто совещаются, а не нажали ли потревожившего их нахала? От греха подальше уходишь вглубь чердака. С одной стороны разные коробки, с другой — колючее, степной горечью пахнущее сено. Это вы уже начали с отцом готовить на зиму, для кроликов. Отец берет тебя с собой, на велосипедах вы ездите на поле аэродрома военного училища. Помощник из тебя знатный. Стоит зареветь самолету, как ты бросаешь серп и с открытым ртом провожаешь взлет реактивной махины. А другой самолет — вон, на посадку идет. Потом на радар военный смотришь: все он чего-то крутится и крутится. И как в нем солдат не укачивает? Глядь, а отец уже мешки набивает, сейчас уже и домой поедет. На поле аэродрома растут люцерна и клевер. Любимая трава кроликов. У них еще и другая любимая есть — осот, но ее собирать тебе совсем-совсем не нравится. Щетинится осот острыми болючими колючками — выковыривай их потом из пальцев! И как кролики такую ужасную колючесть хрумка-

ют? Люцерна и клевер — другое дело. Мягенькие травки, духовитые. Резанешь серпом — росой и медом сладко пахнут. Как разложите с отцом во дворе травку, чтоб подвяла, — запахи! Дышишь, дышишь во всю грудь, чтоб ими надышаться, дышишь до головокружения. А как подсохнет — отец ее в мешки — и на чердак. Тут она уже горько пахнет. От чердачной пыли?

Пыли тут много. Щекоткой лезет она в нос, першит в горле и руки от нее чешутся. А охота поглядеть еще раз по коробкам. Вдруг упустил интересное? Тут много разного. Игрушки старые есть, с какими играть перестал. Вроде и забыл о них, но вот увидел — и сразу снести их вниз хочется. Тут и стопки перевязанных веревками журналов. Всякие тут есть, но самый интересный — «Пограничник», с зеленой полосой и орденом Красной Звезды, его выписывала бабушка. Каждый раз, когда лазил на чердак, ты развязывал веревки, вытирал ладошкой запыленные теплые обложки и смотрел картинки, фотографии. Читал о войне с немцами, о повсеместном подвиге пограничных застав, о том, как и поныне ловят на границе всяких шпионов. Помнишь, как потряс тебя опубликованный в «Пограничнике» эпизод о Бородинской битве из книги Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». Номер журнала с красочно написанной статьей Тарле ты отнес к себе в комнату и за несколько дней перечитал ее раз двадцать. И потом еще долго, когда дома никого не было, ты залезал на самую спинку дивана. Диван становился редутом Раевского или Семеновскими флешами. Ты глядел через скрученную газету, будто в подзорную трубу, и не видел ни стен, ни мебели. Видел ты в дыму сверкающие на солнце латами, несущиеся во весь опор лавины саксонских кирасир и синие колонны французской пехоты. Рядом, внизу, бил барабан и на изрытой ядрами, усталой телами земле строились в каре дюжие усачи лейб-гвардейцы. Ты представлял себя то графом Кутайсовым — и приказывал всеми батареями бить по неприятельской коннице, то князем Багратионом — аплодировал храбрости французов, наступающих под губительной картечью, и вел в последнюю

контратаку весь левый фланг армии, то силачом генералом Костенецким — и лупил воображаемым банником налетевших на батарею польских улан, то безвестным русским гренадером, пулею убивающим наповал генерала Коленкура...

Начитавшись журналов, вылезал с чердака и потихоньку, на четвереньках, чтобы не упасть и не проломить шифер, лезешь по скату крыши вверх. Добираешься до конька и усаживаешься. Первые мгновения немножко кружится голова, а потом — ничего! Пахнет жарким шифером и горьким сеном с чердака. Все видать отсюда! Возле угольного склада медленно движется козловый кран с розовой кабиной — там всякие железяки перегружают в вагоны. А если посмотреть вдаль, в сторону Красных Партизан — самая маковка видна башенного крана. Вращает он стрелой. Строят там пятиэтажку. Ты туда ездил на велосипеде, глядел на стройку.

Вокруг тебя — крыши, крыши, крыши, как Чебурашки ушастые, смешные на них телевизионные антенны, деревья. Рядом крыши все серые, деревья зеленые, а чем дальше — все голубее и голубее делаются. А потом и вовсе становятся неясными, пляшут в жарком мареве, сливаются на просторе с небесной ширью, нежатся в прохладных облаках. Много облаков на небе — пушистые, нежные, мягкие, как бабушкины подушки, наверное. Иные похожи на вспененный гребень огромной морской волны. А вон, выше, облако на носатого мужичка похоже — будто плывет он по небу на спине, отдыхает, глядит себе беззаботно в высокую безбрежную синь...

И на крышах сараев — тоже облака. Только квадратные, прямоугольные. Это под марлей сушат абрикосы. У деда Васи, Василия Ивановича, ветерок задрал марлю — и словно оранжевое солнышко показалось в облаках. Василий Иванович в одних штанах возится в огороде. И даже отсюда, с высоты, страшно смотреть на его розово-сизый, глубокий, словно борозда, шрам под лопаткой. Это у деда Васи с войны, он ветеран.

Ты как-то поинтересовался:

— Деда Вася, а отчего у тебя на спине такой шрам?

— А-а-а... немец на Днепре угостил, — ответил деда Вася.

— Как — угостил? — не понял ты.

— А вот так: фукнул — и готово, будь здоров, не кашляй, — объяснил тебе деда Вася. Так просто и сказал, словно о порезанном пальце говорил, а не о страшной своей ране.

Деда Вася возится в огороде и тихонечко, едва слышно, поет. Слов не разобрать, но кажется, что-то грустное поет. Это он уже «пропустил по маленькой». Так бабушка говорит. Дедушка Андрей очень редко, но тоже, бывает, поет. И всегда только одну песню, старинную — «Эх, дубинушка, ухнем». Очень дедушка Андрей ее любит.

Видно тебе и соломенную шляпу Ивана Ефремовича — тоже в огород вышел. Иван Ефремович — председатель квартального комитета. Ты только пару лет как научился правильно его отчество выговаривать, а то все называл его Иваном Ехремовичем. Бабушка тебя иной раз страшит:

— Вот будешь фулиганить, так пойду к Ивану Ефремовичу, пускай вызовет тебя на квартальный комитет. Сделает тебе выговор — узнаешь тогда!

Иван Ефремович не страшный. Он добрый, и вы с ним ладите хорошо. Ты ему услышанное по телевизору пересказываешь, про товарищей Черненко и Громыко, а он смеется. А вот если вызовет Иван Ефремович тебя на квартальный комитет? Там он, наверное, строгим должен быть, и никаких поблажек не будет тебе. А ну как сделает выговор? Что это такое ты не знаешь, но звучит слово «выговор» страшно. Это, наверное, целая комиссия тебя ругать будет — и на бумажке у этой комиссии все-все твои проделки прописаны. Нет, на квартальный комитет тебе попадать нельзя ни в коем разе.

Частенько дедушка, деда Вася да Иван Ефремович собирались в уголку, у заборчиков, — об огороде толковали. Иной раз и спорили — у каждого свои приметы. Вот, помнишь, деда Вася говорил, что морковь нужно сажать так, чтобы совсем-совсем никто этого не видел.

— Та не, не в сглазу дело! — шумел деда Вася.
— Такой вот морковь продукт. Это раньше люди

хорошо знали. Смейтесь, смейтесь, а только потом сравним, у кого какая вырастет.

Иван Ефремович говорил, что нельзя голодным в огород выходить — урожая не будет. Дедушка рассказывал, что следующим утром после Пасхи скорлупу от яичек надо в огороде прикапывать. Но все одно — потрудишься хорошо, земляку потом присолишь круто, тогда и ладно родить станет.

Ты любил слушать их разговоры. Во всем — в неторопливости, степенности, в словах и даже молчании слышалось тебе что-то стародавнее, книжное и бесконечно родное, близкое, радостное к вековой работе и любовное к земле-кормилнице.

Вот, слышно, деда Вася уже гремит какими-то железками. Только что на огороде был! Ага, дверка в сарай приоткрыта. Значит, там и гремит деда Вася — видать, чего-то ищет. И ты бы с удовольствием еще разок заглянул сейчас к нему в сарай! Еще бы — сколько там всего интересного. Ты и у всех соседей, к коим привелось ходить в гости, по сараям полюбопытствовал. И что тебя каждый раз так пленяло в этих перекошенных пристанищах всякого старья? Их потаенный полумрак по волглым углам? Запахи пыли, глины, досок, толи, машинного масла, железа и мышей? Или множество всяких вещей, предназначение которых ты не знал и любил угадывать? Ты спрашивал:

— А это как называется?

— А вот эта штука для чего?

И узнавал, что это — рубанки, фуганки, тесало, шпунтубель, коловорот, стамески, струбцинки, скобель, бурав... Ты касался их теплого дерева, бурого от времени, отполированного натруженными руками прадедов Василия Ивановича, бабушки Зины и дедушки Гриши. Тебе тогда виделись древнебылинные мужики и старики, их бородатые, загорелые лица с мудрым и чуть лукавым прищуром. Будто оживали герои старых сказаний, какие живописал тебе дедушка. Казалось, что именно они, давно жившие хозяева этого инструмента, мечом-кладенцом бивали нечисть у Калинова моста, тевтонцев на Чудском

озере да секли на Дону мамаеву уйму, варили кулеш из топора, и тем же топором, без единого гвоздочка, возносили к небу купола храмов, ловко объегоривали Бабу-ягу и чертей, уходили от Одноглазого Лиха, вызволяли Василису-Премудрую из Кощеева подземелья, пахали землю да катались на самоходной печи по необъятной Руси-матушке. И все они умели, все ведали... Вспоминается тебе песня, которую так любит дедушка, — «Эх, дубинушка, ухнем». И видишь ты темные, ловкие руки древнебылинных мужиков, с большими, разбитыми работой пальцами и грубыми ладонями, и не разумом, а чувством понимаешь: да «сама пойдет»! Приходит на память и картина в книжке, которую тебе показывал дедушка. «Бурлаки на Волге». Ты не мог отвести глаз от картины, а дедушка рассказывал тебе о бурлаках и их песне — «Дубинушке». И так хорошо тебе дедушка говорил о бурлаках, что и на картине они тебе сделались нестрашными. Ты даже спрашивал у дедушки — был ли он бурлаком, и огорчился, когда дедушка с улыбкой сказал, что бурлаком он никогда не бывал, а слышал про них от старых людей.

Тебе становилось страшно — оттого, что этих старозаветных былинных богатырей, мастерового смекалистого люда, двужильных батраков больше нет. Оттого, что ты сам еще маленький и ничегошеньки не умеешь. А через минуту уже забывал о своем страхе. Новые впечатления уносили его.

Вот озорно глядит на тебя Фока. Фока — это разудалого вида мужичок, с лихими рыжими вихрами, веселыми глазами и румяными пухлыми щеками. Он в красной нарядной рубахе и синих портках. Фока — сторож, он охраняет от скворцов самую вкусную черешню во дворе. Фока сделан из фанеры и покрашен яркими красками. Каждый год, на радость всей семье, отец и дедушка укрепляют его на черешне. Руками и ногами он держит веревки, которые соединяются роликами — подойдешь к черешне, подергаешь за веревочки — Фока ручками и ножками задвигает. Быстро подергаешь — Фока словно и вовсе на дереве плясать начинает. Всей семье забава. Бабушка — и та мимо

как идет, потревожит веревки да поглядит наверх, как там Фока выплясывает?

Ты, правда, как-то забеспокоился:

— Дедушка, а как же скворчики? Они ведь тоже кушать хотят?

Дедушка улыбнулся, погладил по голове тебя и утешил:

— Ничего, голодные они не останутся. Вон у нас — еще две черешни есть, там и пускай клюют вволю. Сыты будут скворчики, не переживай. А уж с этой — мы и сами справимся. Ну а если не справимся, я тогда Фоке секретное словцо скажу — он тогда скворчиков гонять не станет.

Ты веришь дедушке. Он у тебя волшебник — много всяких секретов знает.

В конце августа Фоку снимали с черешни. Жалко тебе было, когда его снимали. С Фокой радостнее.

— Дедушка, может, оставим его? — спрашивал ты. — Вот и листики опадут — его виднее станет.

— Ну а как зарядят дожди, а потом снежка насыплет? Никакой лак его не спасет, скособочится наш Фока, похилеет, голову уронит, будет печалиться, что его в непогоду хозяева-растяпы оставили, забыли. А так мы его на чердак снесем, на сенцо-то на мягенькое положим, там ему тепло и хорошо зимовать будет.

Ты вздыхал и соглашался. На чердаке оно, и правда, Фоке всяко лучше будет...

Перебираешься по коньку подальше, поглядеть, чего на улице делается? Баба Катя тащится, катит перед собой старую детскую коляску. В ней она возит цветы на продажу. Баба Катя ругливая. На щеке у нее пугающая тебя бородавка с торчащими волосинками. Живет она напротив вас. Раньше, когда ты был совсем маленький, ты ее называл бабой-ягой, и если видел на улице — убегал. А теперь зовешь ты ее «бэтээрихой». Потому что коляска бабы Кати, бывшая когда-то зеленой, выцвела на солнце, прополоскали ее дожди, покрылась она пятнами. И теперь похожа она на БТР, бронетранспортер, какой ты видел в журнале «Пограничник». Баба Катя сейчас зайдет в калитку и браниться начнет на собаку свою, Шари-

ка, — он у нее на цепи сидит. Дети и внуки к ней ездят редко, а мужа давно паровозом переехало. Не с кем бабе Кате поговорить, она и с соседями всеми разругалась — вот и бранится на бедняжку Шарика. А Шарик — хороший пес. Жалко его. Ты его недавно погладил, а он хвостом вилял-вилял, руку и нос тебе облизал. Но об этом лучше никому не рассказывать, а то попадет. Дело было такое: вечером, уже в сумерках, вы с Димкой и Серегой чеканили мяч, а он возьми да и залети через забор прямо во двор к бабе Кате. Такое уже бывало два раза. Так баба Катя мячики вилами и проткнула со злости — они ей цветы-дубки примяли. Надо было мячик спасти, хороший мячик, настоящий, футбольный. А как? Лезть через забор? Страшно! Кинули жребий — тебе выпало лезть. Чуть подождали, чтобы еще стемнело. Перелез ты через забор, мячик нашел, ребятам перекинул. Думал, Шарик рычать или гавкать будет. А он из будки вылез и глядит — то одно ухо вверх поднимет, то другое. Будто и он удивился — и посмел же кто-то к злоке хозяйке через забор лазать. Ты тогда Шарика и погладил. Димка и Серега с улицы шикали, мол, давай быстрее. Шарик так обрадовался, что ты его за ушком почесал, а стоило тебе отойти — он поскуливать начинал, с каждым разом все жалостливее и тоньше. Так ты и гладил его. А только лампочка на крыльце у бабы Кати зажглась, сразу и забыл ты про Шарика от страха, мигом удрал через забор.

Внизу, у вашего забора, во дворе, по своим делам побежала Жулька — ваша собачка. То ли сама она сообразила, то ли научена, но бегают она только по дорожкам, на грядках ее никогда и не видели. Умная собачка, ласковая, терпеливая. Ты когда совсем маленький был — все пытался ее как лошадку оседлать. Даже мама говорила:

— Жуля, да кусни ты этого разбойника!

А Жуля терпела, не кусала.

Навстречу бабе Кате почтальон идет — тетя Вера. Тяжело, в перевалку идет. Тетя Вера полная, ноги у нее болят — бабушке она, ты слышал, жаловалась. А еще сумка толстая какая, тяжеленная! Но вот работает, носит почту, газеты и пенсию де-

душке и бабушке. Опускает тетя Вера газеты в ваш почтовый ящик. Так! Пора с крыши спускаться! Вдруг в газетах программа телепередач есть?! Слезать надо осторожно, а то и шею можно свернуть. Перебираешься по коньку, садишься на корточки и, помогая себе руками, потихоньку спускаешься до ровной крыши над бабушкиной кухней. Дальше уже пустяки. Вот и лестница. Под тобой еще несколько ступенек, но терпения уже не хватает — прыгиваешь. Оббегаешь дом и мчишься к почтовому ящику. Да, есть программа передач! Несешься в дедушкину половину с криком:

— Бабушка! Бабушка! Программа пришла!

Месяц назад вы с бабушкой писали письмо на телевидение, просили фильм «В бой идут одни старики» показать. Очень ты этот фильм любишь, а его нечасто показывают. В прошлый раз он шел посреди недели, да еще в десять утра — мама с папой сжалились, разрешили тебе, первоклашке, в тот день в школу не идти. Вы ведь тогда тоже с бабушкой письмо на телевидение писали и потом три месяца каждую неделю вдвоем программы в газетах изучали.

С бабушкой развернули газету на столе — высматриваете. Она с понедельника глядит, ты — с воскресенья. На среде встречаетесь.

— Опять нету, — расстроено вздыхаешь ты. — Так и каникулы скоро закончатся...

— Не расстраивайся, — пытается успокоить тебя бабушка. — Страна-то у нас большущая, всем охота то одно кино посмотреть, то другое, пишут, поди, мешками.

И смеется, добавляет:

— Такие вот, как мы.

Вздыхаешь в ответ — так ты надеялся...

Дедушка видит твоё расстройство, говорит вроде бы как сам себе:

— Ну, пойду, домик клеить...

Ты тут же и забываешь про свое огорчение. Еще бы — дедушка будет домики клеить!

Дедушка идет в комнату, к серванту. Много в серванте всякого, старинного. Тут и посуда бабушкина, и башня Кремлевская, с термометром, и Царь-пушка, что в Кремле стоит, и слоники фар-

форовые в ряд — большой, а за ним все меньше и меньше. У самого маленького слоника хоботок отбит. Это ты так с ним поиграл неаккуратно, теперь жалеешь всегда этого слоника. Но самое интересное дедушка сейчас достанет. Это коробка — в ней все для его домиков сложено.

На простенке на гвоздике висит отрывной, в половину похудевший календарь желтой бумаги. Каждый день утром дедушка отрывает листик и на новом вслух читает о каком-нибудь празднике или событии, произошедшем в этот день. Рядом, тоже на гвоздике, висит большое бабушкино сито. В него и сейчас помещается твое лицо. Придерживая сито одной рукой, другой можно фехтовать — ты видел состязания фехтовальщиков по телевизору, у них на голове маски, похожие на бабушкино сито. За газовой плитой (которую, впрочем, никогда не называют плитой — только печкой) — полочки, укрытые цветастой тканью. Тут у бабушки много чего хранится. Притаился железный дракон-орехокол, своей пастью колющий орехи, и еще множество всякой всячины — здесь и посуда, и разные шумовки, половники, баночки, жестяные коробочки и мешочки с крупами, мукой, сахаром и солью. Самые вроде обычные вещи. И необычные совсем. И пахнут они особенно — сказочным, старинным, далеким и одновременно близким совсем и родным, добрым, пахнут звонким торжеством весеннего воскресного утра, многими радостями длинного летнего дня и кухонным уютным теплом зимнего вечера, вызывают широкими и шумными праздничными застольями и тихими чаепитиями за неспешными разговорами.

И в вашей половине — тоже все любимое, доброе, родное. Но у бабушки с дедушкой — другое, особое. Есть у вас удобные кресла, в них читать очень хорошо, а вот кресла-качалки, как у бабушки, нет. Она в нем вяжет или дремлет вечерами перед телевизором. А ты залезешь на него с ногами и раскачиваешься, будто капитан на мостике во время шторма. Однажды даже на лбу шишку набил — раскочегарил качалку, ее и перевернула коварная «волна», лбом тогда хорошенько ты

об пол треснулся, аж искры из глаз брызнули и в голове загудело. Целую неделю потом кресло-качалку стороной обходил! У бабушки еще кровать есть — «панцирная», железная, такой в вашей половине тоже нет. Если бабушка не видит, на ней и попрыгать можно, как на батуте. Прыгаешь до самых облаков, аж дух захватывает, а облака эти на картине нарисованы, что над бабушкиной кроватью висит, «Рожь» называется. Там тоже, как на веранде, ласточки летают и сосны высятся... И у вас во дворе сосна растет. Мнится тебе, что на картине нарисованы поля вокруг Милованово, где дедушка с бабушкой раньше жили. А на другой картине, «Охотники на привале» — на ней и пастух Фомич, и станционный дворник Митрич... В вашей половине и проигрыватель есть, для пластинок, на пластинках и сказок много, очень ты их любишь слушать, а вот картин таких нет, только в книжках. Еще в бабушкином шкафу запахи совсем другие — древностью веет, столярным клеем и пряный дух идет от залежалых вещей и давно уж свернутых «отрезов». У вас вот в шкафу пахнет только мамиными духами и папиным одеколоном да кожаным ремнем, который «иногда по тебе плачет». У бабушкиного шкафа и дверцы массивные, певучие, когда открываешь их — тихонечко так поют-вспоминают о своем, о давнем... А резко дернешь — так и охнут, прямо как бабушка, когда у нее в ногах постреливает. Бабушка тогда приговаривает: «Господи Иисусе». Вспоминаешь об этом и дверцу уж закрываешь медленно, аккуратно. И дверца поет тоненько, тихонько: «И-и-и-и-исусе-е-е»... ■

Полностью читайте на сайте: rkuban.ru

ВИКТОР ПАХОМОВ

Родился в 1959 году в Одессе.
Филолог, писатель, публицист.
Член Российского союза профессиональных литераторов,
Союза журналистов России. Автор более тридцати книг. Публиковался в «Литературной газете», «Военном обозрении», «Родной Кубани» и других СМИ.
Живёт в Новороссийске.

НА ГЕНЕРАЛЬСКОМ ПРИЁМЕ

В нашем 2 «Б» классе училась генеральская внучка. Я об этом не знал до тех пор, пока она не пригласила на день рождения избранную публику в количестве примерно 15 ребятишек. По какому критерию я попал в это число, мне до сих пор неизвестно, но догадываюсь, что устроители торжества при отборе гостей руководствовались своим пониманием социального престижа. Как-никак, отец у меня был старшим помощником капитана, дядя — звездой экрана первой величины, да и жил я рядышком с так называемым «Генеральским домом», где обитала семья именинницы. Поблизости от Отрады находился штаб военного округа, поэтому полковников и генералов здесь можно было встретить чуть ли не на каждом шагу. Высшие чины облюбовали красивое дореволюционное здание в начале Французского бульвара, выйти к которому от нашего дома можно было по улице Адмирала Азарова.

С внучкой генерала я не дружил, поэтому, когда взрослые объявили мне о высокой чести быть приглашенным на ее домашний праздник, не очень обрадовался. В нашей квартире на улице Уютной всякого рода пиршества случались очень часто, причем всякий раз за огромным раздвинутым столом собиралась шумная компания, состоящая из родственников, друзей и знакомых, которые произносили тосты, травили анекдоты, пели песни, словом, вели себя без оглядки на социальный статус и строгий этикет. Пока они веселились, я сидел под столом и из опустошенных бутылок допивал остатки спиртного.

Перед тем, как отвести меня на генеральский прием, взрослые провели со мной соответствующий инструктаж. Я должен был вести себя тихо, не вступать в чужой разговор, не шалить и ни в коем случае не просить добавки. Выслушав эти настойчивые рекомендации, я понял, что для

того, чтобы прослыть культурным мальчиком, мне предстоит помалкивать, проявлять сдержанность и постоянно улыбаться.

Именно так: молча, с натянутой улыбкой, в сопровождении бабушки Дуси я переступил порог генеральской квартиры. Гостиная комната, где был накрыт круглый стол, поразила меня невиданными размерами и напоминала музейный зал: на стенах висели картины и фотографии, на полках старинных шкафов из черного дерева стояли всевозможные образцы мелкой пластики, повсюду, словно мины, были расставлены фаянсовые вазы, которые, если их невзначай задеть, могли разбиться на мелкие кусочки. На вычурном комоде громоздились массивные часы с фигурками античных богов, в серванте красовался фарфоровый чайный сервиз на множество персон, который я разглядел через толстое синее стекло. Но основное мое внимание привлекла вырезанная из кости парусно-весельная джонка, стоявшая на тумбочке в окружении маленьких, тоже костяных обезьянок. Перехватив мой взгляд, именинница гордо сказала: «Этот кораблик дедушка привез из Китая». Я не преминул выразить свое восхищение столь изящным произведением искусства, однако про себя усмехнулся, поскольку наша квартира тоже была битком набита иномезными сувенирами: африканскими масками, индийскими слониками, кокосовыми орехами, чучелами рыб, морскими звездами, раковинами, которые привозили из заграничных рейсов дед Яков и отец.

К моему разочарованию, генерал лишь на минуту почтил собравшуюся публику своим присутствием. Он сказал несколько дежурных фраз и важно удалился в другую комнату, после чего управление праздником взяла в свои руки мать именинницы. Согласно четкому расписанию, храня полное молчание, мы расселись по местам.

Боясь нарушить царившую тишину, я взял в правую руку нож, в левую — вилку и стал ожидать команды приступить к трапезе. Помимо порций разных салатов, каждый гость получил по одному бутерброду с медвежьей колбасой. Такую колбасу — темно-багрового цвета, с маленькими блестящими кругляшками сала, — я раньше никогда не пробовал. Она мне настолько понравилась, что я мгновенно съел бутерброд и едва не попросил еще один. Но вовремя опомнился и потом весь вечер терзался от невозможности положить себе на язык еще хоть полкусочка этого лакомства!

Застольная беседа между тем никак не завязывалась: видимо, все гости поголовно получили строгий наказ не выпячиваться и вести себя чинно. Минут пять слышался лишь стук ножей и вилок, заглушающий сдержанное чавканье. Чтобы как-то разрядить тягостную обстановку, я решил интеллигентно пошутить и, обратившись ко всем собравшимся, задал риторический вопрос: «Интересно, когда нам подадут шампанское?»

В ответ кто-то из гостей прыснул, кто-то подавился куском медвежьей колбасы, но именинница окинула меня холодным взглядом, давая понять, что шутка моя более чем неуместна. Однако я на этом не успокоился, решив во что бы то ни стало выделиться из толпы одноклассников. Меня абсолютно не устраивал день рождения, очень похожий на поминки: гости словно набрали в рот воды и проглотили по осиновому колу. Лишь изредка они криво улыбались и, стараясь продемонстрировать культуру, снова продолжали усердно орудовать начищенными до блеска мельхиоровыми ножами и вилками. Наконец, набравшись нахальства и предварительно прожевав пищу, я поинтересовался у виновницы торжества: «А твой дедушка какой генерал: майор, лейтенант или полковник?» Разумеется, я всего лишь хотел блеснуть военной эрудицией, но моя не очень ловко сформулированная фраза свергла именинницу в состояние ступора. Она застыла с разинутым ртом, из которого предательски выпал непрожеванный кусочек колбасы. Причем свидетелями этого конфуза стали все гости, обратившие свои

взоры на именинницу и отложившие столовые приборы в ожидании ответа. На выручку дочери пришла ее мать.

— Наш дедушка, — сказала она, — генерал-полковник.

Выслушав ответ, я кивнул головой и покровительственно заявил:

— Значит, скоро станет генералом армии!

Мое короткое выступление произвело должное впечатление на непросвещенных сверстников: они дружно поддакнули и, признав во мне военного знатока, весь вечер смотрели на меня с подчеркнутым уважением. Но наибольшим пиететом к моей неординарной личности прониклась сидевшая со мной рядом одноклассница Женька, лицо которой так и сияло от удовольствия. Я думаю, оно отражало лучи моей славы! Между прочим, с того самого вечера Женька постоянно оказывала мне знаки почтительного внимания, отчего даже возникло всеобщее убеждение, что она в меня влюбилась. Вот что значит одна удачно брошенная фраза!

Перед десертом именинница долго хвасталась дорогими подарками: говорящей куклой, колечком с бриллиантом, золотыми сережками, шелковыми платьями, которые вызвали мое недоумение, поскольку я не понимал их практической пользы. При демонстрации очередной подаренной вещи девчонки подбострастно ахали и закатывали глаза от восторга, но в душе наверняка завидовали своей богатенькой подружке. С трудом досидев до окончания застолья, я осторожно спустился по скользкой мраморной лестнице генеральского дома и вприпрыжку помчался домой.

Более нудного и фальшивого мероприятия, чем день рождения генеральской внучки, за все свое детство я не припомню. ■

ВИНО ДЛЯ АРТИСТОВ

После окончания первого курса университета я, решив сразу не возвращаться в Новороссийск, половину каникул провел в Одессе и Егоровке. Это было, пожалуй, самое счастливое в истории Советского Союза время: страна готовилась к проведению летней Олимпиады, наши войска еще не вторглись в Афганистан, отношения с Западом более-менее наладились, да и дорогой Леонид Ильич, которого нынешние идеологи изображают не иначе как дряхлым маразматиком, выглядел достаточно бодро.

Однажды в середине июля я приехал в Одессу из деревни и у ворот нашего двора на улице Уютной обнаружил стоявшую с открытым багажником белую «Волгу». Какие-то два мужчины выгружали из машины ящики с бутылками и кульки с продовольствием. Подойдя поближе, в одном из них я опознал дядю Володю — знаменитого артиста театра и кино Владимира Яковлевича Самойлова. Он заключил меня в мощные объятия, пророкотал бархатным голосом что-то приятное прямо в ухо и объяснил, что театр имени Маяковского после гастролей в Кишиневе приехал в Одессу, а его с супругой из столицы Молдавии доставили на машине прямо в родную Отраду. Я без раздумий схватил два ящика с вином (это было «Рошу де пуркар») и, вспомнив грузицкие навыки, бегом понес их на второй этаж по пологой мраморной лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Дядя Володя вслед за мной тащил брынзу и авоськи с овощами и фруктами. Пройдя по длинному темному коридору, мы вместе вошли в квартиру бабушки Дуси, где уже находилась тетя Надя — роскошная черноволосая красавица, тоже артистка и одесситка. Я поставил зазвеневшие бутылками ящики в угол меньшей

комнаты, в которой жил до десяти лет, и, обменявшись любезностями с родственниками, отправился на пляж, чтобы не мешать им обустроиваться.

Часа через четыре я вернулся и застал в квартире бабушки большую компанию столичных артистов. Во главе огромного дубового стола, уставленного типичными южными яствами — салом, колбасами, жареной рыбой, брынзой, картошкой в мундире, салатами, восседал дядя Володя. По обеим сторонам от него сидели пять или шесть знакомых и незнакомых мне служителей Мельпомены, среди которых были Армен Джигарханян и Евгений Лазарев, как и мой дядюшка, — народные артисты СССР. Под столом стояла батарея пустых бутылок. Бабушка Дуся постоянно челночила между комнатой и кухней и приносила все новые и новые блюда. Она была прекрасной хозяйкой и в течение получаса могла, используя свои продовольственные запасы, накрыть стол, что называется, «с прогибом». Мое появление было встречено собравшимися с живым интересом: вероятно, дядюшка успел рассказать им о том, что я учусь на филологическом факультете, а значит, не чужд увлечения театром. Меня усадили за стол рядом с каким-то малоизвестным актером второго плана и налили полный стакан вина. Роль тамады оспаривали дядя Володя как хозяин дома и Джигарханян как уроженец солнечного Кавказа. Они произносили пространственные веле-речивые тосты, громко чокались с коллегами и выпивали багряное зелье двумя-тремя глотками. От них почти не отставал энергичный и щеголеватый Лазарев, то и дело вскакивавший с места и произносивший славословья в адрес матери и жены своего друга Владимира. Все трое тогда были на вершине успеха, в самом

расцвете сил и таланта и, оказавшись в приятной товарищеской обстановке, вели себя очень естественно, сыпали шутками и остротами. Тосты произносились один за другим без перерыва, вино лилось рекой, бутылки опустошались с невероятной быстротой. Вся компания находилась в отличном расположении духа, видимо, москвичам было очень приятно оказаться летом у теплого моря, в прекрасной гостеприимной Одессе, где у театра имени Маяковского имелось множество преданных поклонников. Между прочим, каждый спектакль с участием Владимира Самойлова вызывал в городе невиданный ажиотаж: публика гордилась тем, что он коренной одессит, и жаждала увидеть его на сцене. Впоследствии я смотрел пьесу «Игра в джигу» и был поражен мастерским перевоплощением своего увенчанного лаврами дяди в униженного судьбой неудачника, который вызывал одновременно неприязнь и сочувствие. Не скажу, что я испытывал к знаменитым артистам особый пиетет и слушал их речи, разинув рот от восхищения, зато исправно выполнял функции виночерпия и своевременно приносил бутылки «Рошу де пуркар».

Желая как-то обратить внимание присутствующих на племянника и найти новую тему для беседы, дядя Володя после очередного тоста громогласно обратился ко мне:

— А что, студент, ты стихи пишешь?

Едва не поперхнувшись куском колбасы, я скромно ответил «да» и тут же получил неожиданное творческое задание.

— Я сейчас снимаюсь в фильме «Прodelки в старинном духе», — пророкотал дядя Володя, — нам позарез нужна песня о гусаках. Напиши для нее слова. Сможешь?

Это предложение не то что ввергло меня в ступор, но поставило в затруднительное положение. Припомнив свои робкие попытки рифмовать и посредственное знание культуры XIX века, я виновато пожал плечами и отрицательно покачал головой. Теперь-то я понимаю, что дядя Володя давал мне великолепный шанс

въехать в литературу на белом коне: если бы я написал удачные стихи, то сразу бы прославился на всю страну! Кстати, отличная кинокомедия «Прodelки в старинном духе», в которой артист Самойлов блестяще сыграл роль по-ноздrevски сумасбродного отставного военного, с упоением крушившего собственную усадьбу и регулярно палившего из чугунной пушки, имеет лишь один недостаток: в ней нет запоминающейся песни.

Впрочем, моя скромность, кажется, понравилась и дядюшке, и всей компании. Одобрительно похлопав меня по плечу, Джигарханян попросил принести очередную бутылку, но оказалось, что шестеро (а со мной так и семеро!) здоровых веселых мужчин уже прикончили все имевшиеся запасы вина. При этом неприятном известии за столом повисла томительная тишина: вошедшим в раж артистам хотелось продолжения праздника, а живительный источник амброзии внезапно истошился. Тогда дядя Володя подозвал меня к себе, сунул в руку пятирублевую купюру и вежливо, как будто извиняясь, сказал: «Купи, пожалуйста, еще вина!»

От нашего дома до ближайшего продовольственного магазина было недалеко. Я пробежал стометровку по Уютной, свернул на Ясную и, слегка сбавив темп, по Отрадной вышел к гастроному. Он занимал большой одноэтажный дом на улице Белинского, напротив недавно построенного здания театра Музыкальной комедии, перед фасадом которого с шипением били фонтаны. В винно-водочном отделе мне пришлось решать проблему, какое вино купить для столичных гостей: ординарное, за рубль, или выдержанное, но за два рубля. Выбор спиртного в Одессе тогда был обширный: на полках стояли южноукраинские, крымские, молдавские, грузинские, венгерские, болгарские вина, различные ликеры и настойки, водка, грузинский и армянский коньяки, даже некий неизвестный мне кальвадос. Рассудив, что артистам негоже пить какой-то кислый «Стру-

мок», я купил две бутылки молдавского каберне, по вкусу и цвету очень похожего на «Роше де пуркар».

Через четверть часа я вернулся в квартиру бабушки, где не успевшие заждаться меня гости доедали последних жареных бычков и глосей. Я поставил каберне на стол и сел на свое место. И тут дядя Володя, взглянув вначале на принесенное вино, потом на меня, с явным сожалением сказал:

— Эх, лучше бы ты купил пять бутылок «Струмка»!

Признаться, я растерялся, смутился, но был утешен Лазаревым, который, со смаком выпив последний стакан, благодушно сказал:

— Мы уже и так надоели хозяйке. Пора и честь знать!

Когда в коридоре, а потом на лестнице стих нестройный топот уходящих гостей, я разложил раскладушку и лег спать на балконе, уступив свое место на тяжелом раскладном диване в маленькой комнате дяде Володе и тете Наде.

Проснувшись рано утром и умывшись на коммунальной кухне, я обнаружил в гостиной

за столом дядю Володю. Лицо его опухло и имело землистый цвет, голова была перевязана мокрым полотенцем. После вчерашнего неумеренного возлияния мой перепивший родственник страдал от жестокого похмельного синдрома.

Увидев меня, он поднял на меня глубоко несчастный, мутный взгляд и спросил: «Не хочешь холодного молока?» Видимо, молоком он лечился от головной боли. Я посмотрел на плотно закрытую межкомнатную двустворчатую дверь, за которой спала моя тетушка, усмехнулся и с видом заговорщика тихо поинтересовался:

— А вы вина не хотите?

Перспектива опохмелиться и поправить здоровье, кажется, не на шутку вдохновила дядю Володю. Просительно сложив домиком смоляные брови и подавшись вперед, он выдохнул с невыразимой надеждой:

— А есть?

И тогда я достал из своего желтого студенческого портфеля припрятанную на всякий случай бутылку «Струмка». ■

ПОЭЗИЯ

*За столько лет бряцания на мире
Открыл я для себя один секрет,
Что ничею случайною нет в мире
И ничею напрасною в нём нет.*

*И потому ты, сердце, успокойся,
Пожалуйста, ты бейся поровней,
Когда я выполню,*

как с отцом с покоса

Мы возвращались в дымке

знойных дней...

НАТАЛЬЯ ВОЗЖАЕВА

Родилась в городе Грозном.
Окончила в 1993 году
Ростовский государственный
университет. Автор двух сти-
хотворных сборников. Публи-
ковалась в журналах «Родная
Кубань», «Москва», в газете
«Завтра» и других СМИ.
Живёт в Новороссийске.

«МОЛОДОСТЬ – ПУШИНКА НА ГУБЕ...»

БЛАГОДАТЬ

Хочется благодати – выйди в июнь из дома.
Прямо лицом в жасминовый влажный куст.
Теплой волной накроет тебя истома,
Ноги подкосятся, сердце зайдется – пусть.
Утро придет, говорливые горлинки сядут
На провода и загикают – благодать.
Три с половиной сотки нехитрого сада –
Вот оно, настоящее. Вот оно. Навсегда.
Вопли утробные – песня, ну просто песня!
Рыжий с трехцветкой не поделили двор.
Дыня луны пополам вдруг возьмет и треснет.
Жимолость оккупировала забор.
А у котов трали-вали да тили-тили.
Слушай и не пугайся – в траве шуршит.
Надо же, это ежики возвратились.
Не выходи из жасмина. Дыши. Дыши.
Как это так: без ежей, голубей – помилуй?
Как это так – без победного воя котов?
Мир детонирует влажным кустом жасмина –
И не умрет, никогда не умрет никто.

ЛАВАНДА

С цветов натекло, вытирал
Салфетками пол веранды,
И бабочка-адмирал
Спускалась на куст лаванды.
Сидели вдвоем: я и ты.

Нагретые пахли доски,
Фонтаны пускали киты
Под нашей планетой плоской.
А помнишь, была она
Когда-то большой и круглой?
Я помню – была война.
Лопаткой мешаешь угли.
Нет сердца, души и проч...
И Бог разминает глину,
Чтоб заново сделать нам дочь.
И сына. Конечно, сына.
А дом наш давно пропал.
Осталась одна веранда.
И бабочка-адмирал,
И призрачный куст лаванды.

P. S.

Кто-то руку поранил сосне, и янтарь течет.
Привезу тебе шишку – крепенький кулачок.
Все же лучше какого-нибудь
магнетика-ерунды.
Представляешь, пишу тебе, стоя у самой воды.
А еще привезу контрабандой песок в мокалинах.
Он назойливо-невыносим, но я выносила
Хоть немного с долгих прогулок по пляжу,
Пряча в складках одежды, в ладонях,
в причёске даже.
А коса все целует море мягкой своей губой.

Я бесстыдно грешу
 (только в мыслях пока) с тобой,
Зажимаю в руке
Сосновую липкую детку.
Знаю, что не ответишь, но жду ответку.
Ты же будешь встречать меня на вокзале,
любимый?

Что хотела – ах, да!
 Принеси мне букет люпинов.
Ничего не понятно, но это так, между нами.
Их тут несколько раз почему-то упоминали.
Надо мной провисает туча мордой овечьей.
Извини мое подростковое просторечье.

Знаю-знаю, «постскриптум», но скучно.
Лучше «пы-сы»:
Тут вокруг пляшет лес и гуляют дюны
 Куришской косы.

ПОЧЕРК

Все, что казалось неразборчивым,
Ты научилась разбирать.
Ты и сама неразговорчива,
Но это древняя игра –

Читать листы кустов смородины,
Читать поэзию стрижей.
Все это не впервые вроде бы.
Все это в памяти уже.

Ты, подмастерье слова Божьего,
Дар превращая в ремесло,
Несешь свое пустопорожнее,
А тут – поэзия без слов.

И в сотый раз признать приходится –
Ты пишешь тоже, только вот
Чернила лучше у шелковицы,
И почерк лучше твоего.

* * *

Приморской ночью низких звезд без счета,
Но это позже, а пока – закат.
Антоновки горят тугие щеки,
Подсвечивая снизу облака.
Мы так близки – касаемся локтями.
Цветы и хмель в лохматой голове.
Такая осень – целоваться тянет
Двоих, проживших в сумме целый век.
Чего желать? Да ничего не надо.
Вина налью и яблоко сорву.
Иди ко мне, мы будем листопадать
В уставшую, осеннюю траву.
И в мире отвлеченности понятий,
Где люди слишком много говорят,
Есть место, где трава слегка прижата
И яблоки закатные горят.

* * *

Лягухи стонут просто неприлично,
Густая темь – хоть ложкой, хоть с ножа.
Почти бесшумно вспархивает сычик
С нагретого настила гаража.

Потеет сад смородиновым духом
И видит сны об утренней росе.
Дурной комар звенел, звенел над ухом,
Внезапно перестал – удачно сел.

Катая в пальцах мятный мякиш лета,
Сдувая словом наглеца с губы,
Ну как тут не заделаться поэтом,
Не перестать неверующим быть.

Под утро, не дождавшись птицы звонкой, –
Такие ночи жаль, что не длинны, –
Как не заснуть тут чистым сном ребенка
В околородных водах тишины.

Но все слова сутулы и корявы,
А суть всего прозрачна и проста.
Вот был бы дед живой, сказал бы прямо:
«Етишкин кот, какая лепота!»

* * *

Трясогузки шастают по тропкам.
Марево. Ты, промокнув лицо,
Опрокинь живительную стопку
Воздуха полыни с чабрецом.
Этот хмель – благословенье свыше,
Летний градус вязок и смолист.
Розовой, нагретой пеной пышет
Пышный, но прозрачный тамариск.
Разувайся – за плечо кроссовки,
Чувствуй кожей полевой уют.
Тут на наковаленках подковки
Серые кузнечики куют.
И, в просвет меж зарослями узкий,
Видишь – сшито с небом в два стежка
Море. Ты иди за трясогузкой,
К маленьким приноравясь шажкам.

НЭ КОМПРАН ПА

Лазурный берег, кофе на веранде.
Швейцар отеля черный, как смола.
Возможно Конго, может быть Уганда,
А, впрочем, черт с ним. Странные дела –
И деньги есть, и маленькая Ницца
Игрива, как танцовка кабаре,
А скучно так, что впору удавиться,
Да только то не надобно поре.
Толпа проста, похожа на гризетку,
Пропахшую вином и чесноком.
Сейчас бы криль, завернутый в газетку
И «на разлив» нехитрое пиво.
Маршпуазон, воняющий моллюском,
Грассирует, попал туда – пропал.
Тут каждый третий говорит по-русски,
Но на твое «привет» – нэ компран па.
В оранжевом коктейле тают льдинки,
Воняют мидии, креветки и клозет.
А Мариньер похуже Кабардинки,
И Геленджик покруче Крузет.
Я тут, «невыживающий в неволе»,
Под градусом шампнэ живу легко.
Фу, ери твою, мне снова снилось поле –
Густая рожь с глазами васильков.
И снег густющий, щедрый, в Подмосковье.
Подъезды, продуктовые ларьки...
Швейцар на морду надвигает брови,
Белее снега яркие белки.
Эбеновый, что скалишь хлебoreзку?
Ты с ним по-нашему, в ответ – ни ме ни бе.
Стоячей грудью тычется «Негреско»
В линялое полотнище небес.

*Я по-гусарски глуп, как все «иваны», –
На чай дороже чашки кофе дам.
Быть может, он тоскует по саванне,
Как странный русский – по большим снегам.*

* * *

*Пятнистые аллеи мореграда
Вдруг позовут негромко и пойдешь.
Последний день у августа украден,
Сентябрь кроит цыганский солнцеклеш.*

*Вся в желто-красном, смуглая, босая...
Обману рад – протягивай ладонь.
Нагородит, руки твоей касаясь,
Слова – неправда, золото – рандоль.*

*Обманут блеском, дурачок наивный,
И красотой недолгой, знаешь ведь –
Уходит в небо табор журавлиный,
А что земле? Листвы сухая медь.*

*Любовь, здоровье, дальняя дорога –
Так складно врет, что верит и сама.
Все будет ложь, а сбудется не много –
Зима.*

БУКАШКА

*Одни воют за тьму, другие – за свет.
И тех и других собирает
в котомку смерть.
В лесную (неважно где) зайдет полосу,
Пучком из травы почистит свою косу,
Достанет баклажку кваса и сала шмат,*

*Перетряхнув котомочьи закрома.
И, сытая, ляжет навзничь, примяв ромашки.
В костлявой руке стебелек, а на нем –
букашка.*

*Букашка ползет в пустые ее глазницы,
И смерть ухмыляется: надо же, не боится.*

МГЫЧКА

*Давно себя не чувствуя нормальной,
Не разбираясь в мире ни черта
И не влияя ни на что глобально,
Цепляешься за мелкую деталь.
Весенний день, дождливый, сонный, мутный
Такая мгычка – не видать конца.
Юродивая, прошагаешь утро
С блаженным выражением лица.
И, наклоняясь, чтобы видеть лучше,
Охватишь миг, объемнее, чем жизнь:
Галантусы стоят унылой кучкой.
Заплаканными личиками вниз.
Нет ни тоннеля, ни конца, ни света.
Как водится, шагнешь однажды вон.
Последнее, что вспомнишь, только это:
Цветы и дождь. А больше ничего.*

* * *

*Дождливый день, поникий садик,
Калитки темная доска.
Ни просто так, ни Бога ради
Не выключается тоска.
Из желобка бежит на плитку
Струи невнятный бормоток,
И нежноглазую улитку*

Стряхнуть пытается цветок.
Вот, словно в платье, облепившем
Фигурку девичью, бела,
Стоит застенчивая вишня.
Как жаль, ну только зацвела.
А дождь, как жизнь, идет и долбит
В больное место: кап-кап-кап.
Уставший Бог, конечно, добрый,
Но занят, видимо, пока.

* * *

Посмотришь на планету свысока –
Надежный с виду и красивый челн,
А в целом, вся конструкция – хрупка,
И держится неведомо на чем.
И свысока никак не разглядеть
Нарцисс, взошедший за ночь, как звезда,
Ни стайки рыбок в солнечной воде,
Ни горлышко раздутое дрозда.
Вот женщина, воздушная, как шар,
Прислушиваясь к таинству в себе,
Почти ведет за руку малыша,
Уже незащищенного от бед.
Вынашивая жизнь, терпи, терпи.
Рожденный смертным – сразу не жилец.
Но белоснежной пеной сад кипит –
Весна моя, надень бронезилет.

* * *

Дождик ночью то скулил, то плакал,
И листва умытая мокра.
Дедова соломенная шляпа
На востоке показала край.

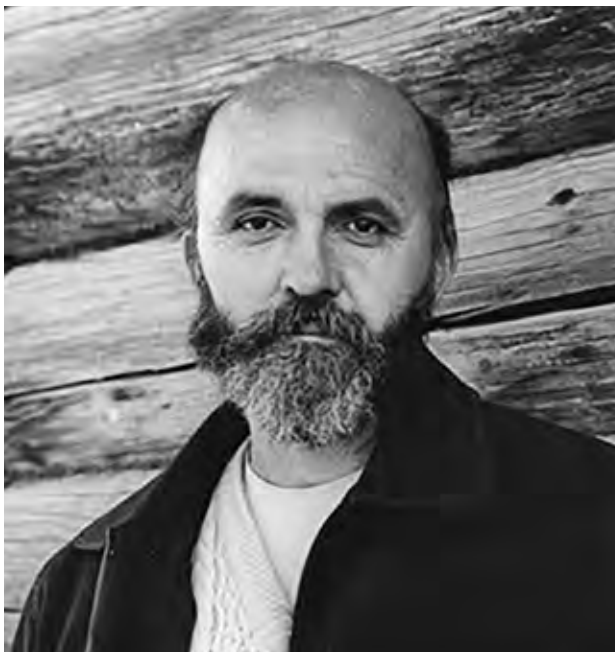
В пять утра не спится – да и ладно.
В небе перья бабиных перин.
Значит, будет знойно и цикадно,
Пахнет детством, что ни говори.

Воздух, взбудораженный стрижами,
Воробьи под крышей счастье выют,
И тебя, лохматую, в пижаме,
Птицы принимают за свою.

Словно к ранке подорожник влажный,
Утро прижимается к тебе.
Старость приключиться может с каждым,
Молодость – пушинка на губе.

Жаль минуты – потому не спится,
И подслушать хочется чуть свет,
Что Господь нашептывает птицам,
А ему чирикают в ответ. ■

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

Родился в 1960 году в станице Кореновской Краснодарского края. Поэт, член Союза писателей России. Классик современной русской литературы. Лауреат Патриаршей и Большой литературной премий России, Бунинской премии, Международного конкурса газеты «Литературная Россия». Живёт в Кореновске.

«НЕ БОЙСЯ, Я С ТОБОЙ...»

РОССИЯ

*Ты – степь и в небо колея,
Ты – жизни первая минута.
И боль, и радость ты моя,
Но боли больше почему-то...*

* * *

*За столько лет бряцания на лире
Открыл я для себя один секрет,
Что ничего случайного нет в мире
И ничего напрасного в нем нет.*

*И потому ты, сердце, успокойся,
Пожалуйста, ты бейся поровней,
Когда я вспомню, как с отцом с покоса
Мы возвращались в дымке знойных дней...*

* * *

*Зло понимает только силу,
Договориться с ним нельзя.
Вот и создал Господь Россию.
А для чего еще, друзья?..*

* * *

*Я, как и все, со дня рожденья
Встречался с разными людьми,
И все достойны снисхожденья,
И состраданья, и любви.*

*А те, кто думают иначе, –
Я понимаю их вполне, –
Они несчастливы и, значит,
В любви нуждаются вдвойне.*

* * *

*На крыльях бабочки узор, –
Как в нем все выверено строго, –
Но разве это не укор
Тем, кто еще не верит в Бога?..*

СОВРЕМЕННОМУ

*В череде безумных дней
Есть ночные промежутки,
И они мне так же жутки
Пляской сумрачных теней,
И чем дальше, тем сильнее.*

*Возвращает меня утром
Из реальности иной
Призрак старости немудрой,
А не теплый свет дневной.*

*А хотелось бы... Хотелось
Душам близким свет нести,
Но не вышло, ну, не спелось,
Так бывает... Ты прости.*

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

*Сидел на лавке лысый дед
И с аппетитом ел творожник,
Никто не знал, что дед – поэт,
Служитель слова и художник
Того, чего на свете нет.*

*Затем старик поднялся грузно,
Что даже скрипнула скамья...
Пора признаться вам, что я
И есть старик тот самый. Грустно...*

УТРО

*Как в детстве, радостно проснись,
Как в детстве, я поглажу кошку,
Как в детстве, сладко потянусь,
И босиком бегом к окошку.*

*Какой рассвет! Вот это да!
Но, глупый, радио включаю,
И тает радость без следа,
Как рафинад в стакане чаю...*

*** * ***

*Мой дядька жил на Украине,
Мы в гости ездили к нему,
И я читал сестре Марине
Рассказ тургеневский «Му-му».
Потом мы бегали к затону,
Купались, ели с ней сметану...
...А Лондону и Вашингтону
Я соболезнавать не стану,
Когда придет расплаты час
За то, что разлучили нас.*

СОН

*Ходил старик худой, как привиденье,
И спрашивал с улыбкой сатаны:
«Скажите мне, как ваше настроенье
За пять минут до ядерной войны?»*

*** * ***

*Россия борется теперь,
Россия сбросила оковы,
И будет День Победы новый,
А точное число потерь
Вам скажут матери и вдовы...*

ФРОНТОВОЕ

*Как и прадеды наши и деды,
Мы не все доживем до Победы,
Кто-то в снег упадет, кто-то в пыль,
Это, братцы, не сказка, а быль.
Но однажды мы все, не таю,
Соберемся в солдатском раю...*

НА СОЛДАТСКОМ КЛАДБИЩЕ

*Слова звучат, как донесенье:
России верные сыны,
Печально ваше новоселье
В объятьях вечной тишины.*

*В боях погибшие, вы с нами,
Для вас закончилась война.
А ветерок между крестами –
Взрывная стихшая волна...*

ВЕСНА 2023 ГОДА

*Зелень крон и свежа, и густа,
Так же светит весеннее солнце,
Но чернильница сердца пуста,
Только муха сухая на донце...*

* * *

*Вставал рассвет из-за насосной,
Дни были чудно хороши!..
Так почему ж почти несносна
Теперь ты, жизнь моя, скажи?*

*Но ничего не отвечает,
Молчит, как на крылечке мох.*

*Так что все это означает?
В чем, вы ответьте мне, подвох?*

*Но и от вас не жду ответа,
Сам разгадал я это квест.
Я понял, это – крест поэта,
Поэта тяжеленный крест.*

* * *

*Когда сомнений много,
Когда в душе тревога,
В опасности любой
Я слышу голос Бога:
«Не бойся, Я с тобой». ■*

АЛЕКСАНДР ФОКИН

Родился в 1966 году. Литературовед, поэт. Автор книг «Иосиф Бродский в контексте русской поэтической традиции», «Илья Сургучёв: проблемы творчества», «Художественный мир Г. И. Шиллина», «Мистические аспекты творчества И. Д. Сургучёва». Живёт в Ставрополе.

«РУСЬ – ЭТО БОЖЬЯ ЗЕМЛЯ!»

ЭКИПАЖУ ТАНКА «АЛЕША»

Абрамс по хлебному полю
К нашему рвется застолью...
Слышал про русский авось,
Пламенный натовский гость?
Ну, уж приполз, так гори
В мареве встречной зари!
Знай, не бывает сытней
Жарева русских полей:
Здесь что ни колос – Алеша,
В раз тебе дуло скорешат.
Лучше катись, твою ж мать,
Байдену руку пожать –
Ищет тлетворный старик
В мозг бронебойный ручник.
Абрамс, как будешь в аду,
Там пережарь ту орду,
Что даже в думках опять
Русь помышляла распать:
Им и в аду жить нельзя,
Русь – это божья земля!
Так можешь всем передать:
Божье у нас не отнять!

АНГЕЛАМ СВО

Заговори, сестричка, зашепчи меня,
Твои молитвы здесь сильней любви,
Заговори, не называя имени,
Скользнув бинтами по моей груди.

Заговори и ни о чем не спрашивай,
Пусть звезды в небе спорят о судьбе,

Заговори от страшного бесстрашия,
Не связанного мыслью о себе.

Заговори улыбкой изумления,
Всезнанием молчанья моего,
Заговори от камня преткновения
Слепых по полю минному шагов.

Заговори, ведь шепот твоей музыки
Спасительнее штурмовой брони,
Заговори, как мать, словами русскими,
Слезой, разбивающей гранит.

Заговори собой, моя волшебная,
Так магия твоя сейчас нужна,
Заговори, что тайна мне врачебная,
Не верю в смерть, смерть не поймет жена.

Заговори от ран, еще не принятых,
А принятые заживут в раю,
Заговори теперь меня по имени,
Я помню, что обрел его в бою.

ЗАЩИТНИКАМ ДЕТСТВА

Стоит стеной за детство генерал –
Стеной стратегий, тактик и теорий,
Стеной стоит за детство капитан –
Отваги в ежесуточном дозоре,
Солдат стоит стеною за детей –
За каждого, за всех – стеною жизни,
И как здесь не назвать учителей,
Они не стены – крепости Отчизны.

* * *

*«Мы знаем, что ныне лежит
на весах...»*

А. Ахматова

*Истории поганая страница
Не кончится никак,
Как будто время хочет измениться
И ищет твердый знак.
Война, потоп, мятеж одновременно:
А льется наша кровь.
Какая, к лешему, морская пена,
Родившая любовь!
Кузнечик строк спешит к концу блокнота
Оставить даты след,
Его поймет равнодушный кто-то,
Скорее не поэт.
Сочтет трофеи, а потом утраты,
Взалкает не забыть
Живых и мертвых, правых, виноватых
И Днепр переплыть.
И там уже перевернет страницу
Недрогнувшей рукой,
Бюст Пушкина поставит на границе:
«Не знаешь русский – стой!»*

* * *

*Жизнь начинается с эпилога,
С буквы последней всех алфавитов,
С произнесенного звука ли, слога
В пене резвившейся Афродиты.
С die Schlecht-Unendliche Гегеля и
Промысла яблок в Эдемском саду,
С обреченности на бессмертие
И не только в раю и аду.
С купленной мухи по ценам слонов,
С пешки, взошедшей на клетку ферзя,*

*С первых несказанных вовремя слов,
В общем, с диагноза – амнезия.*

* * *

*Столько слов чужеземных слышится –
Толмачи не нужны давно.
Все трудней разбираться с ижицей,
А с азами – уж не дано.*

*И мычим, звуковую кашею
Заполняя картаво рот,
И, казалось бы, все по-нашему,
А проверишь – наоборот.*

*Иногда так и вовсе кажется,
Будто хлеб их уже вкусней:
То ли маслом он лучшие мажется,
То ли в пост он еще постней.*

*Позабыли, что сладко дышится
Там, где словом нельзя круть-верть,
Что как слышатся, так и пишутся
Неизменные жизнь и смерть.*

СБУДЕТСЯ!

*Когда-нибудь из водяного плена
Восстанут мачты древних кораблей,
Затянут песнь забытую Сирены
О тех, кто дорог на родной земле,
И Одиссей войдет в свою Итаку,
Как в старый дом, склонившись у дверей,
И Пенелопу вызволит из мрака
Безбожью отдававшихся царей.*

*Когда-нибудь из бездны Светлояра
Восстанет в полноцветии церквей*

Град Китеж златокупольным радаром
И ликами икон и матерей,
И сыновья, услышав их молитвы,
С небес вернутся стаяй голубей,
По зову первому на поле битвы
Вновь превратиться в рать богатырей.

ДАМЕ С СОБАЧКОЙ

Старушка, покидая дом,
Взяла с собой собачку,
Еще – березу под окном
И макаронов пачку.

Собачка с пачкою – в руке,
Березу не обхватит:
– Мамаша, едем налегке,
Ей места вряд ли хватит.

– Собачка что, полгода с ней
Вдвоем в сыром подвале;
Береза – память о семье,
Сто лет назад сажали;

Она, как Родина, стоит,
Хотя вокруг ни хаты,
Здесь, защищая, полегли
И сыновья-солдаты;

Она, как правда, – не возьми,
Сама повсюду следом...
И вдруг старушка говорит:
– Я без нее не еду!

Стоит береза у окна
Разрушенного дома,
А рядом с ней стоит она.
С собачкой. Так знакомо!

НОВЫЙ АДАМ

Соль на руках от подводных атак,
Над Атлантидой полощется стяг!
Бледных русалок поругана честь,
Крепости взяты и пленных не счесть.
Снова едины земля и вода,
Рыб и коров будут тучны стада...
Что остается? На небо взглянуть
И покорить его, пусть на чуть-чуть.
Только у неба нет четких границ,
Не доказать, что оно пало ниц...
Разве однажды ночной звездопад
Выдать за звон золоченых наград.
Смыслы такой вездесущей войны
Даже простейшим амебам видны:
Только они и останутся жить,
Наши останки безмерно любить.
Космос и Землю они покорят,
Им улыбнется победы заря.
Может, потом, в миллиардах веков,
Снова и вырастет райский покров,
И, как презренье воюющим нам,
Где-то появится новый Адам.
Что он узнает о нас, о войне?
Сможет ли кровь разглядеть на Луне?
Вряд ли амебы помогут ему...
– Люди, зачем вы стремились ко дну? ■

СЕРГЕЙ ЗУБАРЕВ

Родился 28 августа 1954 года в городе Челябинске. Публиковался в центральных и краевых газетах, журналах и интернет-изданиях. Автор сборника стихов «Грешное с праведным».

Живёт в Анапе.

«СЛОВО, ОНО – КАК ЖИВОЙ ЦВЕТОК...»

* * *

*Боль во мне вяжет морские узлы,
Чтоб просыпался скорее, –
Псы государевы в снах моих злы,
Могут и вздернуть на рее.*

*В снах все возможно: и птицей летать,
Или резвиться дельфином...
В этом – разбойник морской я и тать,
Пахнувший ромом и джином.*

*Ветры ревущие рвут паруса...
Миг, и меня здесь заколют.
Пушечный залп, и горят небеса...
Я просыпаюсь от боли.*

*Соль вытираю морскую со щек,
В сад – настужь окна и двери!
Дышится легче, но долго еще
Чувствую нож в подреберье...*

ЯБЛОКО

*Долог путь от семечка до плода...
Павши в землю, надобно прорасти,
К солнышку тянуться... Через года
По весне неистово зацвести.*

*Завязи укачивать на ветвях,
Ветер колыбельную им сплет.
И однажды осенью утром – ах! –
Упадет в траву краснощекий плод...*

СОНЕТ МОЛЧАНИЯ

*Карандаш выпадает из рук,
Словно нет тяжелее груза...
Журавли улетают на юг,
А куда улетают музы?*

*Вот и ты, задушевный мой друг,
Замолчал и не пишешь тоже...
На исходе зимы чей-то стук
Напугал тебя вдруг до дрожи.*

*Это в дверь постучалась весна,
Значит, скоро вернутся птицы...
Улетевшая муза... Она
Неужели не возвратится?*

*Ты в дверях изумленный застыл,
Слыша шелест невидимых крыл...*

ГЮЛЕЙША

*Просыпайся, моя Гюлейша,
Надевай свой халатик зеленый.
В нем весною ты так хороша,
Что гляжу на тебя я влюбленно.*

*На халатике нежном цветы
Так цветут, так волшебю алеют...
Ах, моя Гюлейша! Вот и ты
Расцветай, ни о чем не жалея.*

Утечет очень много воды,
Не сочтешь, сколько выльется света
Прежде, чем закачаешь плоды
На ветвях, словно матери деток...

И глядеть на тебя буду рад,
Хоть не женищина ты, а гранат.

* * *

Почти библейский сад, смоковницы цветут,
Хоть цвет мы их не видим, как и Бога.
Но Бог присутствует всегда незримо тут,
Глядит на нас то ласково, то строго.

То веткой устыдит с поникшею листвою –
Вы что же деревца не напоили?
Неужто было жаль для них воды живой?
Ведь про себя при этом не забыли...

Сольется вздох Его со вздохом ветерка,
Да нечего сказать нам виноватым.
И мы молчим. А ветвь качнет Его рука,
И опадут в траву цветы граната...

* * *

Унылая холодная весна
Богата на дожди и пустоцветы...
А мы б хотели солнечного света,
Чтобы теплом весна была полна.
Наступит ли потом за нею лето?..

Проснешься утром, снова дождь нудит,
Слезой в тоску вгоняя все живое.
И абрикоса ветвь над головою,
Осыпав цвет, по завязи скорбит.
Тому лишь трин-трава, кто слыл травую.

Что суждено, то выпивай до дна,
И не ищи того, кто стал виною...
Неотвратимо лето за весною,
Хоть и весна надменно холодна
И что она рифмуется с войною...

* * *

Нет озарения, как ни гляди ты в окно...
Или туманно все, или все так же темно...
Шум ли дождя или шелест невидимых крыл...
Только напрасно ты старый блокнот
свой раскрыл.

Пусто в душе? Иль полна да не тем голова?..
Вот и не всходят из сердца живые слова.
Выгорел весь? И осталась одна лишь зола?..
Или огонь вдохновенья метель замела?

Долго ли будет тебя иссушать маета?
Нету достойной строки... Вот и снова не та.
Только не надо ругаться, судьбу матеря...
А за окном зарумянилась чья-то заря...

* * *

Если пойдет полоса неудач,
Воспринимай как урок.
Не унывай, не ной и не плачь.
Иди не вдоль – поперек.

Если даже накрыла река,
Несет неудач поток...
Чтоб переплыть его наверняка,
Плыви всегда поперек.

* * *

Высушит ветер сладкий нектар,
И пчел не влекут цветы.
Разве цветенье? – этот кошмар
В объятиях немоты.

И ты, поэт, выпускаешь пар,
Но так же листы пусты.
Если Господь отнимает дар,
Значит прав Он, а не ты.

Слово, оно – как живой цветок,
Веруй, когда говоришь...
Скажешь без веры, и все не то,
И снова долго молчишь.

В горле першит, но цветы сухи,
И не выходят опять стихи...

* * *

– Хватает меня лишь на несколько строк,
А ты от меня ждешь сонет...
– Любимый, неужто ты так занемог?
Ведь ты говорил, что поэт.

– Наверно, милая, выгорел весь,
И осталась одна зола...
– Но если в золе хоть искорка есть,
Я б снова огонь разожгла.

– Надолго ль? Огонь тот погасит быт,
Останется снова зола.
– Любимый, взгляни-ка, звезда летит,
Не боится сгореть дотла.

Поверить в себя! И, главное, сметь
Раздуть огонь, что погасит лишь смерть...

ПЛЯСКА ДОЖДЯ

Дождь налегке проморосил по саду,
Чуть окропил листву и был таков.
И вот уже он где-то за оградой
К большому огорчению цветов,

Да и не только их, но и деревьев,
Баюкающих завязь на ветвях
Под тихий шепот их молитвы древней,
В которой и надежда есть, и страх.

И дождь, как будто услышал молитву,
Он возвратился и пустился в пляс.
И молнии кроили небо бритвой,
И с неба рассыпался грома глас.

Деревья пили, не могли напиться,
Им долго дождик этот будет сниться...

* * *

Он гусениц стряхнул и раздавил.
Все! – легкокрылых бабочек не будет.
В минуту эту в нем садовник был,
Садовник тот поэту неподсуден.

Когда же просыпался в нем поэт,
То, глядя на порхающую стаю,
Он посвящал тем бабочкам сонет, –
Пусть в нем они летают и летают.

Пируют там на сказочных цветах,
Хмелея от любви и от нектара...
Но тут садовник восклицал в сердцах,
Мол, гусеница бабочке не пара.
И вспоминалось: «Все в твоих руках!»
Да, все в руках – и благо в них, и кара...

ЛИСТОК

*Что ни придет на ум, все не то...
Сердце подскажет, ищи в душе...
Ищу. А сам гляжу на листок,
Что вверх взмывает на вираже.*

*Рвется куда он? К ветке припасть?
В небо ли к золотым облакам?
Чтоб над землей налетавшись влать,
Лечь обреченно к чьим-то ногам.*

*Где с другими сгребут и его,
Без сожаленья бросят в костер.
В нем он сгорит, как ненужный сор,
Дымом взвовется над головой.*

*От дыма горького в горле ком.
Себе кажусь золотым листком...*

*** * ***

*УкрАина – украденная Русь,
Ты не журишь, не выход – резать вены.
Понятны нам и боль твоя, и грусть,
И мы пришли, чтоб вызволить из плена,*

*Из плена заблуждений и химер,
Всех упырей, кто сел тебе на плечи...
Ты вспомни времена СССР,*

Когда мы вместе били эту нечисть.

*УкрАина, да как же ты могла
Купиться на заморские печенки?..
Ты слышала ль свои колокола? –
Рыдали по тебе: «Ой, рідна ненька!..»*

*Восстань, сестра! Восстань скорей с колен.
Обнявшись, мы пойдем одной дорогой
Навстречу свету общих перемен
Необходимых, освященных Богом...*

*** * ***

*Из хаоса выуживать слова,
На нити строк нанизывать их звонко
Так, чтобы закружилась голова
От крика стихотворного ребенка.*

*Молчание прервав, опять запеть,
Как запевают птицы на рассвете.
И с жадностью на поплавок глядеть,
Как? К облакам его уносит ветер.*

*Клюет, клюет! Крючок достал до дна.
Как тяжело! Поймал какое слово?
Выуживаю горькое: «Война!..»
Оно глядит печально и сурово.*

*Плачь, колокол!.. Рыдает белый храм
И сердце разрывает пополам...*

* * *

*От вам і ой, не треба було
лізти в Україну, недоробки.*

Людмила Громадская
**(комментарий по поводу
теракта на Крымском мосту)**

*Кто из нас недоробок,
жизнь покажет потом...
Всех живущих бок о бок, осеняю крестом.*

*И за вас, киевляне, и за вас помолюсь, –
Верю я, что воспрянет Триединая Русь.*

*Будем жить мы, как прежде,
без ненужных понтов –
И в любви, и в надежде,
в вере наших отцов.*

*И спадет, пусть не сразу,
пелена с ваших глаз,
И очнется ваш разум, –
будет милостив Спас.*

*А пока всю коросту с древнерусской земли
Нам содрать, – ох! –
не просто, но мы все же пришли. ■*

В МИРЕ «РОДНОЙ КУБАНИ»

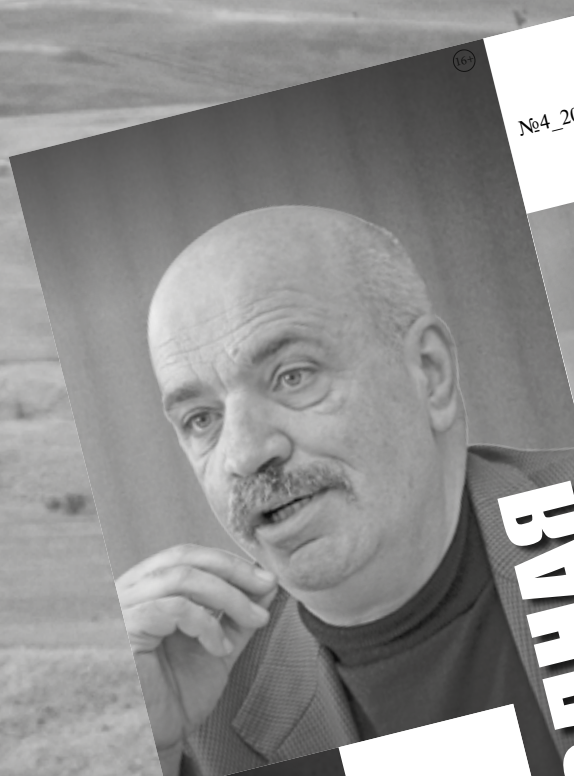
Владимир
ПОРХАНОВ

РОДНАЯ

+16

Литературно-исторический журнал

№4_2018

РОДНАЯ

№ 3 (96)_2022

ВАСИЛИЙ
БЕЛОВ

РОДНАЯ

+16

Литературно-исторический журнал

Гурий
НЕМЧЕНКО

РОДНАЯ

№2_2019

Василий
ЖУХИН

РОДНАЯ

+16

Литературно-исторический журнал

СОФЬЯ БАБАНОВА

Родилась в 2001 году в Екатеринбурге. Выпускница факультета журналистики Кубанского государственного университета. Публиковалась в журнале «Родная Кубань» и других СМИ. Живёт в Краснодаре.

«РОДНАЯ КУБАНЬ»: 25 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ РУССКОМУ НАРОДУ

Справедливы были слова мудрых людей о том, что человеческий век короток. К сожалению, сейчас не каждый современный человек в полной мере способен осознать это, все стараясь оттянуть свой конец различными сомнительными способами, не желая при этом признавать очевидное, суть которого заключается в том, что в мироздании есть не только жизнь, но и смерть, без чего сама жизнь для нас, простых смертных, была бы лишена всякой ценности. И вместе с тем не каждый способен осознать, что жизнь прежде всего необходимо прожить так, чтобы на склоне прожитых лет не пришлось жалеть об утраченном времени, то есть о времени, проведенном впустую, без пользы для собственной души и без пользы для общества и государства. Многие стремятся к вечности, к бессмертию, полагая, что какой-нибудь мифический эликсир вечной молодости способен им дать это, однако вечность — это не про физическую оболочку, а про душу, про ее постепенное очищение в земной жизни со всеми тяготами и испытаниями и про то, что будет оставлено человеком после его смерти. Многовековой опыт давно доказал, что истинная ценность заключена не в материальном, а в духовном, что составляют воспоминания, жизненный опыт, уроки истории, вопросы о мироздании и о человечестве, то есть все то, что являет собой тесное сплетение рационального и эмоционального, способное влиять не только на жизнь отдельного человека, но и на жизнь всего человечества.

Виктора Ивановича Лихоносова нет с нами уже два года. Однако его нет лишь в мире материальном, тогда как в мире другого уровня, то есть в

мире духовном он обрел бессмертие, войдя в плеяду певцов самой вечности, творчество которых составляет основу русской культуры, является ее кодом и неизменным путеводителем. Виктор Иванович оставил впечатляющее своими масштабами наследие. Неотъемлемой частью его является литературно-исторический журнал «Родная Кубань». В этом году он празднует свой юбилей — 25 лет. Если сравнивать с другими так называемыми «толстыми» литературно-художественными журналами России, то четверть века — срок небольшой, что делает «Родную Кубань» молодым региональным изданием. Однако эти 25 лет в полной мере продемонстрировали культурный размах журнала, стали наглядным примером гармоничного развития, сохранившего изначальное, родниково-почвенническое направление, заложенное Виктором Ивановичем, но с годами приобретающее еще большую уникальность и, не побоюсь этого слова, исключительность. За 25 лет своего существования «Родная Кубань» прошла немалый путь, чтобы стать такой, какую мы сейчас можем с вами видеть. За эти годы она пережила другие литературные журналы и альманахи края («Кубань», «Соленая подкова» и «Микрoлiтъ»), преодолела ряд трудностей, связанных с распространением, став впоследствии одним из лучших патристических журналов не только в пределах края, но и всей страны, на который другим периодическим изданиям стоит равняться.

Тем не менее, несмотря на все вышесказанное, лишь немногие знают о том, как зарождалась «Родная Кубань», какой она была при Викторе Ивановиче Лихоносове и как развивалась в дальнейшем

при Юрии Михайловиче Павлове, тогда как это тоже история, которая делает наш любимый журнал таким по-настоящему родным. Большая часть публицистического материала о «Родной Кубани» посвящена периоду уже при нынешнем главном редакторе Юрии Михайловиче, при этом в интернете еще возможно найти библиографические обзоры некоторых самых ранних номеров журнала, когда главным редактором был Виктор Лихоносов. Однако они могут служить лишь ознакомительными материалами, по большей части не дающими полного представления о характере первых выпусков журнала и в силу своей специфики не раскрывающими особенности его развития, что мне хотелось бы исправить в меру своих возможностей.

На сегодняшний день известно, что «Родная Кубань» является главным и единственным литературно-историческим журналом Краснодарского края, основанным в 1998 году по инициативе группы писателей, равнодушных к истории края, — В. П. Бардадыма, И. Ф. Вараввы, В. Н. Ганичева, Ю. Н. Абдашева, особое место среди которых занимал Виктор Иванович Лихоносов, ставший главным редактором журнала на 18 лет. Однако, важно отметить, история журнала началась гораздо раньше, а именно с творческой деятельности русского писателя, подарившего нам роман «Наш маленький Париж: ненаписанные воспоминания» и ряд таких повестей, как «Осень в Тамани», «Люблю тебя светло», «Чистые глаза» и «Элегия (Записки с дороги)», что были написаны в 60–80-х годах, то есть незадолго до выхода в свет первых номеров «Родной Кубани» с 1998 года. Именно поэтому, говоря о журнале, невозможно не сказать пару слов о личности и творческой деятельности человека, его основавшего. Именно совокупность творческих дарований Лихоносова способствовала формированию концепции самого издания и оказала влияние на его дальнейшее развитие.

Удивительно, как неожиданно иногда может сложиться жизнь человека, и еще удивительнее то, насколько духовно может возвыситься личность, озаренная любовью ко всем мелочам этой самой жизни. Жизненный путь Виктора Ивановича Лихо-

носова, сибиряка по рождению, целиком и полностью доказывает тезис, озвученный выше. Переехав в Краснодарский край в 1956 году и оставшись в нем вплоть до своей смерти в 2021 году, Виктор Иванович, являясь человеком глубоко идейным, посвятил себя истории, культуре и литературе Кубани, ее коренным жителям, отличаясь при этом завидной пытливостью ума и неутомимостью в стремлении узнать правду. Искренне очарованный Кубанью, Виктор Иванович сделал ее своей музой, поддерживал кубанских краеведов и писателей, затрагивал вопросы необходимости спасения исторического облика казачьей столицы, сбережения ее архивов и музеев, уделял повышенное внимание исторической памяти.

В своем литературном и публицистическом творчестве на протяжении всей жизни Виктор Иванович затрагивал ряд тем и проблем, которые впоследствии нашли свое отражение в материалах, впоследствии опубликованных на страницах «Родной Кубани», таким образом заложив основы этого издания на концептуальном уровне.

Главными мотивами всего творчества писателя были важность памяти исторического прошлого, своей родословной, сохранение и продолжение традиций. Виктор Иванович, будучи человеком воцерковленным, искренним и чутким, не мог не замечать последствий революционных катастроф 1917 года в истории России и, в частности, Кубани. Поэтому он первым стал писать о возрождении культурно-исторических традиций, уничтоженных и закрытых церквях, взорванных памятниках, обращаясь в своих публикациях ко всем равнодушным с призывами сохранить исторические облик и память Краснодара. Вместе с тем особое внимание он уделял жизни и воспоминаниям достойных кубанцев, посвятив им целую серию очерков в 80–90-е годы: «Ефим Иванович из станицы Удобной», «Память народная», «Биография родства», «Сними проклятие, Господи», «Тайна хаты Царычихи», «Печальный юбилей», «Все это очень грустно». Она в дальнейшем вошла в сборник его других очерков, статей, дневниковых записей и интервью под названием «Волшебные дни» и в дальнейшем

повлияла на становление таких рубрик «Родной Кубани», как «Кубани верные сыны», «Кубанский гербовник», «Народный архив» и «Родное зарубежье». Виктор Иванович осознавал ценность памяти, поэтому очень бережно относился к любым ее источникам. Именно такой подход к историческому, культурному и литературному наследию Кубани как неотъемлемой части России объясняет многие основы, что были заложены в концепцию «Родной Кубани», которую на самом деле можно назвать летописью края благодаря публикации писем земляков (в том числе и тех, кто уехал за границу), их жизненных историй, воспоминаний. Их можно назвать главной и ценной составляющей данного периодического издания наряду с классическими разделами любого «толстого» журнала литературной направленности — прозой и поэзией, критикой и публицистикой.

Работая над главной книгой всей своей жизни романом-воспоминанием «Наш маленький Париж» — произведением нежным, лирическим, несмотря на свою эпичную форму, — Виктор Иванович изучал документы по истории Кубани из краевого Государственного архива, встречался со старожилами, краеведами и станичными учителями, бережливо записывая все услышанное, собирая некоторые мемуарные страницы по частям, выправляя и выстраивая почти все казачьи воспоминания, чтобы ничего не было потеряно безвозвратно. Подобный подход, то есть крайне бережный, базирующийся на кропотливом труде и желании не только сохранить историческую картину мира, но и показать ее своим читателям такой, какой она была без коммунистического влияния, во многом определил дальнейшее направление «Родной Кубани».

Известно, что в редакторском предисловии к первому номеру журнала от 1998 года Виктор Лихоносов опирался на высказывание русского философа Ивана Александровича Ильина: «Неиссякаемо и неописуемо присутствуют в каждом из нас веяния наследственно окружающей нас природы, дыхание нашей национальной истории, потомственно намоленные в душе религиозные сокровища духа. Все это как бы дремлет под сводами нашего душевного

подземелья и только ждет своего часа для подъема и обнаружения. И в этот час, когда приходит в движение родовая скорбь личной души, человек испытывает себя скорбно и радостно-древним, как если бы в нем ожили и зашевелились его беззаветные, но столь близкие ему предки, их нравы и слова, их грехи и подвиги, их беды и победы; как если бы в нем проснулось некое историческое ясновидение, доселе сосредоточенно дремавшее в его душе — проснулось и раскрыло ему сразу и глубину прошедшего, и глубину его собственной личности. И вот — все живо, все трепетно свежо, все заливают душу скорбью былых страданий и радостью нового видения».

Данное высказывание было приведено Виктором Ивановичем не случайно, поскольку «Родная Кубань» с самых первых своих выпусков позиционировала себя прежде всего как патриотическое издание, знакомящее читателей с неизвестными страницами жизни подвижников благочестия, в разные времена несших свет Православия на Северный Кавказ, публикующее редкие материалы по истории Кубани и России, материалы о русской трагедии XX века, документы и свидетельства об истории русского зарубежья, воспоминания очевидцев, знакомящее с новинками кубанской литературы — прозы, поэзии, публицистики, как было заверено в третьем выпуске 1998 года. Таким образом, перед читателем с самого начала был очерчен определенный круг тем, которым будут посвящены публикуемые в каждом выпуске материалы, а также были названы основные цели издания. К ним можно отнести сохранение важных для истории Кубани и России документов и материалов, культурное просвещение читателей и их патриотическое воспитание. Вместе с тем особенное место в «Родной Кубани» при Викторе Лихоносове занимали уникальные мемуары, письма из заграницы и многочисленные воспоминания, которые сейчас невозможно найти ни в других периодических изданиях, ни в интернете, что делает их еще более ценными.

Отдельно необходимо сказать и о специфике рубрикации «Родной Кубани» при Викторе Ивановиче Лихоносове. В первых номерах журнала использовалось около 20 постоянных рубрик, которые

с приходом Павлова Юрия Михайловича на пост главного редактора исчезли и были заменены новыми, в большей или меньшей степени концептуально продолжающими их. Так, с 1998 и до 2016 года использовались такие постоянные рубрики, как «Поэзия», «Проза», «Кубанская библиотека», «Народный архив», «Святые обители», «Подвижники благочестия», «Родное зарубежье», «Русская трагедия», «Кубани верные сыны», «Моя родня», «Хранители России», «Кубанский гербовник», «Современная мысль», «О насущном», а также «Ученые записки» и «Уроки чтения». Были и эпизодические рубрики «Юбилеи», «Из редакционной почты», «Некролог» и «История литературы», которые появлялись лишь в отдельных номерах и имели определенный повод для использования.

Большая часть рубрик оставалась на протяжении всего раннего периода неизменной, однако некоторые из них незначительно меняли свое название. Появлялись новые рубрики, до этого отсутствующие в ранних выпусках (то есть с 1998 года): «Современная мысль», «Родное зарубежье», «Моя родня», «Под небом Кавказа», «Святые обители».

«Родная Кубань» — журнал прежде всего литературно-исторический, и это означало, что наряду с эпическими и лирическими произведениями в классических для «толстых» журналов рубриках «Проза» и «Поэзия» публиковались и материалы, посвященные историческим событиям или личностям, что в полной мере было отображено в таких рубриках, как «Народный архив», «Святые обители», «Подвижники благочестия», «Родное зарубежье», «Русская трагедия», «Кубани верные сыны», «Моя родня», «Хранители России» и «Кубанский гербовник».

Пожалуй, самыми уникальными рубриками «Родной Кубани» при Викторе Ивановиче были особенно полюбившиеся мне рубрики «Подвижники благочестия» и «Святые обители», суть которых заключалась в знакомстве читателей с духовными лицами и их судьбами в непростые для нашей страны времена, а также с историей местных священных объектов (храмов, монастырей и церквей). Так, в рубрике «Подвижники благочестия» публиковались

жизнеописания местных святых, довольно личного характера воспоминания представителей духовного сословия о своей жизни во время и после русской трагедии, о состоянии православной веры в 20–30-е годы XX века, также познавательные тексты, посвященные судьбе духовных лиц в годы революции. Эти рубрики, затрагивающие историко-религиозные аспекты духовной жизни края и страны, представляли читателям действительно ценные материалы, многие из которых были опубликованы только в журнале «Родная Кубань», и, нужно отметить, подобного не хватает во многих современных «толстых» журналах, редко обращающихся к духовной жизни нашей страны.

В одной из своих статей цикла «Память народная» под названием «Традиции» (1980 год) Виктор Лихоносов особое внимание уделял важности дневниковых записей рода, способствующих возрождению вековых традиций культурных семей и помогающих увидеть и понять важные исторические события, саму их суть через личный опыт простых людей. То есть познакомиться с историей родной страны и края более тонким и интимным способом, нежели изучать официальные документы. Кроме того, многочисленные мемуары, дневники, способны обеспечить непрерывность исторического процесса за счет сохранения народной памяти, и это входило в число основных задач, которые поставил перед собой Виктор Иванович как главный редактор. Поэтому существование в «Родной Кубани» таких рубрик исторической направленности, как «Народный архив», «Родное зарубежье», «Моя родня», а также «Кубани верные сыны» и «Хранители России» было предопределено. В этих рубриках публиковались материалы, связанные с личным опытом людей, переживших переломные и тяжелые годы в истории Кубани и России, многочисленные воспоминания и дневники, представляющие интерес для исторических архивов края и страны документы, которые невозможно найти в других периодических изданиях, также очерки, мемуары, биографические отрывки кубанских писателей, краеведов, представителей казачества, письма эмигрировавших представителей различных сословий,

а также статьи, рассказывающие о выдающихся деятелях в области истории, литературы, образования и искусства Кубани, имена многих из которых остались и остаются до сих неизвестными не только для жителей края, но и для всего русского народа. При этом важно отметить то, что материалы именно такого характера, то есть мемуарно-очеркового, обеспечивали непрерывность исторического процесса за счет сохранения народной памяти, а также давали возможность каждому кубанцу почтить память собственных предков, что важно для правильного понимания исторического прошлого. Все это во многом делало «Родную Кубань» действительно родной и близкой простым людям.

Публицистика и критика в журнале при Викторе Ивановиче были сведены к минимуму, представлены по большей части такими рубриками, как «Ученые записки», «Уроки чтения», «Современная мысль», «О насущном», в которых публиковались статьи В. Курбатова, В. Белова, И. Стрелкова, И. Золотусского, Н. Кондратенко, С. Перова, В. Бардадыма, В. Распутина, а также самого главного редактора. При этом одной из самых животрепещущих статей Виктора Ивановича был материал «Эта непробиваемая власть...», представлявший собой публикацию многочисленных писем Лихоносова, обращенных к различным властным структурам в период с 1970 по 2002 год. К сожалению, тщетными оказались попытки обратить их внимание на проблемы в области литературы, культуры, исторического наследия Краснодарского края.

Если же говорить о литературной части журнала, то при Викторе Лихоносове она радовала своих читателей прозаическими и поэтическими произведениями таких кубанских авторов, как Н. Доризо, И. Зубенко, Ю. Абдашев, Н. Зиновьев, В. Неподоба, В. Бардадым, И. Варрава, Н. Ивеншев, И. Машбаш, С. Шипунова, А. Даньков, В. Серков, А. Шипулин. При этом журнал не ограничивался только ими, свободно публикуя стихотворения Ю. Кузнецова, Т. Смертиной, А. Реброва, Б. Алмазова, Г. Иванова, В. Ефимовской, В. Шемшученко, Е. Семичева и прозу В. Крупина, О. Михайлова, Н. Краснова. Были опубликованы также произведения ранее неизвестных

авторов, увидевших свет благодаря «Родной Кубани», — Л. Шаимовой, П. Потапова и Л. Суздалевой. Иными словами, Виктор Лихоносов как главный редактор четко осознавал проблемы местной культуры и остающейся незаметной для широкого круга читателей литературы, пытаясь их разрешить хотя бы частично в «Родной Кубани», поднимая культурный уровень читателей за счет публикации писателей и поэтов края.

Помимо этого, в еще одной литературной рубрике «Кубанская библиотека», включавшей в себя литературные произведения на исторической основе, была полностью напечатана пьеса на украинском языке «Старое гнездо и молодые птицы» В. Мовы (Лиманского), посвященная событиям начала второй половины XIX века. Стоит отметить, что схожие процессы, изображенные в «Старом гнезде и молодых птицах», но уже в XX веке описал и Виктор Лихоносов в романе «Наш маленький Париж», отрывок из которого был напечатан в рубрике «Уроки чтения».

Итак, все вышеперечисленное делало «Родную Кубань» уникальным летописным журналом, аналога которому не было и нет даже сейчас в крае. При Викторе Ивановиче издание особое внимание уделяло своей исторической части, предоставляя читателю широкий выбор разнообразных материалов на эту тему — от писем до редких архивных документов. Таким образом в полной мере воплощая одну из своих главных целей — знакомство с важнейшими и действительно трагическими страницами в истории России и Кубани, которые долгое время были скрыты по идеологическим причинам. Иными словами, «Родная Кубань» с самого начала выгодно отличалась от многих других изданий России, будучи целиком и полностью пропитанной искренностью, очарованностью самой жизнью в ее естестве, напоминающей читателям о самом главном — о верности идеалам русского народа, о любви к Родине, о важности памяти и о величии русского языка и культуры.

Зная о том, какой нелегкий путь прошла «Родная Кубань», еще больше начинаешь ценить тот факт, что журнал выпускается до сих пор и не был

оставлен, забыт, как это часто бывает, к сожалению. В последнем номере «Родной Кубани» за 2015 год Виктор Иванович Лихоносов, подводя печальные итоги прошедшего Года литературы, которому были посвящены все предыдущие выпуски журнала, упомянул, что планирует оставить пост главного редактора, занявшись писательской деятельностью. Разумеется, журнал на тот период времени нуждался в новом главном редакторе, и ошибиться в этом вопросе было бы преступлением. Изданию нужен был человек, который бы смог продолжать традиции, начатые еще прежним главным редактором, и вместе с тем привнести что-то новое. К счастью, нужная кандидатура была найдена, и новым главным редактором «Родной Кубани» в 2017 году стал Юрий Михайлович Павлов — доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета, известный критик и публицист, который ранее уже упоминался в некоторых материалах «Родной Кубани», посвященных Кожинской конференции. С тех пор прошло уже шесть лет, однако с каждым годом становится очевидным тот факт, что выбор нового главного редактора журнала был совершенно верным.

С приходом Юрия Михайловича издание претерпело множество изменений, которые, безусловно, пошли ему на пользу. Был практически полностью обновлен общественный совет, в который вошли преподаватели Кубанского государственного университета — В. Бараков, Ю. Лучинский, А. Татаринов, включая декана факультета журналистики В. Касьянова, а также известные публицисты и писатели «почвеннического» направления, такие как Л. Сычева, З. Прилепин, Ю. Козлов, Ю. Лошиц, а заместителем главного редактора стал Николай Игоревич Крижановский, отчеты которого об армавирской конференции, посвященной В. Кожину, публиковались в «Родной Кубани» с 2003 года.

Изменения коснулись и внешнего вида самого издания, которому был придан более современный, лаконичный дизайн в черно-белой цветовой гамме, для каждой рубрики была выделена отдельная обложка, а перед опубликованным материалом стали помещаться фотографии их авторов и краткая

информация о них, которая включает в себя дату рождения, данные о месте жительства, род занятий, опыт работы в других изданиях, фундаментальные труды и иные заслуги.

В редакторском предисловии «Несколько слов о настоящем и будущем „Родной Кубани“» к первому номеру обновленного издания была выражена благодарность Виктору Лихоносову как прежнему главному редактору и основателю издания за его многолетний труд, и вместе с тем было дано обещание продолжать лучшие традиции «Родной Кубани». Кроме того, был очерчен круг авторов, разножанровые тексты которых планировалось опубликовать в выпусках за 2017 год, а также озвучена редакторская политика, положения которой можно найти в электронной версии журнала. Она также начала активно развиваться, в последствии став площадкой для публикации разных материалов.

Новые выпуски «Родной Кубани» лишь подтвердили, что все положения, сформулированные новым главным редактором, не противоречили основам прежней редакторской политики, а именно: талант и патриотизм как главные критерии отбора авторов, публикация молодых писателей, публицистов и поэтов, только начинающих свой творческий путь и поэтому остающихся неизвестными для массового читателя. Единственное новое положение — обещание публиковать материалы с отличной от редакторской позиции точки зрения того или иного автора — было связано лишь с допустимым и даже необходимым расширением границ редакторской политики, сделанным в первую очередь для дискусионности, которая может заострить внимание на проблемах современности. Помимо выражения позиции главного редактора и общественного совета, была также озвучена новая цель «Родной Кубани» — войти в тройку ведущих патриотических журналов России и сделать престижной публикацию лучших прозаиков, поэтов и публицистов страны. Это говорило о расширении территориального охвата издания, которое по своему происхождению является региональным.

Как было сказано ранее, с приходом нового редактора прежняя система рубрикации перестала ис-

пользоваться — число рубрик сократилось с 20 до 11. При этом рубрики были четко поделены на литературно-художественный отдел («Проза», «Поэзия»), публицистический («Критика и публицистика»), исторический («На перекрестках истории»), культурный («Основы православной культуры», «Событие»). В первом номере 2017 года появились такие новые рубрики, как «О Кубани — с любовью», «Пером и пулей», «Основы православной культуры», «Истоки», «Дорога к храму», «Критика и публицистика», «Гость номера», большая часть из которых стала в какой-то мере идейно-тематическим продолжением прошлых рубрик, в то время как неизменными остались лишь литературно-художественные рубрики «Проза» и «Поэзия».

Характер материалов, опубликованных в первом номере «Родной Кубани» в 2017 году, лишь еще больше подтвердил тот факт, что журнал будет верен основам, заложенным Виктором Лихоносовым, и вместе с тем будет стремиться к покорению заданной вершины, что была озвучена ранее. Так, уже первый номер обновленного журнала продемонстрировал читателям разнообразие как опубликованных материалов в жанровом плане, так и авторского состава. При Викторе Ивановиче материалы таких аналитических журналистских жанров, как интервью и беседа, были очень редким явлением, а публицистика, как было сказано ранее, была сведена к минимуму, однако картина изменилась с приходом нового главного редактора.

Так, читатели могли ознакомиться в выпусках за 2017 год со статьями В. Касьянова, Г. Соловьева, С. Распутина, Л. Сычевой, И. Шейко, Л. Яцкевич, В. Корушовой, Е. Висицкой, В. Баракова, М. Синкевич, Э. Болдыревой, И. Басовой, Е. Столовицкой, прочитать интервью Е. Золотовой и В. Рунова с губернатором Краснодарского края В. Кондратьевым, С. Коробова с Л. Сычевой и другие.

Сразу поражает тот факт, что вместе на страницах журнала публиковались самые разные авторы, будь то преподаватели, студенты КубГУ, видные критики, писатели прошлого, современные авторы. Однако род деятельности, место жительства, принадлежность к той или иной социальной груп-

пе — все это не имеет значения, поскольку главным критерием, которым всегда руководствовался при публикации материалов Виктор Лихоносов и руководствуется сейчас Юрий Павлов, является приверженность всех авторов общей идее, связанной с любовью к своей Родине, своему народу, с отзывчивостью к насущным проблемам, что гораздо ценнее отбора по территориям. При этом необходимо отметить, что различные интервью и беседы, ставшие более частыми в «Родной Кубани» лишь еще больше, на мой взгляд, способствовали сближению простого читателя с авторами. Тогда как публикация современных поэтов, писателей и критиков в одном ряду с классиками позволили — я в этом уверена — каждому позволяли ощутить непрерывность литературного процесса, особую сплоченность общей идеей, общим духом. Именно благодаря «Родной Кубани» такие писатели, как Ф. Достоевский, А. Пушкин, Н. Гоголь, М. Шолохов, С. Есенин, М. Лермонтов и многие другие, стали значительно ближе для молодого поколения, приобрели некоторую «осязаемость».

Этому в большей степени способствовал также новый, персонифицированный характер журнала. Раньше, при Викторе Ивановиче Лихоносове, каждый номер журнала служил одной цели, суть которой заключалась в сборе, упорядочивании, сохранении и распространении архивных материалов, чему способствовали рубрики «Народный архив», «Подвижники благочестия», «Кубани верные сыны», «Родное зарубежье». Конечно, некоторые номера посвящались юбилейным датам, крупным культурным мероприятием, важным историческим событиям, а отдельно в каждом номере также рассказывалось о выдающихся кубанцах, была также одна из постоянных рубрик «Юбилеи», в которой публиковались материалы, посвященные разным юбилейным датам. Однако все вышеперечисленное обладало в своей совокупности меньшей персонификацией, особенно в сравнении с более поздними выпусками «Родной Кубани» при Юрии Михайловиче, поскольку с 2017 года обложку каждого номера издания стал украшать портрет конкретной личности, которой посвящен выпуск в целом, что распро-

страняется на большую часть рубрик, а не на две-три, как это было раньше. Поэтому, в зависимости от характера творческой деятельности самой личности, публикуются ее прозаические, поэтические и публицистические материалы в соответствующих рубриках («Проза», «Поэзия», «Критика и публицистика»), в то время как дополнительные материалы от других авторов, посвященные ее творчеству, публикуются в специальной рубрике «В мире...». Стоит отметить, что в период с 2017 по 2023 год выпуски «Родной Кубани» посвящались не только классикам русской литературы (Ф. Достоевский, А. Чехов, И. Гончаров), но и таким писателям и поэтам, как Ю. Кузнецов, Ю. Бондарев, В. Лихоносков, Н. Зиновьев, Л. Бородин, В. Галактионова, Ю. Поляков, А. Знаменский, Т. Немченко, В. Белов, В. Распутин, З. Прилепин, большая часть из которых незаслуженно игнорируется другими изданиями. Некоторые выпуски также посвящались выдающимся кубанским деятелям в области публицистики (Г. Соловьев, А. Факторович), медицины (В. Порханов), музыки (В. Захарченко), истории (Е. Фелицын).

Необходимо также отметить тот факт, что вместе с новым главным редактором журнал стал не только историческим, но и действительно литературным, значительно расширив круг привлекаемых на страницы издания современных писателей и поэтов, причем не только кубанских, но и из других регионов и городов России. Так, были опубликованы рассказы московских писателей В. Михальского, А. Тимофеева, А. Трапезникова, вологодского литературоведа и публициста В. Баракова (Н. Устюжанина), кубанских писательниц С. Макаровой-Гриценко и С. Кревсун, «Лицом» поэтического отдела журнала стали Н. Зиновьев, Н. Возжаева, С. Зубарев, А. Фокин и многие другие.

Еще одним явным изменением в журнале стал факт привлечения молодых журналистов, многие из которых во время своего дебюта в «Родной Кубани» еще обучались на факультете журналистики КубГУ. Для студентов, желающих в будущем связать свою жизнь с профессией журналиста, это стало отличной возможностью получить необходимый опыт,

попробовав свои силы действительно в чем-то большем, чем информационные заметки в газетах края.

Многие достойные публицистические работы «Родной Кубани» написаны именно талантливыми студентами КубГУ. Эта тенденция берет свое начало еще с самых первых выпусков обновленного журнала, о чем свидетельствует публикация статей И. Шейко, Э. Болдыревой, Д. Пестовой, К. Чапковской, И. Коваленко, В. Карнауха, О. Митрохиной, Ю. Жерноклюевой, Л. Гаджиевой, В. Бельтюковой, Р. Файзулиной, Е. Баскаковой, А. Константиновой, Е. Николенко, Д. Диденко, Л. Гречишниковой, Д. Заики. Эти статьи посвящены актуальным проблемам литературы, истории и культуры, а также памяти выдающихся писателей, поэтов и публицистов прошлого. Особого внимания заслуживают материалы И. Коваленко («Третьи Лихоносовские чтения на журфаке КубГУ: душа тревожно бьется»), В. Бельтюковой («Светлая любовь к Виктору Лихоносову») о проводимых в стенах факультета журналистики научных конференциях, служащие доказательством сближения двух, казалось бы, разных поколений, которые, однако, готовых объединиться ради общей идеи сохранения русского культурного кода.

Говоря о молодых авторах «Родной Кубани», нельзя также не упомянуть о еще большем количестве их публикаций на официальном сайте журнала, который также получил надлежащее развитие с годами, став дополнительной площадкой для пишущих студентов. Так, были опубликованы публицистические статьи историко-политического характера Д. Веретельникова, остросоциальные работы С. Гинеевой, озаренные православным светом статьи А. Дубровиной, по своей риторике справедливо сравниваемые со статьями А. Проханова, чувственные, эмоциональные и невероятно живые, бьющие в самое сердце стихотворения А. Понжайло, наполненные атмосферой чистой искренности рассказы Е. Титаренко, а также поэзия Д. Даскалицы, А. Королевой, Д. Диденко и многих других, кто получил возможность обрести голос, поделиться сокровенным и наболевшим. Мне кажется, еще ни один литературно-художественно-

ственный «толстый» журнал не подходил к вопросу вхождения новых талантов в писательскую среду настолько осторожно, бережно, как «Родная Кубань». Поскольку мало просто дать возможность опубликоваться, важно при этом воспитать, заинтересовать, наставить на путь истинный, помочь обрести «почву под ногами» и вместе с этим привлечь к родной истории и литературе. Это забота о молодом поколении, которое часто ощущает себя потерянным, но при этом хочет изменить жизнь в лучшую сторону, и это забота о будущем, где быть русским не стыдно, где русская литература и русская публицистика снова расцветает, избавляясь от низких смыслов, где русское общество очищено от паразитов либерализма и где утвержден самобытный путь развития.

«Родная Кубань» — уникальный журнал, являющийся на данный момент чуть ли не единственным местом, в котором может найти долгожданный приют все исконно традиционное, не получающее поддержки в других изданиях не только края, но и страны в целом. Будучи сокровенным детищем Виктора Лихоносова, возвращенным отзывчивостью и состраданием, «Родная Кубань» начинала как совсем локальное издание личного характера, больше похожее на книгу воспоминаний, нежели на всем

привычный «толстый» журнал. Однако быстро зарекомендовавшее себя как пример качественной отечественной журналистики старого образца, способной привлечь внимание людей к насущным проблемам в области истории и культуры, привить им любовь к классической русской литературе и подарить бесценную возможность поделиться наболевшим в письмах и воспоминаниях.

На современном этапе своего развития «Родная Кубань» является единственным региональным «толстым» журналом литературно-исторической направленности, который распространяется по подписке, но вместе с тем активно развивается в интернете, ведя собственную группу в социальной сети «ВКонтакте» и располагая, как уже было сказано, собственным сайтом, который регулярно обновляется (исключение составляют праздничные и выходные дни), публикуя статьи на самые разнообразные темы, касающиеся всех сфер жизни общества России и края, при этом особое внимание уделяя, конечно же, литературе и истории.

И на сегодняшний день «Родная Кубань» только еще больше крепнет и продолжает активно развиваться, неумолимо двигаясь вперед в своем стремлении покорить новые вершины, что ей, без всякого сомнения, удастся сделать. ■

ДАНИИЛ ДИДЕНКО

Родился в 2001 году в Хабаровске. Поэт, публицист. Публиковался в журнале «Родная Кубань» и других СМИ. Магистрант факультета журналистики КубГУ. Живёт в Краснодаре.

«РОДНАЯ КУБАНЬ»: 25 ЛЕТ В СРАЖЕНИИ

25 лет — срок немалый. Четверть века. В такой момент и единому человеку было бы впрок задуматься, подвести промежуточные итоги своей жизни. Что уж говорить о целом явлении, литературном феномене, сплотившем вокруг себя сотни людей не только нашего края, но и всей страны?..

Вот и журнал «Родная Кубань», отмечающий в этом году славный юбилей — 25 лет, нуждается в некотором осмыслении. Конечно, это не означает, что до этого никто не пытался проанализировать становление главного и единственного литературно-исторического издания Краснодарского края. Однако об этом чуть позже...

Итак, не уходя в дебри перечислений и статистики, отметим для начала главное. На сегодняшний день журнал можно и нужно называть явлением самостоятельным. И вместе с этим он неразрывно связан в сознании читателей и авторов «Родной Кубани» с именем великого русского писателя Виктора Ивановича Лихоносова — ее основателя и первого редактора.

Журнал «унаследовал», если можно так сказать, от своего создателя узнаваемые черты. С точки зрения идеологии, журнал можно смело назвать державно-патриотическим. На каждой его странице (что в 1998 году, что сейчас) можно увидеть бесконечное уважение и любовь к истории и культуре тысячелетней Руси. Сам Виктор Иванович писал: «Если душа сочувствует русской жизни, то избавиться от грустных строк невозможно».

«Родная Кубань» — журнал русский по духу. Именно так его можно было охарактеризовать 25

лет назад — в дни его основания. И именно таким его можно видеть сегодня. Бескомпромиссный и даже в некоторых местах «неполиткорректный» — конечно же, в лучшем понимании этого слова. Журнал не боится «говорить» на сложные темы, не стесняется в выражениях. В особенности, когда речь заходит о судьбе России.

Чтобы не быть голословным, приведу лишь некоторые статьи главного редактора журнала Юрия Михайловича Павлова: «Евгений Евтушенко: путь в бездну», «Русский ответ либералам», «Станислав Куняев: русский герой на “Третьей Мировой”», «Елизавету Лихачеву — в отставку!», «“Солдатская правда” Виктора Астафьева — кривда о человеке и времени», «Проститутки, зарабатывающие на иностранных постелях», «Василий Белов: стеснительный и дерзкий», «Либералы — на выход!», «Стихи Бориса Слуцкого о Сталине как отражение мифов “оттепели”», «Юрий Казаков: “Помня о божественности слова и о правде...”» и многие другие.

Необходимо отдать должное — работы Юрия Михайловича обладают таким патриотическим рвением, таким сопереживанием судьбе Отчизны, каких, бывает, не услышишь в речах наших политиков. Так, в одной из своих статей критик пишет: «...возникает вопрос, который я задавал еще более полугода назад: когда же, наконец, начнется спецоперация по зачистке ненавистников России в самой России?» Без всяких преувеличений такой подход к современным событиям кажется не просто оправданным, а необходимым. Это настоящая борьба за судьбу России.

Стоит ли говорить, что каждый новый выпуск «Родной Кубани» — это отдельное сражение?

От современных же краевых и даже всероссийских изданий «Родную Кубань» отличает чувство настоящей журналистики — работа с фактами и подробный анализ всех сторон нашей жизни (а не простой «рерайт»). На сайте журнала, как и в печатной версии, очень редко можно встретить обычную новость-заметку. Напротив, чаще всего это именно аналитический материал, в котором дается аргументированный авторский разбор какого-либо события, факта и так далее.

Внешний вид журнала с приходом нового главного редактора — Юрия Михайловича Павлова — сильно изменился, сменив цветную обложку на строгую и лаконичную черно-белую. Однако, как это видится сегодня, журнал потерял «полутона» и с точки зрения выполнения своей главной функции, заложенной еще Виктором Лихоносовым. С 2017 года каждая страница «Родной Кубани» — это сражение за сердца читателей. Вспоминается в этом контексте речь Юрия Селезнева (дискуссия «Классика и мы»), к которой часто в своих работах обращается Юрий Павлов: «...Классическая, в том числе и русская классическая литература, сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта Третья мировая идеологическая война. И здесь мира не может быть, его никогда не было в этой борьбе <...> эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной — за наши души, за нашу совесть, за наше будущее...»

Именно в условиях «духовной войны» оказался журнал в дни своего основания. И в таких же условиях он продолжил нести свою «службу» при новом главном редакторе. Однако, кажется, борьба это стала вестись уже более выверенными средствами: помимо исторических материалов большой упор стал делаться на литературную составляющую, критику и публицистику. Если же говорить еще проще — современная «Родная Кубань» стала будто бы более «боевой». Это от первой и до последней страницы манифест рус-

ского духа, православия, казачества. Вне зависимости от того, читаете ли вы рубрику «Поэзия» или «Событие», вы всегда увидите, почувствуете цельный, продолжающийся диалог читателя и журнала. Конечно, диалог на страницах «Родной Кубани» выстраивал и Виктор Лихоносов. Однако это общение с читателем было более спокойным и лиричным.

И все же, при всех озвученных изменениях, «Родная Кубань» остается верной себе и традициям, установленным кубанским классиком. А внимательный читатель сразу сможет выявить сходства старых и новых номеров «Родной Кубани». Сохранились постоянные литературные рубрики «Поэзия» и «Проза». В обоих случаях огромное внимание уделяется историческому наследию России. И все же современная «Родная Кубань» знакомит читателя не только с историческим, культурным фактом, но и с автором, который стоит за анализом этого факта. То есть одной из задач своих ставит популяризацию творчества современных авторов. А без этого, кажется, просто невозможно создать единое литературное сообщество на Кубани.

И, конечно, «Родная Кубань» остается источником просвещения для русского, православного человека. Такого просвещения, о котором говорил еще Николай Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Мы повторяем теперь еще... слово “просвещение”. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие...» К слову, просвещение, по мнению Николая Васильевича, как видим, было еще и способом борьбы за человеческие душу и разум.

На фоне сказанного вспоминается статья пятилетней давности, приуроченная к 20-летию журнала «Родная Кубань». Это работа Сергея Ладожского под названием «Роднее не стал...», вышедшая на страницах «Новой газеты Кубани». Сам автор называет избранный Юрием Михайловичем путь — «радикальным патриотизмом». Состав редколлегии, по мнению журналиста, также склонился «в сторону радикализма». Видимо, в понимании некоторых людей есть определенный уровень русскости, некая черта, которую переступить нельзя — иначе ты уже становишься «радикалом».

И, как вишенка на торте, заявление Сергея Ладожского в этой же статье: «В перечне имен встречаются довольно известные экранные патриоты, чьи лица то и дело мелькают в различных ток-шоу на главных федеральных телеканалах: Захар Прилепин, Александр Проханов». Интересно узнать, изменилось ли мнение автора относительно «экранных» патриотов после покушений на жизнь (к сожалению, в большинстве случаев успешных) Дарьи Дугиной, Владлена Татарского, Захара Прилепина?.. Конечно, сегодня уже ясно видится, что упомянутые и многие другие патриотические авторы, которых ранее Юрий Павлов публиковал на страницах «Родной Кубани», были (и бывают) чаще на фронте, чем на экранах. И вполне очевидно, что редакторская интуиция Юрия Михайловича не подвела.

Читаем и такие слова Сергея Ладожского: «Готовясь к написанию этой статьи, я полистал выпуски “Родной Кубани” за 2018 год, чтобы понять, что приобрели кубанские писатели и читатели в лице новой редколлегии. И что же? Сплошь незнакомых нашему кубанскому читателю авторов писателей русского Севера, Сибири, Урала». Не слишком удивляет подобный уровень «подготовки» к своей работе современных журналистов. Если всю литературу только «листать», а не читать, то всякий автор должен быть заведомо «неизвестным». Да и те четыре номера (дай Бог, если действительно четыре) «Родной Кубани», которые «пролистаны» автором, были на

тот момент не единственными, вышедшими под руководством Юрия Павлова (еще пять вышло в 2017 году).

Передо мной находится полное собрание обновленной «Родной Кубани», начиная с 2017 года. И что же я вижу? В каждом номере большое количество кубанских авторов (конечно, не «сплошь», как любят наши либеральные коллеги). Авторы же из других регионов часто (что не может не радовать) пишут и о казачестве, и о кубанской земле. Не вижу ни в одной, ни в другой тенденции чего-то ужасного. Конечно, если человек по своей сути русофоб и боится всякого близкого именно русской душе слова, то и «Родная Кубань» будет для него именно «радикальной», а не Родной.

Впрочем, предвижу критику в свой адрес со стороны либеральных авторов после выхода статьи: «Разве есть смысл “ворошить” всеми забытый материал пятилетней давности?» Ответу сразу же — да, есть. И вполне очевидный. Ведь мы рассматриваем довольно долгий и последовательный процесс становления «Родной Кубани». В таком понимании любой материал (в особенности критический) будет полезным для разбора.

Если же совершить еще более глубокий экскурс в историю, то можно обратиться к мемуарным записям Петра Ткаченко под названием «Не родная “Родная Кубань”». В них видим последовательную позицию критика: «...в журнале шел откровенный коллаборационизм, оправдание предательства, без всякой примеси...». Бывший соратник Виктора Ивановича делает все возможное, чтобы доказать читателю: позиция Лихоносова как человека русского по духу является губительной. Ничего нового, по сути, критик не говорит. И можно даже было бы не обращать внимания на одну из многочисленных работ-доносов Петра Ткаченко.

Однако если теперь провести логические параллели между текстами Сергея Ладожского и Петра Ткаченко, можно увидеть одинаковые предпосылки к написанию ими своих работ. И Виктор Лихоносов, и Юрий Павлов в роли глав-

ных редакторов оказались (в узколиберальном понимании) слишком усердны в защите русско-го национального сознания. На деле же, думается, любить и оберегать свою Отчизну «слишком сильно» невозможно. И, конечно же, нельзя не увидеть в этом стремлении преемственность, продолжение традиций «Родной Кубани».

Вообще, чтобы лучше понимать, что на самом деле представляет из себя журнал «Родная Кубань», лучше всего обратиться ко всему многообразию номеров издания.

Так, в первом номере 2017 года нас встречает предисловие — обращение нового главного редактора Юрия Павлова «Несколько слов о настоящем и будущем “Родной Кубани”». В нем были определены основы обновленного журнала: «...В “Родной Кубани” мы будем публиковать всех талантливых авторов, не обращая внимания на место их проживания. Обязательно сделаем так, чтобы “Родная Кубань” в ближайшее время вошла в тройку ведущих журналов страны и печататься в ней стало престижным для лучших прозаиков, поэтов и публицистов <...> И, конечно, в каждом номере будут представлены кубанские авторы. Особое — бережно-требовательное — отношение к молодым талантам гарантируем.

Для редакции журнала нет запретных тем, но есть темы приоритетные. Это проблемы веры, казачества, образования, культуры, истории, политики, молодежи.

Редакция будет публиковать тексты разной направленности, в том числе и те, в которых позиция автора не совпадает с позицией журнала. Путь на страницы “Родной Кубани” закрыт только ненавистникам Православия и России...»

Юрий Михайлович остается честен перед читателем. На примере первого же номера (№ 1, 2017) видим следование установленной редакционной политике. Во-первых, конечно, стоит отметить встречающую читателя первую информационную полосу: «О Кубани — с любовью». Сюда было помещено интервью с губернатором Краснодарского края Вениамином Кондратьевым. И прежде всего оно повествует о судьбе Кубани. Но

региональная тематика не исчерпывается здесь одним только интервью. В рубрике «Истоки» встречаем исследовательскую работу известного специалиста в истории Кубани Валерия Касьянова «Одна Родина — одна судьба», повествующую об античном переплетении судеб Кубани и Крыма. Перед самой статьей видим одну из выразительных черт, которую журнал приобрел под руководством нового главного редактора — это биографии авторов. Впрочем, важно именно то, как в них расставлены акценты. В этом номере один из ярких примеров — биография Валерия Васильевича: «Родился... в казачьей семье...» Казалось бы, небольшая деталь — указание на принадлежность к роду. Однако по самому отношению редакции к этой детали, мы видим, что издание действительно самобытно, оно чувствует свои исторические корни. Именно таким и должен быть журнал, выпускающийся в столице кубанского казачества.

Перейдем к некоторым другим характерным чертам не только этого номера, но и всего издания. Это выходящие из казачьих корней русское чувство и неотделимое от него миропонимание — православность, державность, семейные традиции.

На примере первого номера видим тематическую последовательность в отборе произведений: статья З. Прилепина о Павле Катенине «Лестно было называться воином русским...», подборка стихотворений Н. Зиновьева «Снова осень в российской глубинке», интервью с А. Казинцевым «Русские пассионарии были всегда», статья А. Безрукова «Духовные основы русской литературы». И это не просто совпавшие по воле случая заголовки. Слова «русский», «Россия» — это лишь малые проявления всего тематического разнообразия, которые в журнале «Родная Кубань» слились в единый национальный стержень.

Так, уже упомянутый материал А. Безрукова «Духовные основы русской литературы» находится в рубрике «Основы православной культуры». Следующая информационная полоса

— «Дорога к храму», в которой была помещена беседа с настоятелем храма Иоанна Крестителя в Краснодаре. Вполне ясен заложенный редакцией журнала в такую компоновку материалов смысл. Как писал Ф. Достоевский: «Русский — значит православный».

Ну и самое важное — по сути, лицо журнала — его обложка, на которой раз за разом мы видим имена и портреты знаменитых личностей, приложивших немало усилий для сохранения и преумножения русского мира. Так, «лицо» первого номера — З. Прилепин. О нем уже заходила речь ранее. «Экранный» патриот, по мнению некоторых журналистов, на которого совсем недавно было совершено покушение украинскими спецслужбами. Поистине русский по духу писатель.

Впрочем, продолжаем тему обложек «Родной Кубани». Читаем далее по списку и обращаем внимание на имена людей и их вклад в развитие России: В. Распутин (№ 2, 2017), Ю. Казаков (№ 3, 2017), В. Лихоносов (спец. выпуск_2017), Н. Зиновьев (№ 4, 2017), Л. Бородин (№ 1, 2018), В. Захарченко (№ 2, 2018), В. Галактионова (№ 3, 2018), Г. Соловьев (№ 4, 2018), Ю. Бондарев (№ 1, 2019), В. Шукшин (№ 2, 2019), Ю. Поляков (№ 3, 2019), Ю. Селезнев (№ 4, 2019), А. Чехов (№ 1, 2020), В. Порханов (№ 2, 2020), А. Факторович (№ 3, 2020), В. Касьянов (№ 4, 2020), Ю. Кузнецов (№ 1, 2021), В. Лихоносов (№ 2, 2021), Г. Немченко (№ 3, 2021), Ф. Достоевский (№ 4, 2021), В. Распутин (№ 1, 2022), И. Гончаров (№ 2, 2022), В. Белов (№ 3, 2022), Ст. Куняев (№ 4, 2022), Е. Фелицын (№ 1, 2023), А. Знаменский (№ 2, 2023).

В целом, все указанные личности и делом, и словом послужили Отчизне. Не менее важно и то, что многие из них так или иначе связаны именно с Кубанью. Видим — журнал не ставит разграничений между Россией в глобальном смысле и Югом. Издание не создает нарративно «вторую реальность», в которой есть только кубанские писатели. Все личности здесь — участники общего исторического процесса. И, думается,

логическая сверхзадача «Родной Кубани» в таком случае — сохранение патриотизма в сердцах людей, преумножение всего истинно русского на изломе времен.

Помимо этого, как можно было заметить, всего две личности за все время существования журнала становились «лицом» номера дважды. Это Виктор Лихоносов и Валентин Распутин.

Итак, зададимся вопросом, почему же? И придем к довольно очевидному ответу. Первый — великий писатель, заложивший духовную основу издания и сделавший действительно много для Кубани и всей России в целом. Второй — его соратник, один из мастодонтов русской мысли XX века, глубоко солидарный с державно-патриотической позицией Виктора Ивановича, его взглядом на тысячелетнюю Русь.

Именно Валентину Григорьевичу был посвящен второй номер журнала за 2017 год. В нем, помимо работ самого В. Распутина и статей, посвященных его творчеству, обратим внимание на следующие материалы: А. Безруков «Духовные основы русской литературы», К. Бекхофер «В Деникинской России и на Кавказе», Ю. Лучинский «Столица белого Юга глазами британского журналиста», Л. Яцкевич «Образы православных царей в русском фольклоре и поэзии». Здесь, конечно, важно отметить то, с каким трепетом авторы журнала подходят к исторической Руси. Совершенно в духе «Родной Кубани» времен В. Лихоносова — писать о белой России, не отбрасывая своего исторического наследия в угоду идеологии, разделившей когда-то единый русский народ.

Впрочем, мне почему-то больше запал в душу первый номер за 2022 год, посвященный памяти Валентина Распутина. Во многом благодаря великолепной подборке работ классика. А это: легендарная «Пушкинская речь» Валентина Распутина, его философская работа «Откройте русскому человеку русский свет», его волшебная проза — «Что передать вороне?» и «Женский разговор». Однако нельзя оставить без внимания и аналитические статьи, посвященные жизни и

творчеству Валентина Григорьевича в двух рубриках «В мире Валентина Распутина» и «Современники о Валентине Распутине».

Не менее бережно журнал относится к сохранению памяти о своем основателе — писателе Викторе Лихоносове. Поэтому, безусловно, важно будет обратиться к номерам «Родной Кубани», посвященным Виктору Ивановичу. Среди них: специальный выпуск за 2017 год и второй номер за 2021 год.

Так, в номере за 2017 год были помещены слова современников о великом русском классике. И, как отметил писатель В. Личутин, одной из выразительных черт характера Виктора Ивановича всегда было восхищение жизнью. Такое же восхищение и безраздельная любовь к истории своей Отчизны стали неотъемлемой частью журнала «Родная Кубань». Не случайно помимо произведений самого классика и работ, посвященных его творчеству, на страницах номера можно найти такое разнообразие тем. Один из самых запоминающихся материалов в этом номере — это, пожалуй, интервью с Николаем Долудой о судьбе Кубанского казачьего войска и беседа с отцом Иоанном «Сила казака в духе — в духе веры». Впрочем, важнейшей стала тема подвига русского народа в Великой Отечественной войне. Здесь, среди множества работ, наиболее сокровенной для меня оказались «Письма с фронта» кубанских солдат. Особенно сильно отзываются в душе эти письма сегодня — в неспокойное, тяжелое для России время.

Читая этот и последующие номера, постоянно удивлялся, как редакции удастся создать из такого многоголосия тем единый нарратив. Уже во втором номере за 2021 год, посвященном 85-летию юбилею классика, все так же с удивлением читал я замечательное интервью с Виктором Лихоносовым «Родные русские люди» о жизни писателя, о каком-то невероятном переплетении судеб. И вот, перелистнув буквально с десятков страниц, замечаю — снова беседа, но уже с Валентином Распутиным («Многобедное наше счастье — жить в России»). И замечаю вновь, с какой

же все-таки роднящей их интонацией души говорят оба русских классика — сына простонародья.

И, конечно, становится совершенно ясно, что никаких совпадений в выборе центральных личностей каждого номера журнала быть не может. Все они — часть единого замысла. Это, если так можно выразиться, единое идеологически-философское «полотно», где каждый последующий автор всегда связан с предыдущим. Русским чувством, отношением к жизни и творчеству.

Помимо этого, заметим — усилиями редакции «Родной Кубани» привлекались и многие донецкие поэты, а также авторы присоединенного Крыма. Во втором номере за 2017 год это поэты: А. Ревякина («Шахтерская дочь»), В. Теркулов («В Донецке дождь»), Д. Даскалица («Город у моря»); в третьем номере за 2017 год — М. Панчехина («На краешке красной империи»); в первом номере за 2018 год — А. Савенков («Ты только будь...»); в третьем номере за 2018 год — Н. Артеменкова («На лето, на долгие лета. До леты»); в четвертом номере за 2018 год — А. Ревякина («Мы с тобой еще ни разу не умирали...») и В. Русанов («Хорошо быть русским поэтом...»); во втором номере за 2019 год — Д. Даскалица («Рядом с тобой»); в четвертом номере за 2019 год — С. Егельский («Мне бы только — время остановить») и в первом номере за 2020 год — Д. Даскалица («Помните тех, кто ушел»).

Конечно, на 2020 году публикации авторов-уроженцев Донбасса и Крыма не заканчиваются. Во всяком случае, в электронной версии журнала они не прекращались ни на год. Из совсем недавних вспоминается, например, подборка стихотворений донецкого поэта Ренаты Тхагушевой («Я пришел в этот мир с раздором стихий...»). И, конечно, одной лишь этой подборкой публикации авторов новоприсоединенных территорий на сайте «Родной Кубани» не исчерпываются.

Если же говорить именно о печатном слове, то никак нельзя не упомянуть тех авторов Кубани и других регионов России, которые начинали свой путь в периодике с журнала «Родная Кубань».

Среди них, к примеру, писатель Андрей Пищенко — человек, который не раз на встрече с читателями «Родной Кубани» рассказывал о своем уважении к журналу и наследию его первого редактора — Виктора Лихоносова. Повесть Андрея Пищенко «Жизнь необъятная» печатается частями и выходит в первую очередь в журнале «Родная Кубань». Так, в интервью «Человек и время» Андрей Валентинович прямо заявил: «Для меня это всегда первый журнал, который меня публикует. Так было, и так будет». И только после того, как работы писателя оказываются на страницах журнала, их публикуют другие, не менее авторитетные издания: «Наш современник», «Сибирь», «Вологодский литератор» и другие. Помимо этого, одними из первых в журнале «Родная Кубань» печатаются исторические работы Игоря Сирицы, поэтические подборки Натальи Возжаевой и Александра Фокина.

Впрочем, нужно понимать, что есть, к примеру, и множество совсем молодых авторов, опубликовавших впервые свои работы именно в журнале «Родная Кубань». В большинстве своем это студенты факультета журналистики КубГУ. Так, стоит отметить постоянных авторов «Родной Кубани»: Валерию Бельтюкову (она же является редактором отдела издания), Дарью Заику, Яну Мишурову, Евгения Тищенко, Софью Гинееву, Егора Николенко, Олега Шульгу, Дарью Редькину, Елизавету Бударину, Екатерину Баскакову, Людмилу Новик, Андрея Нейжмака, Ангелину Гетман и многих других студентов и магистрантов журфака КубГУ.

Без преувеличений видится, что «Родная Кубань» сегодня — это центр притяжения не только опытных писателей и мастеров слова, но и начинающих авторов. А за 25 лет своего существования журнал смог не только не потерять, но и при новом главном редакторе привлечь новую аудиторию. Конечно, это было бы невозможным без многолетней подвижнической деятельности на посту главного редактора Виктора Ивановича Лихоносова, заложившего крепкий фундамент русского патриотического издания. Сегодня же

дело великого классика продолжает главный редактор Юрий Михайлович Павлов, сумевший сплотить вокруг «Родной Кубани» большое число последователей и единомышленников.

«Родная Кубань» — это не просто журнал, не бездушное типографское изделие. Это огромная летопись, история нашей страны. И в наши дни, спустя 25 лет своего существования, журнал не потерял своей сути. Он просвещает, он борется в много лет назад начавшейся войне за человеческие души.

Читать «Родную Кубань» сегодня — значит быть причастным к живой истории. Быть частью огромного эпоса. На фоне множества не просто блеклых — вымирающих литературных изданий — такая возможность кажется откровением.

И за это я, как автор и читатель, от всего сердца говорю: «Спасибо!» ■

«РОДНОЙ КУБАНИ» — 25!

«РОДНАЯ КУБАНЬ» — МАЯК РУССКОГО ДУХА

Русское патриотическое движение — это не экзотическая секта, не закрытый политический клуб. Это широкое общественное течение, возникшее в годы краха государства, в период умаления и унижения всего русского, родного, национального. Оно несет в себе фундаментальные основы русской культуры, исповедует ценности России вечной.

То там, то здесь возникают яркие вспышки: взлеты русского духа, озарения творческого русского ума. Зернами патриотизма засеяна вся русская земля, и нельзя предугадать, где взойдет очередной благодатный колос.

Неведомо, где именно произойдет духовный взлет, в какой точке страны зазвучит в полный голос русская песнь; какая фигура или группа поднимет знамя русского возрождения. Ясно лишь то, что новое слово родится не на пустыре. Оно зазвучит в живой, плотной, полнокровной среде. Безусловно, одной из таких сред является группа писателей, историков и журналистов, собравшихся вокруг журнала «Родная Кубань». Эта колоритная среда, пропитанная энергиями юга, пронизанная воинской философией казачьего братства, блистает особой статью, свойственной для народов, населяющих Северный Кавказ. Дети родной Кубани шлют всей России пламенные послания, и мы, москвичи, с благодарностью принимаем их.

Мы чтим память недавно ушедшего краснодарского светоча — писателя и педагога Виктора Лихоносова. Восхищаемся сокровенной глубиной таинственного гения из Кореновска — поэта Николая Зиновьева. Рукоплещем неукротимой энергии и многим талантам Юрия Павлова — критика, публициста, главного редактора журнала «Родная Кубань».

Знаем, что это издание имеет всероссийский масштаб, стяжает русский дух, публикует тексты писателей Станислава Куняева, Юрия Полякова, Юрия Козлова, Веры Галактионовой, приветствует критика Лидию Сычеву.

«Родная Кубань» — маяк русского духа не только для Северного Кавказа, но и для всей Большой России.

Родные кубанцы, от души поздравляем вас!!

Александр Проханов
и весь братский коллектив газеты «Завтра»
(г. Москва)

УРОКИ ЧТЕНИЯ

«В конце "Лики" я тотчас выхватил строки: "Когда вспоминаю отца, всегда чувствую раскаяние. Всякий раз чувствую вину, что слишком мало знаю его жизнь, особенно молодость, слишком мало заботился узнавать его, когда можно было». И так далее. Советую всем прочитать это. Теперь эту страницу я часто читаю наизусть при встречах с молодежью. В университете зал был полон студентов, и я тоже прочел».

...Студенты Виктора Ивановича Лихоносова любили.

«В самое сердце» — эссе из 4-го выпуска «Родной Кубани» за 2013 год. Увесистую стопку журналов, по-старомодному перевязанную шпагатом, Лихоносов привез в Москву, чтобы передать Дмитрию Шеварову. Мы ждали журналиста в Хамовниках, в усадьбе Толстого, но так и не дождались, и тогда Виктор Иванович с шутливой важностью заявил, что хочет отдать архив «в хорошие руки» — то есть мне...

В тот же вечер (шли дожди, за окнами было

темно, тревожно) я читала его строки, посвященные Бунину, и они были такими густыми, насыщенными, что после нескольких абзацев я отложила журнал в сторону, переполненная чувством мятущейся тоски. И вот теперь я снова перелистываю страницы этого выпуска. Есть в художественном слове манящая тайна — давно нет Бунина, нет теперь и Лихоносова, а проза их все так же трогает сердце, и будто толкает тебя к огромному зеркалу, в которое ты боишься заглянуть — потому что можешь там увидеть себя, без прикрас...

Технологии развиваются стремительно и, как знать, вдруг через несколько лет ученые ухитрятся разьять на «фотоны» свет слова? Разьясят его воздействие на человека, и даже создадут устройства — имитаторы воображения. А после научатся «воскрешать» в бытийной полноте литературных героев, не говоря уж об «образе автора». Сказано же было: «...нет, весь я не умру, душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит...» О! Сколько тогда колоритных народных типов оживут со страниц «Родной Кубани»! Из рубрик «Криница», «Подвижники благочестия», «Русская трагедия», «Хранители», «Народный архив», «Уроки чтения» (это я перелистываю «старый», лихоносовский журнал, который Виктор Иванович вел 18 лет). «Молчат гробницы, мумии и кости, — Лишь слову жизнь дана...»

Не каждому слову, конечно. Вот дзинькнул звуковой сигнал — пришло электронное письмо. «Меня зовут Лорина, я медиа-менеджер, у меня есть для Вас эксклюзивный материал на тему о том, как, например, современный интересующийся психологией читатель воспринимает истории о любви в литературе, в которых сложно не увидеть признаки абьюза? И бывают ли вообще любовные романы без абьюза?» И т. д., и т. п.

Как кстати! Письмо Лорины избавляет от пространных объяснений — зачем современному человеку, особенно молодому, нужна такая «архаика», как литературно-художественный журнал. Чтобы помнить: есть дичающий сад родной словесности, а есть «колючая проволока» лексики «нового мирового порядка» оцифрованного

мира... Литература, художественное слово — самый короткий путь к различению свободы и рабства, любви и цинизма, жизни и тления.

А Виктор Иванович писал мне в ноябре 2013 года: «Когда меня спрашивают, почему я благополучно и почти цветуще (извините за кокетство) дожил до таких могучих лет, я официально отвечаю: «Я вырос в условиях сибирских морозов на парном молоке. Матушка моя держала корову, и я утром пил теплое молоко прямо в постели». А когда критика упрекает меня в том, что я стал плохо писать, я отвечаю с унынием: «Что вы хотите, я пью молоко разбавленное, обезжиренное». Но если кто хочет насыщать свою душу и разум продуктами, полезными для нравственного и эстетического здоровья, художественно чистыми и по-русски заветными, пейте с аппетитом белый бальзам в интернете на сайте «Молоко», который создала и содержит молодая доярка Лидия Андреевна Сычева.

Виктор Лихоносов, покупатель с 15-летним стажем».

Вот такое, литературно-изящное, поздравление с «круглой датой». Мы же родились в один год: «Родная Кубань», «Бельские просторы» (Уфа), «МОЛОКО», газета «Слово». 1998-й — время экономического краха России, дефолта. И — инстинктивное народное движение к самосохранению, к самоутверждению, к запечатлению в слове дорогих сердцу чувств и героев. Четверть века — не шутка. Это уже данность, история литературы.

Виктор Иванович дорастил «Родную Кубань» до «совершеннолетия», укрепил фундамент журнала русской стариной, осенил оглавление «матушкой Екатериной» (памятник царице украшал титул) и передал издание в тот самый «зал, полный студентов» — Юрию Михайловичу Павлову, профессору факультета журналистики Кубанского госуниверситета.

И началась «новая эра» — с опорой на классиков, современников, с «питомником» для молодых талантов. «Родная Кубань» при Павлове — совсем другой журнал по содержанию: устремленный в будущее, задиристый, иногда —

критически-острый. И — сохранивший прежнее, лихоносовское направление — заботу о государстве, родном слове, исторической памяти. Гуляя по Краснодару, я спросила у продавщицы в киоске: есть ли «Родная Кубань»? Было приятно услышать в ответ: уже разобрали. Конечно, это не какой-то сумасшедший спрос, как у массовой прессы, но люди культуры «Родную Кубань» знают, ждут и понимают ее значение.

Перечитывание старых журналов всегда дарит открытие — ушедшего, растаявшего времени и тебя в нем. «Дом в мировоззрении и прозе Ю. Казакова — символ семьи, традиций, преемственности поколений. Дом — это и место, где совпадают, сливаются, естественно перетекая друг в друга, "я" человека, малая родина, Россия...» — из 3-го выпуска за 2017 год, статья Юрия Павлова «...Помня о божественности слова и о правде».

Да ведь и журнал — это тоже своего рода «дом»! Для нас, его авторов. Он собирает под своим крылом людей по родству — потому что «Родная Кубань» имя его! Дом щедрый, хлебосольный, многолюдный. Требующий неустанных трудов по поддержанию, ремонту, обновлению, украшению и охорашиванию его стен, двора, палисада, крыши. Гигантский труд, ответственность, а какая тяжелая ноша!..

Литература, слово — это всегда предельность, «езда в незнаемое», «командировка», и — возвращение в родные пенаты, к первоисточкам смыслов бытия.

*Дом ты мой за скорым перевалом,
Щедрый стол, раздольная кровать,
Неужели этого мне мало,
Чтобы никогда не горевать?*

Да! А значит, снова — путь, движение, выбор, защита, постижение, долгожданная встреча, любовь, судьба, Россия, мир. «Родная Кубань»! Пусть не оставит тебя и людей твоих благословение небес, равнодушные и горячие сердца чистых и сильных людей.

**Лидия Сычева,
писатель, критик, публицист
(г. Москва)**

ДВА ВОПЛОЩЕНИЯ «РОДНОЙ КУБАНИ»

В нашей семье главный литературный журнал Краснодарского края всегда был на видном месте. В эти дни часто пишут о том, что «Родная Кубань» за 25 лет полноценной жизни предстала перед читателями в двух главных воплощениях. Первый связан с Виктором Ивановичем Лихоносовым, второй — с Юрием Михайловичем Павловым.

Я, Ольга Татаринова, не слишком часто листала «Родную Кубань», которую 25 лет назад создал Виктор Лихоносов. Знала, что он есть. В Брюховецкой, где росла, работники библиотеки часто говорили об этом издании. Однако по-настоящему оценила журнальную деятельность Виктора Ивановича, когда стала видеть и слышать его самого, читать прозу и публицистику, встречать на научных конференциях. Постоянно, на всех известных мне встречах Лихоносов говорил о памяти, о необходимости собирать лоскуты, обрывки, записочки и дневники ушедшей жизни. Впервые читая «Наш маленький Париж», поняла, что «Родная Кубань» — это публицистическое, мемуарное продолжение прекрасного романа. Лихоносов говорил о журнале без пафоса, скорее, с печалью. Все меньше авторов, все труднее найти новые, ранее неизвестные источники о кубанской жизни, о здешних казаках, о казаках, чья жизнь закончилась в эмиграции. Он сетовал на уменьшение интереса к «Родной Кубани». Современная суета пытается отстранить человека от прошлого, от построенного предками, ее задача — погрузить во временное, в калейдоскоп меняющихся сюжетов, обреченных на быстрое исчезновение. Конечно, меня всегда поражало, как человек, родившийся в Сибири, смог так полюбить Кубань, действительно сделать ее родной, посвятить ее истории многие десятилетия жизни. Все-таки Лихоносов — чудо, как и все, что он сделал. Включая журнал, которым Виктор Иванович руководил около 20 лет.

О «Родной Кубани» Юрия Михайловича Павлова мне говорить все-таки легче. Я работаю на журнале, на кафедре, которая как раз и создает журнал, — больше шести лет. Думаю, что о нравственной по-

зиции издания, о борьбе за Русский мир, о ключевых авторах и публикациях много скажут и без меня. «Родная Кубань» бесценна и тем, чем она стала для студентов журфака КубГУ. Это и творческая лаборатория, и школа жизни, и площадка для профессиональной практики, и пространство организаций конференций – Селезневских и Лихоносовских чтений. Студенты, часто младших курсов, – в каждом номере. Да, конечно, есть и Зиновьев, и Кузнецов, и значительные московские гости... Но обязательно студенты – со стихами, с критикой, публицистикой, прозой и репликами. Такого уж точно нет нигде. Все мы знаем, что журналы испытывают кризис. В «Родной Кубани» его не может быть, потому что молодость здесь обязательна. И это молодость «романа воспитания», а не постмодернистских игр в бесконечную субъективность совсем слабого и пустого опыта. И когда наших студентов читают мэтры «Нашего современника» или газеты «Завтра», понимаешь, что Юрий Павлов сумел добиться очень важного результата – не отрываясь от кубанской почвы, стать необходимым для всего Русского мира.

Я, Алексей Татаринов, часто вспоминаю ушедшего в 2006 году Владислава Павловича Попова. Он был по-настоящему нужным, большим человеком в лихоносовском издании, постоянно рассказывал, как «Родная Кубань» собирается, издается, для кого предназначена. Попова интересовали и самые тяжелые рецепции творчества Достоевского, и жизнь простых казаков. Лихоносова с каждым годом я узнавал все больше, читал все чаще и, не скрою, даже печалился: а стоит ли так много времени тратить на чьи-то воспоминания и какие-то документы, отнимая драгоценные дни у самого себя – сильного писателя, увы, уже не молодого? Впрочем, быстро понял: весь, а не только поздний Виктор Лихоносов – это пребывание на границе прозы и простой реальности, философских раздумий и малых фактов быстро уходящей жизни. Как-то я сказал, что внутри лихоносовского мира без спешки создается наша кубанская «Книга Экклезиаста»...

Не скрою, павловская «Родная Кубань лично мне, как преподавателю очень многих литератур, интереснее. Юрий Михайлович, как и Вик-

тор Иванович, ценит русское прошлое и бережно собирает его, оберегает от либеральных атак. Но его задача – биться за настоящее и будущее! Актуальность порою просто фантастическая! Мне нравится бумажная «Родная Кубань». Там вспоминают наших ушедших мастеров словесности: Георгия Соловьева, Александра Факторовича, Вячеслава Рябова. Там стихи и публицистика студентов. Каждый номер выстраивается вокруг центральной фигуры. Это Станислав Куняев или Иван Гончаров... Крупные фотографии авторов, дерзкие тексты, абсолютно ясная духовная программа. Постоянное возвращение к нашим сильнейшим: Виктору Лихоносову, Юрию Селезневу, Юрию Кузнецову. Еще больше мне нравится сайт «Родная Кубань» – в его сочетании блогерских постов и достаточно объемной прозы, студенческих эссе, репортажей. Ежедневные обновления, и огромный интерес Павлова к тому, чтобы ресурс действительно был нужен, работал и сдюжил.

Сейчас большинство журналов и сайтов присутствуют, чтобы просто быть. «Родная Кубань» живет иначе: есть друзья, есть и враги. Правильно!

Ольга Татаринова,
кандидат филологических наук,
доцент КубГУ, критик, публицист
(г. Краснодар)

Алексей Татаринов,
доктор филологических наук,
профессор КубГУ, критик, публицист
(г. Краснодар)

МОЯ РОДНАЯ КУБАНЬ

И как не сказать об одном из чудесных явлений, коими наполнена жизнь, а замысленный взгляд наш не вдруг и узреет, и только лишь чувством, бывает, охватишь, иной раз и запоздалым?! Вот уж как почти два года тому назад начал я работать над небольшим рассказом о своем детстве. С тех пор ход его повествования устремился

по такому руслу, какое мне в начале совершенно и не представлялось, а рассказ, каким-то до конца неведомым мне и самому образом превратился в повесть «Жизнь необъятная». И так привелось, что именно в юбилейные дни журнала «Родная Кубань» завершал я работу над первой частью главы «Отчий дом». Разве не чудо, что сюжет, будто сказочная путеводная нить, увел меня от дома отчего в Усть-Лабинск, в кубанские поля и станицы, провел по дорогим сердцу местам Краснодара и в юбилейные дни журнала вернул обратно? Ведь «Родная Кубань» для меня не просто журнал. «Родная Кубань» — тоже мой дом...

Однажды, не иначе, как по вспомоществованию свыше, я появился тут, в большой семье читателей, авторов и редакции «Родной Кубани». В семье, где среди хлопот нынешнего суетливого времени живут неизменной любовью к нашей великой Родине, живут бережной памятью ее непростой истории, живут любовью к народу нашему и широкой, раздольной, как поля и леса вокруг, душе его, запечатленной нашей, русской литературой. Вспоминаю я дедушку, бабушек, отца и мать — они не только назиданием, а больше жизнью своей давали пример. И вижу подвижническое, увлекающее служение Юрия Михайловича Павлова, Николая Игоревича Крижановского, Виктора Николаевича Баракова... Вспоминаю, как дедушка, бабушки, отец и мать помогали мне, совсем еще мальцу познавать и открывать для себя мир. Точно также, спустя многие годы, я открываю для себя, благодаря «Родной Кубани», мощнейшую энергию любви Юрия Селезнева, Станислава Куняева, Алексея Татарина, словесную статью Константина Аксакова, очень близкую мне прозу Николая Устюжанина и проникновенные произведения Вацлава Михальского, кубанских поэтов Николая Зиновьева и Наталью Возжаеву, чьи стихи не только «кровью чувств ласкают чужие души», но и русским морозом обжигают сердца.

«Родная Кубань» для меня — не только страницы журнала, столь приятно и тепло пахнущие

свежей типографской краской и сайт в интернете. Это жизнь, живая жизнь ее читателей, авторов и редакции. Это близкие мне люди, встречи и общение. Конференции, посвященные наследию Юрия Селезнева и Виктора Лихоносова. Эти встречи я жду с тем детским восторженным трепетом, с каким дожидался праздников и дней рождения, когда был мальцом и собиралась вся наша большая семья и множество близких. И поныне счастлив я оттого, что, благодаря «Родной Кубани», удалось услышать речь Виктора Ивановича Лихоносова, среди нынешней оказавшейся старомодной, мелодичной, живой, глубокой и родной. Когда я слушал Виктора Ивановича, возникало чувство древнебылинности его слов и вместе с тем нерушимой их вечности. И вспомнился сразу дедушка, его сказки и рассказы. Каким поистине народным, мудрым и чарующим, но позабытым нынче словом владел дедушка! Давно уж больше нет дедушки, окончились земные сроки и Виктора Ивановича, а ведь никто так не расскажет теперь...

Каждая встреча, каждая конференция — о них и не сказать лучше гоголевских слов — именины сердца. Каждый раз вспоминаю мам «Союзпечати», когда разговариваю с чуткой, по-матерински заботливой Людмилой Николаевной Хоровой. Слушаю Сергея Станиславовича Куняева и его голос своей решительностью и тембром напоминает мне голос Владимира Маслаченко, под чьи комментарии происходило наше с отцом боление за «Спартак» перед черно-белым телевизором. Когда ощущаю могучую энергию дела, которая исходит от Лидии Андреевны Сычевой — вспоминаю деятельную, неутомимую свою бабушку Галю. Во время беседы с кажущимся мне странствующим рыцарем Олегом Николаевичем Морозом вспоминается друг детства Сережка, с которым мы забирались на высокую черешню и мечтали о приключениях, странствиях, подвигах и непременно ждущих нас великих футбольных успехах. Когда вижу светлую улыбку влюбленной в Слово Ирины Владимировны Калус, вспоминаю воспитательницу в детском садике — ее тоже звали Ирина Владимировна... А кому, как

не близкому человеку можно позвонить, хоть и угрызаясь оттого, что уж поздний вечер, ночь почти, а дожидаться утра кажется невозможным — очень совет нужен! Так, бывало, я звонил Юрию Михайловичу Павлову — и говорили долго...

С особой, большой радостью я наблюдаю, с какой любовью смотрят на выступающих студентов, как по-отчески опекают молодых авторов Юрий Михайлович Павлов и отец пятерых детей Николай Игоревич Крижановский. Правильно написала совсем недавно Наталья Возжаева: «Виктор Иванович, Ваше начинание обретает силу. Молодую силу». Вот она, эта сила — в сердцах и помыслах Даниила Диденко, Валерии Бельтюковой, Софьи Гинеевой, Елизаветы Будариной, Яны Мишуровой, Андрея Нейжмака, Алины Смеловой и многих, многих других...

Я не знаю, каков будет их творческий путь. Но одно я знаю точно. Вот эти слова Василия Макаровича Шукшина уже никогда не станут для этих молодых сердец пустым звуком: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Будут помнить. Наперекор «всем бесам, нашим и заокеанским», как выразился в одной из своих песен Игорь Растеряев. Будут помнить. И верю — у нынешней молодежи появятся ученики и продолжатели, они и отпразднуют вековой юбилей «Родной Кубани»...

Таков мой дом, такова моя «Родная Кубань».
Мир дому сему! Многая лета!

Андрей Пиценко,
писатель, публицист
(г. Краснодар)

Каждый настоящий писатель — это суверенное смысловое пространство, материализовавшееся в самом живучем слове и потому не затерявшееся среди множества таких же пространств, но материализовавшихся не в самом живучем слове и потому обреченных затеряться.

А создать и редактировать литературный журнал, это то же самое, что задумать и написать большой, рассчитанный на долгое чтение, роман, в котором бы отразилось время в многообразии все тех же, обреченных не затеряться и затеряться человеческих пространств.

Но и сам литературный журнал может даже не обнаружиться среди множества других журналов, если личность его редактора не суверенна, в текущей жизни растворена.

Вот и к журналу «Родная Кубань» сила нашего читательского притяжения была равна силе притяжения к Виктору Лихоносову. А когда редактором «Родной Кубани» стал Юрий Павлов, наше читательское притяжения к каждому очередному номеру этого журнала стало равным нашему притяжению к публикациям Юрия Павлова в нашей столичной периодике. Публикациям не просто профессиональным и умным, а и личностным в том смысле, что после прочтения они остаются деятельными и живучими даже и в нашей читательской памяти.

Дорогой Юрий Михайлович!

От всей души поздравляю с 25-летием «Родной Кубани»!

Желаю тебе, а значит, и твоему журналу, долгих лет живучести!

Николай Дорошенко,
писатель, публицист, заместитель председателя
правления Союза писателей России, редактор
литературного сайта «Российский писатель»
(г. Москва)

Милая сердцу «Родная Кубань»!

Даже в названии твоём текут близкие, теплые, добрые слова — край, где я родилась...

Ты — и воспоминания, и реалии нынешней действительности, и будущее — общее со страной и русской литературой.

Для меня история дружбы с тобой неразрывно связана с твоим нынешним редактором — профессором Юрием Михайловичем Павловым, который когда-то, будучи моим преподавателем, потом — научным руководителем, человеком — жизненным камертоном, впервые емко и глубоко произнес на лекциях имя Виктора Ивановича Лихоносова и задал векторы понимания самых главных вещей во всей русской литературе, в ее теории, истории и критике, и, конечно, познакомил с «Родной Кубанью». Два невероятно масштабных явления моей жизни были связаны изначально. Кто знал, что со временем они совпадут в одно: оба — не сравнимые ни с чем и ни с кем; умные, мужественные, острые, честные, открытые, ориентированные на классическую традицию и русское слово.

Других таких больше нет. Никто не может сравниться с тобой сегодня по мощи русского духа, глубине, энергии, точности, верности отечественной культуре.

Дорогая «Родная Кубань»! Сегодня ты для меня, как и «Парус», не просто любимый журнал, то, что постоянно держишь в голове и в сердце, ты мой литературный маяк и моя радость, реализующиеся в мысли, слове и действии.

В нашем общем живом литературном пространстве ты соединяешь в себе лучшее человеческое общение, помощь верных соратников, молодых талантливых учеников, энергичное уверенное течение самых необходимых сегодня электронных публикаций, и по-прежнему шуршишь бумажными страницами с прекрасными иллюстрациями и трогающими сердце материалами.

Каждый твой автор — жемчужина. Каждое новое имя — открытие. Каждая бережно отобранная рукопись — вселенная. И я не знаю ничего подобного тебе на сегодняшний день ни в столицах, ни в провинциях. Благодарна за то, что ты есть, что живешь по законам вечной традиции в нашем взбаламученном мире и наполняешь его благодатью.

Сил, процветания, развития, открытия новых имен и старых истин, светлого и счастливого будущего!

Ирина Калус,
доктор филологических наук, профессор,
главный редактор журнала любителей русской
словесности «Парус» (г. Ессентуки)

«РОДНАЯ КУБАНЬ» — ЭТО О «ВЛЮБЛЕННОСТИ» В РУССКИЙ НАРОД

«Родная Кубань» — единственный литературно-исторический журнал в Краснодарском крае. Создан в лучших традициях «толстых» журналов. Для «Родной Кубани» нет запретных тем, но есть темы приоритетные. Это проблемы веры, казачества, образования, культуры, истории, политики, молодежи.

Редакция публикует тексты разной направленности, в том числе и те, в которых позиция автора не совпадает с позицией издания. Путь на страницы «Родной Кубани» закрыт только ненавистникам Православия и России». «Особое — бережно-требовательное — отношение к молодым талантам. И, конечно же, местным — кубанским — авторам».

Да, эта информация мною взята с сайта. Теперь немного предыстории.

В бытность мою студенткой, я писала дипломную работу на тему: «Литературные журналы XIX века». Было интересно, но трудно. Да и что можно было сказать, исходя из «зеленого» возраста студентки? Прошерстила кучу литературы, оформила эту «кучу», защитилась.

Сейчас я понимаю многое. Очень важно, подчеркну — очень! — обрести автору единомышленников. Обрела. Открываете журнал, читаете, понимаете, что эти люди мыслят с вами в одном направлении, ваши взгляды совпадают, авторы, представленные на страницах, делают — простите за слово — литературу, а не версификацию оной. Отвлекусь. Читала воспоминания Чуковского о Горьком. Запомнилось многое, но приведу одну фразу: «Впоследствии я заметил, что внезапные приливы влюбленности бывают у Горького чаще всего, когда говорит он о детях, о русском народе, о замечательных людях и книгах». (Корней Чуковский «Воспоминания о писателях»). Я не случайно «отвлеклась». «Родная Кубань» — это именно о «влюбленности» в русский народ. Более чем актуально. Во все времена. Что такое Горький для русской литературы, думаю, не стоит говорить. Еще момент, совершенно прекрасный, на мой взгляд. Приведенный выше абзац о «бережно-требовательном отношении к молодым авторам». «Родная Кубань» не «страдает» снобизмом, косностью и пренебрежением к начинающим авторам. Низкий поклон за это. Не буду вдаваться в историю создания и развития — это известно. Хочу сказать, что обрела друзей-единомышленников. И еще скажу. Для меня большая честь печататься на страницах этого журнала. Утрачен «престиж» толстых литературных журналов, к сожалению. Тираж не велик. Пока. Соцсети и тут постарались. Но. Настоящее останется на бумаге. В наше время симулякров, флюгеров, приспособленцев, обрести прочную базу в лице людей, следующих лучшим традициям бытия и литературы — дорогого стоит. Многая лета тебе, дорогая «Родная Кубань», многая лета.

Виктор Иванович, Ваше начинание обрело силу. Молодую силу. Так победим!

Наталья Возжаева,
поэт
(г. Новороссийск)

Моя родная «Родная Кубань»!

Дорогая, а ты заметила, что мы стали с тобой подругами? И наши мысли, мечты, тревоги, надежды стали с некоторых пор общими, понятными каждой из нас. И каждый день мы ощущаем присутствие друг друга. Не знаю, как ты, но я всегда от встреч с тобой жду открытий.

Ты бываешь ко мне так добра, что находишь для меня время и место, где бы мы с тобой могли пошептаться. Ты внимательно выслушиваешь меня и, более того, считаешь, что о моих тайных мыслях должны узнать все, и говоришь: «Напиши об этом». Я тебе за это очень благодарна.

С тех пор, как твой отец познакомил нас, мы еще только присматривались друг к дружке. Но — прости, что я напоминаю тебе о возрасте, — тебе уже 25! И ты идешь тем жизненным путем, который проходит каждый из нас. Сравни: до 18 лет ты жила в родительской семье, тебя лелеяли, взращивали на благодатной отеческой почве, а ты старательно впитывала историю твоего рода, училась разбираться в литературе и составлять мнение о настоящих поэтах и писателях.

Но когда ты в студенческом возрасте попала в академическую среду, приблизилась к моей альма-матер, то и твоя, и моя жизнь изменилась: у нас появились совместные планы, мы ввели друг друга в широкий круг друзей. Ты рассказала мне о своих, у них оказались разные голоса и жили они в разные времена, но они стали мне интересны, потому что были твоими единомышленниками. А я привела к тебе тех, кого считала достойными дружбы с тобой, — им тоже было что сказать твоим почитателям.

У тебя появился новый куратор, который не только не прервал твоего общения с родителем, но еще и познакомил с ним меня, моих коллег и всю нашу студенческую братию. И мы стали считать твоего отца нашим самым главным наставником, слушали его речи, затаив дыхание, и верили каждому слову. Теперь, когда он покинул нас, скорбим о нем, нам не хватает его проникновенного живого голоса...

В это же время тебе стали узки местные рамки, ты примерила на себя другие масштабы, и они пришились тебе впору. Ты сменила имидж: твое лицо узнается в портретах великих подвижников нашей отечественной культуры и литературы, и каждый раз ты позволяешь себе порадовать друзей красивым пейзажем или нарядной иллюстрацией. А еще, и это очень важно для нас с тобой, ты являешь собой пример чистоты русской речи и высокого владения родным языком. И, что важно для всех, ты всегда откликаешься на зов человеческих проблем и стараешься показать свет в конце туннеля.

Вообще, подружка, ты умеешь идти в ногу с эпохой! Или это твои радители столь образованны, трудолюбивы, технически и политически подкованы, что тебе ничего не остается, как блистать, быть востребованной, нужной и желанной?! Я искренне рада за тебя.

Дорогая моя! В твой четвертьвековой юбилей позволь поздравить тебя и пожелать тебе прочно держаться в фарватере твоих идей, дарить миру изумруды поэтических творений и отражать жизнь как она есть чарующей прозой наших современников. Люблю тебя светло, «Родная Кубань»!

Людмила Хорева,
кандидат филологических наук,
доцент КубГУ, поэт, публицист
(г. Краснодар)

ДАРУЮЩАЯ ВДОХНОВЕНИЕ «РОДНАЯ КУБАНЬ»

Перебираю пальцами стоящие в ряд на полке номера родного журнала — сколько в них правды, справедливости, добра и любви. Выстроенные по хронологии яркие обложки с изображением красочных кубанских просторов сменяются строгими, современно-стильными портретными фотографиями. На меня смотрят и великие классики, и именитые писатели-деревенщики, поэты, публицисты XX века, и выдающиеся современники. Так борцы за русскую идею разных столетий бесхитростно

объединяются на моем книжном стеллаже благодаря «Родной Кубани».

Своеобразным «локомотивом» бережно хранящейся коллекции является выпуск № 3 от 22 сентября 2015 года. Именно он дал толчок и потянул за собой мой творческий «поезд». Никогда не забуду вторые Селезневские чтения и свое первое выступление на них, после которого В. И. Лихоносов лично вручил заветный номер с моей дебютной статьей, рекомендованной Ю. М. Павловым. Тогда и пришло осознание, что, если получается, надо действовать — надо писать. После было много материалов в различных изданиях, но именно «Родная Кубань» подарила уверенность, за что безмерно благодарю!

Журнал стал уникальным трамплином не только для меня — он зачастую дает возможность «взлететь» начинающим авторам (в особенности студентам факультета журналистики КубГУ). Будучи преподавателем, я чувствую у многих искреннее желание оказаться на страницах очередного номера или на сайте. Когда это происходит, загораются глаза, появляется вдохновение и повышается продуктивность. Чтобы убедиться в этом, достаточно в электронной версии пролистать список авторов.

«Родная Кубань» — это не только близкое сердцу издание, но и своеобразное учебно-методическое пособие. В нем нет сложных компетенций, нет критериев оценивания — в нем есть отражение реальности и четкие жизненные ориентиры, формирующие верную систему ценностей — что особенно необходимо для молодого поколения. Ведь в мире «информационного фастфуда» очень важно найти «продукты правильного питания».

На протяжении четверти века слова на страницах «Родной Кубани» спасали, мотивировали, вдохновляли читателей. И отмечаемый сегодня юбилей является показателем силы и стойкости духа издания, в чем огромная заслуга главных редакторов — В. И. Лихоносова и Ю. М. Павлова.

Многая лета, родной журнал!

Альбина Петрова,
старший преподаватель КубГУ, критик, публицист
(г. Краснодар)

Спешу выразить свое восхищение и признательность редакции замечательного русского журнала «Родная Кубань» в дни его 25-летнего юбилея!

Журнал навсегда вошел в историю отечественной словесности как духовный центр русской культуры, выступающий с «открытым забралом» в защиту традиционных исторических ценностей народа и государства. Журнал читают не только на Кубани, но по всей России. Лучшие авторы страны почитают за честь публиковаться на его страницах.

Проза, поэзия, критика, публицистика «Родной Кубани» — наглядное подтверждение того, что русская литература живет, сражается за правду и побеждает в этой нелегкой борьбе!

Так держать, друзья!

За вами — прошлое, настоящее и будущее великой русской литературы!

Юрий Козлов,
писатель, главный редактор журнала «Роман-газета»
(г. Москва)

«Родная Кубань» вошла в круг моего и студентов руководимого мною отделения литературного творчества Пятигорского государственного университета постоянного чтения с тех пор, как ее возглавил после возвращения в КубГУ профессор Юрий Павлов. Благодаря его усилиям журнал превратился в одно из самых ярких и авторитетных литературно-исторических периодических изданий не только на юге, но во всей России. Такого аналога нет, к сожалению, на родном мне Ставрополье, что столь ощутимо отражается на духовной жизни также вроде бы не обделенного талантами края. Не нашлось у нас, в отли-

чие от соседей, такого человека — самозабвенного подвижника, утверждавшего своим словом и делом неизменную — светлую, христианскую — любовь к родной земле.

За прошедшие годы журнал стал для многих ценителей художественного слова своеобразным метрономом, напоминающим о главном предназначении литературы. С каждым новым выпуском «Родной Кубани» будто заново проживаешь свою жизнь, анализируешь наиболее значимые события в истории страны, воскресаешь в памяти ушедших писателей, вспоминаешь собственные ощущения в периоды жизненного становления, влюбленности, вдохновения и, конечно же, горечь потерь, которые мы переживаем вместе.

Просветительскую миссию журнала можно назвать едва ли не определяющей в его концепции и стратегии жизнестроительства, в котором он, безусловно, участвует. Благодаря этому ему удастся в очень непростых исторических, социокультурных условиях сохранять свою индивидуальность, опирающуюся, как мне представляется, на жанр «слова» в литературе Древней Руси, зримо воплощающей наши традиционные ценности.

Хочется пожелать «Родной Кубани», тем, кто вкладывает в каждый ее номер частицу собственной души, больших сил, долгих лет процветания и много преданных соратников и коллег в деле, начатом еще 25 лет назад.

Вячеслав Шульженко,
доктор филологических наук, профессор ПГУ,
член Союза писателей России
и Союза журналистов России
(г. Пятигорск)

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ «РОДНОЙ КУБАНИ»

Последние минуты в Краснодаре я провела с журналом «Родная Кубань», встретившимся мне по дороге на вокзал. Бело-черная «толстушка» стояла на витрине «Роспечати» и отчаянно

просилась ко мне в сумку в качестве последней памятной сердцу вещицы с Кубани. Устоять не смогла — взяла. Потом уже — по дороге в аэропорт — нашлось время пролистать журнал, вспомнить былое, с ним связанное.

«Сказал об эпохе сокровенное слово Правды» — напишет редакция журнала на обложке выпуска, посвященного столетию Анатолия Знаменского, наверняка не задумавшись (в силу пристойности и умеренности характеров многих членов редколлегии литературно-исторического) о том, насколько эти слова олицетворяют сам журнал, взявший на себя смелость быть оплотом русской православной мысли, оружием в небезызвестной обозначенной Ю. И. Селезевым информационной войне за души и сердца людей. Той самой войне, где «дьявол с Богом борется», где свет и тьма находятся в непрерывном противостоянии.

Оттого ли основные цвета журнала — белый и черный? Один символизирует добродетель, другой — злодеяние. Один в тесной связи со Христом, воплотившим в себе истину, другой — с лжепророком, материализующим даже сакральное, искажающим логику вещей и явлений и подающим ее под видом нового видения мира и его истории.

«Родная Кубань», несомненно, со Христом, с истиной. Но, как и другие, увы, немногие толстые консервативные издания, журнал вынужден напоминать читателям о существовании той черной стороны бытия, показывать обманчивую личину темной «Правды» в исторической, политической, литературной сферах общественной мысли.

Слово основателя журнала В. И. Лихоносова, а после и Ю. М. Павлова — это слово обличения лжи. Всегда было, остается и останется им — словом, исходящим из долга, прежде всего нравственного, долга перед читателем и Отечеством.

Это слово, до конца договоренное, есть верх исполнения предназначения публициста, для которого нет и не может быть ничего более важного, кроме поиска той самой истины и борьбы

за нее для превращения человеческой души из «черненькой» в «беленькую». И прекрасно, когда это предназначение являет собою центр для всех, кто участвует в жизни журнала — его авторов, постоянных и только-только открывающих для себя путь борьбы за добро, за истину со Христом.

Прежде всего за эту возможность почувствовать себя небесполезным в информационной войне и хочется поблагодарить «Родную Кубань». Быть может, многим из тех, кто сегодня оставляет след на страницах журнала и понимает важность слова, еще предстоит проявить свое решающее значение в будущем?

Будем следить, будем читать, будем соглашаться и оспаривать многое, будем «докапываться до самой сути» и искать истину. Только будь, «Родная Кубань», не переставай быть нашей защитной крепостью, примером воплощения соборности — «веры в духовное единение личностного сознания с общим делом, с жизнью для всех».

**Екатерина Баскакова,
магистрант КубГУ, журналист, публицист
(Тамань)**

«РОДНАЯ КУБАНЬ» — МОЙ ЖУРНАЛ

Человек неразрывно связан со словом человеческим и определяется им. Наша задача, казалось бы, простая: жить и приумножать данное сокровище. Но всегда ли это верно удастся? Время обязано бы рассудить, только зачастую непонятно, кто должен запечатлевать изменения, обусловленные историческим, политическим, экономическим, социальным контекстом как составляющими всеобъемлющей русской культуры.

Именно поэтому в обществе должен существовать некий ценз смыслов: как иначе воспитывать в человеке человека? Прививка культурой должна происходить в разных формах и форма-

тах. И такая «прививка» для нашего народа — само русское слово.

Чтобы сохранить и оставить в вечности слово, ему нужно место и время, где его способны услышать и оценить. Как ни стараются технологии, именно печатные слова, застывшие на бумаге, неподвластны старению, в отличие от электронных мимолетных новостей и смыслового фастфуда.

«Родная Кубань» — ответ суетности современной жизни; памятник эпохи не столько уходящей, сколько творящейся прямо сейчас.

Истоки «Родной Кубани» следует искать не в 1998 году, но с того момента, как замысел о создании единого историко-литературного пространства Кубани зародился у нашего соотечественника (и земляка), классика русской литературы Виктора Ивановича Лихоносова. Его имя навсегда останется в истории: иначе о какой цивилизованности может идти речь? Ведь, как бы люди ни относились к наследию Виктора Ивановича, кто сделал для Кубани более него? Кто примирил на страницах своего журнала день вчерашний с сегодняшним?

Те, кто не желают видеть в Лихоносове писателя и публициста, пусть видят историка: для многих читателей прошлого столетия именно его образ Кубани стал родным. Потрясающая этнографическая работа, проделанная автором на протяжении всей его творческой жизни, нашла продолжение у его коллег и единомышленников и развивается по сей день. Яркое доказательство тому — соседство в журнале маститых авторов с молодыми публицистами.

Низкий поклон за возможность прикоснуться к современной высокой культуре передаю Юрию Михайловичу Павлову, Николаю Игоревичу Крижановскому и всем, благодаря кому «Родная Кубань» обрела узнаваемый сегодня облик и продолжает радовать и побуждать к рассуждению поколения читателей.

На страницах «Родной Кубани» можно отвлечься от бесконечного и бессмысленного чтения ничего не значащих «новостей» и на-

полненных желчью, неискренностью и злобой «историй», вспомнив, что мы являемся наследниками громадного богатства, которое не в силах объять и тем более — до конца осознать. А ненавистникам и клеветникам нашей культуры нужно просто признать, что Русская (именно так, с большой буквы) литература, как и философская мысль — была, есть и будет. Без нее мы не проживем.

Многих славных лет тебе, «Родная Кубань»!

**Дарья Заика,
выпускница журфака КубГУ,
журналист, публицист
(г. Краснодар)**

«Родная Кубань» — сколь точное название! Потому что действительно родная, настоящая, бьющаяся за правду, бьющаяся за справедливость. Люди, создающие этот журнал, — родные. И читателю, и авторам. Они делают это правильно и с правильными смыслами, они русские, задающие русскую систему координат.

Последнее, на мой взгляд, особенно важно. Потому что многие наши беды от сбития, деформации системы координат каждого человека и страны в целом. А вот «Родная Кубань» и ее главный редактор Юрий Павлов задают эту систему координат. Точнее так — развивая, напоминают о ней, ведь сказано почти все в нашей великой русской литературе. Просто надо читать, надо помнить, надо искать смыслы.

«Родная Кубань» возвращает и развивает подлинное на фоне бесконечной имитации и аляповатого буйства симулякров. «Родная Кубань» — это по-настоящему! С юбилеем, любимый журнал! Долгих лет и новых открытий!

**Платон Беседин,
писатель, критик, публицист
(г. Севастополь)**

Дорогие друзья и коллеги, Юрий Михайлович и Николай Игоревич! От имени литературной Белгородчины сердечно рады в вашем лице поздравить редакционный коллектив литературно-исторического журнала «Родная Кубань» с юбилеем. Четверть века для журнала — это достойный возраст, который позволяет говорить о правильно выбранном направлении, о сложившихся традициях, о четкой и определенной позиции редакции, а также о выработанной в ее коллективе преемственности. И мы уверены, что «Родная Кубань» отметит еще столько юбилеев, сколько будут существовать в подлунном мире Россия и русский народ. Поэтому и редакции кубанского журнала, и его преданным читателям, авторам, друзьям и соратникам, нашим соотечественникам, нашей Родине, на материк которой сейчас накатывают волны лихих времен, мы желаем многая лета!

Для нас «Родная Кубань» действительно родная. Дело в том, что Людмила Брагина на протяжении тридцати лет была соратником председателя белгородской писательской организации Владимира Ефимовича Молчанова, уроженца станицы Ильской Краснодарского края, поэта, чьи искренние патриотические стихи и песни, наполненные теплом и светом его кубанской души, известны далеко за пределами нашего региона и уже стали народными. А у Олега Роменко предки по отцовской и материнской линии — выходцы из южнорусского казачества Краснодарского и Ставропольского краев, участники русско-турецких войн, Первой и Второй мировых.

Человечество всегда шло путем прогресса — от древних глиняных табличек, папирусных свитков и берестяных грамот до современных электронных книг. И нет ничего страшного, что современный читатель ушел в интернет. Главное, что он сохранил свое сердце и душу, свою восприимчивость к родному, разумному, доброму, вечному. И все адекватные литературные издания уже давно адаптировались к этому процессу. Шагает в ногу

со временем и «Родная Кубань», на сайте которой хранится не только архив номеров журнала, но и создана обширная электронная библиотека. В ее каталоге можно увидеть писателей со всей России — как увенчанных славой, так и только начинающих свой путь. И нам очень приятно, что в этой замечательной общенациональной библиотеке находятся и наши произведения.

**Людмила Брагина,
Олег Роменко,
писатели, редакторы литературно-художественного журнала «Дрон»
(г. Белгород)**

Для меня журнал «Родная Кубань» является самым родным: сам я коренной кубанец и начало моей литературной деятельности связано с именно с ним.

Думаю, журнал пользуется популярностью среди читателей разных слоев общества и находит отклик в душах людей самых разных воззрений. Ведь его авторов интересуют не только и не столько приметы нашего времени, но и состояние человеческой души среди злых ветров века сего.

Журнал обрел новый формат и стал географически более широким, что дает читателям не только возможность знакомиться с произведениями известных авторов, но и узнавать новые имена.

Таким образом участвовать в сохранении единого литературного пространства.

Желаю коллективу редакции «Родной Кубани» не останавливаться на достигнутом. Больших тиражей и благодарных читателей.

**Николай Зиновьев,
поэт, член Союза писателей России, лауреат
Патриаршей и других премий
(г. Кореновск)**

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

От всей души поздравляю редакцию журнала «Родная Кубань» с юбилеем — 25-летием с начала выхода. За время своего существования журнал стал значительным фактором литературной и духовной жизни России, подлинным очагом отечественной культуры и просвещения, открыл дорогу в литературу многим молодым талантливым авторам, приобрел обширную аудиторию читателей и поклонников.

В дни славного юбилея желаю редакционной коллегии дальнейшей успешной работы, новых интересных авторов, широкого круга читателей; авторам издания хочу пожелать вдохновения, творческих успехов и достижений.

И пусть журналу «Родная Кубань» сопутствуют благополучие и успех!

Светлана Замлелова,
кандидат философских наук,
член Союза писателей России
и Союза журналистов России,
главный редактор сетевого литературного
журнала «КАМЕРТОН»
(г. Москва)

ПОД КУЗНЕЦОВСКИМ СОЛНЦЕМ

«Родная Кубань» имеет много заслуг. Одна из них — она в самые трудные годы лихолетья, разграбления и поругания России, особенно провинциальной, сумела стать подлинным центром литературно-патриотических сил, что в капиталистическом государстве сверхтрудно. А еще попытаться решить или сгладить при решении две мудреные задачи, говоря по-простому, по-южному: как примирить белых и красных и как не обидеть коренных и инородных? Вели-

кий лирический талант и человеческая мудрость Виктора Ивановича Лихоносова этому способствовали: сам он, как говорится, «не местный», но полюбивший Кубань до крайней степени. А по убеждениям, был, наверное, в душе больше «белым», но умом понимал, что помогли ему, как и многим, стать большим русским писателем «красные». Этот напряженный спор и трудный путь будет длиться, пока существует сама русская литература, которую усиленно добивают.

Помню, «Новая газета на Кубани» предъявляла к 20-летию юбилею журнала после смены редколлегии хорошо знакомые и старые претензии: «Задача "Родной Кубани" — выявлять новые кубанские имена, способствовать их развитию, тем самым, давая надежду творческой литературной поросли быть услышанными и признанными в родном краю. Иначе смысла тратить и дальше на это издание деньги из краевого бюджета никакого нет». Не согласен. Это лишь одна из важных задач! В более широком понимании литературный журнал, где бы он ни выходил, должен показывать литературную, культурную, идейную (зря боялись этого слова!) жизнь своего края и вписывать ее в панораму духовной жизни всей России. Тем более сегодня, в воюющей и расколотой, если говорить честно, стране. Через какие имена и произведения — дело и головная боль редколлегии. Мало просто представить молодых поэтов, например, вот один описал живо впечатления детства в станице, а другой — модную тусовку в Краснодаре, но читателю-то важно, а что сегодня думает и чувствует молодежь, может ли на нее положиться Россия в развернувшейся битве? Глядишь, придется кого-то из прифронтовой Белгородской области добавить с яркими стихами.

И потом, что такое местный автор? Я давно познакомился с Юрой Кузнецовым в Москве и, честно говоря, долго не ведал, откуда он родом, а вот то, что служил на Кубе в кризис, — знал и ценил. Он был для меня не кубанец, а имперец прежде всего!

Несколько лет назад я ехал в Краснодар на

первые Кузнецовские чтения. Утром над бескрайней степью поднимался огромный розовый круг солнца. Я задохнулся от восторга, и родились стихи. Привожу последнюю строфу:

*Столько сполохов невыразимых,
Столько мощи ярило прольет!
Над распаханном полем озимых
Кузнецовское солнце встает.*

Пусть всегда над «Родной Кубанью» розовеет и переливается Кузнецовское солнце и посылает сполохи новых талантов в бескрайнюю степь и дальше — в безразмерную Россию.

**Александр Бобров,
поэт, публицист, член Союза писателей России
(г. Москва)**

«РОДНАЯ КУБАНЬ» СТАЛА РОДНОЙ ДЛЯ ВСЕХ

Есть родные места, в которые хочется возвращаться. Есть строки, которые хочется перечитывать, чтобы вернуться к самому себе. «Родная Кубань» стала домом для нас, студентов, потому что мы знаем, что там нас поймут и примут. Мы не только делаем в этом безбрежном творческом поле свои первые шаги, но и проявляем себя, растем и не боимся показаться неопытными.

Этот журнал сумел собрать вокруг себя большую семью — талантливых, грамотных, добродушных и отзывчивых людей из разных уголков страны, имеющих зачастую такую смелость, которой нет у многих опытных маститых журналистов. Откройте любой материал в печатной версии журнала или на сайте и сами убедитесь в этом.

Всего этого не было бы без нашего дорогого Юрия Михайловича Павлова. Мы ценим его открытость к нашему творчеству, его неожиданное «Когда пришлете материал в «Родную Кубань»?» на лекциях, честность и доверие, заботу и преданность своему огромному делу. Спасибо, что вы всегда рядом с нами.

Пусть эти золотые времена для тебя, «Родная Кубань», никогда не проходят. Спасибо тебе.

**Лейла Гаджиева,
выпускница журфака КубГУ,
журналист, публицист
(г. Москва)**

«Родная Кубань» — журнал общероссийский, но с местным колоритом, что считаю очень важным, потому как, кроме информационного, имеет и воспитательный эффект: хочется своих знать, им удивляться и ими гордиться. Даже если журнал в основном читают профессионалы, язык, как известно, до Киева доведет.

Прежде всего поражает охват тем и авторов: исторические экскурсы, современные взгляды, заслуженные авторы и молодые, только вступающие на стезю литературного творчества, критика и публицистика — познавательно и читать интересно.

Журнал демократичен. Предоставляется возможность «выбиться в свет», легализоваться молодым авторам и даже тем, кто независимо от профессии почувствовал неодолимое желание литературно излагать свое виденье мира. И не только я тому пример. О таких авторах точно сказал поэт Геннадий Головатый: «Все! Не сдержать. Проклюнулись — стихи».

Словом, замечательно, что журнал «Родная Кубань» существует и он в хороших руках профессионалов.

В заключение хочу поблагодарить редакцию за оказанное внимание, возможность публикации моих рассказов и фотокопий картин, сшитых мной в лоскутной технике.

В год юбилея желаю «Родной Кубани» многая лета, успеха, разнообразия публикаций и новых авторов.

**Татьяна Лобанова,
писатель
(г. Лыткарино)**

Сотый номер и двадцатипятилетие журнала «Родная Кубань» — это замечательные события! Поздравляю Юрия Михайловича Павлова, главного редактора, коллектив редакции и, конечно, всех читателей.

На выставочных стеллажах библиотек Краснодара сразу можно выделить свежий номер «Родной Кубани». Обложка черно-белая, строгая и портреты во весь лист, колоритные, выразительные, впечатляют, останавливают взгляд. Сразу понятно, творчество какого деятеля искусств будет представлено в данном номере в полном объеме. Что ни номер, то славное имя в культуре Кубани, России! Для учителя просто клад! Роскошная задумка — тематические номера.

Хочется взять в руки полистать, узнать. Мне, как учителю русского языка и литературы, журнал — первый помощник. Открываешь номер, и — готовый материал для урока. Здесь и литературоведческие исследования о творчестве мыслителей, поэтов, писателей, и воспоминания о великих людях, и литературные зарисовки о Краснодаре. Это литературно-исторический журнал, значит, он связь времен и поколений, всестороннее знакомство с новыми и забытыми деятелями культуры Кубани и России.

Журнал — великолепная площадка для творческой молодежи, для студентов факультета журналистики Кубанского университета. Хочется пожелать «Родной Кубани» смелых идей, находок и ярких, талантливых авторов и, конечно же, процветания.

Эльвира Сапфирова,
учитель русского языка и литературы,
писатель
(г. Краснодар)

В поздравления добавить предпоследним — небольшой текст:

«Родная Кубань» — это и традиции Виктора Лихоносова, и новый свежий острый взгляд Юрия Павлова. Это и опытные известные писатели, и начинающие талантливые авторы. Это журнал, вышедший далеко за рамки регионального издания, став одним из оплотов традиционной русской культуры в стране. Тёплые поздравления редакции и всем читателям!

Андрей Тимофеев,
прозаик, критик,
руководитель Совета молодых литераторов
Союза писателей России
(г. Москва).

Поздравляю всех сотрудников и авторов журнала «Родная Кубань» с юбилеем!

Спасибо вам за верность Русскому Слову и Святой Руси!

Александр Фокин,
доктор филологических наук,
профессор СГПУ, поэт, публицист, критик
(г. Ставрополь)

ДОРОГА К ХРАМУ

ИЕРОМОНАХ АНТОНИЙ (Малинский А. В.)

Родился в 1982 году в городе Гулькевичи. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии и Армавирского педуниверситета. Автор ряда исторических публикаций в СМИ и научных изданиях. Председатель Комиссии по канонизации святых и Отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Армавирской епархии. Член Союза журналистов России.

Живёт в городе Гулькевичи.

СВЯЩЕННИК СТАНИЦЫ ПРОЧНООКОПСКОЙ ТЕРЕНТИЙ УКОЛОВ: ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ

12 сентября 2022 года начались масштабные празднования 10-летия восстановленной в 2013 году Армавирской епархиальной кафедры. Одним из важных мероприятий вышеназванных торжеств стало открытие на территории духовно-просветительского комплекса «Мемориал Фортштадт» «Музея линейного казачества», экспозиция которого призвана свидетельствовать об истории появления на земле современной Кубани укрепленных линий и их заселении казаками-линейцами.

Среди важнейших центров Кавказской укрепленной линии была крепость Прочноокоп и возникшая вблизи ее одноименная станица, основным населением которой стали переселенцы из донских станиц: Пятиизбянской, Нижне-Чирской и Есауловской. В большинстве своем переселенцы были представителями старообрядчества.

Сегодня истории казаков-линейцев станицы Прочноокопской и их религиозным взглядам посвящен ряд фундаментальных работ, которые всестороннее освещают эту тему в современной науке. Мы не ставим целью данной работы подробное описание истории прочноокопского старообрядчества — это очень серьезная на сегодня задача. Полагаем, определенный интерес и новизну будет иметь исследование жизни, деятельности и служения станичного единоверческого священника Терентия Ивановича Уколова. На сегодняшний день отсутствуют работы о личности этого видного подвижника кубанского единоверия. Как представляется, именно его деятельность в значительной степени отражает процессы религиозного и социального развития, которые шли в конце XIX — начале XX

веков в станице Прочноокопской и на Кубани в целом.

Чтобы понять грандиозность личности отца Терентия, кратко обозначим ключевые события истории старообрядчества в станице Прочноокопской. Начиная с 1794 года, богослужения и требы выполнялись для прочноокопских старообрядцев священниками Иргизских монастырей, таковыми, по мнению А. И. Зудина, могли быть Аврам Кириллов и Максим Александров. Попытка подчинить прочноокопских старообрядцев священноначалию Православной церкви на правах единоверия не увенчалась успехом. Направленный в 1801 году в станицу Святейшим Синодом священник Феодор Никитин руководствовался составленными митрополитом Московским Платоном единоверческими «пунктами», тщетно пытаясь наладить минимальный учет крещений, браков и смертей. Суровые станичники считали таковой учет противоречащим их религиозным взглядам.

Не найдя подхода к прочноокопским старообрядцам, священник Феодор Никитин попросил перевода в станицу Александровскую, первым было объявлено о необходимости искать нового священника.

1 сентября 1805 года поверенный ряда старообрядческих станиц казак Дмитрий Кубанцев прибыл в Астрахань просить о назначении в станицы: Прочноокопскую, Кавказскую, Усть-Лабинскую, Григорополисскую и Темнолесскую — священника станицы Северной Иоанна Стефанова. Астраханская духовная консистория дала согласие на это назначение, значительно смягчив положения,

определяемые «пунктами» митрополита Платона. От казаков требовалось предоставить списки старообрядческих семей, которые считали необходимым иметь священника, строить каменный храм и содержать самого священника.

Станичники представили списки с учетом того, что в списках станицы Прочноокопской было указано 130 старообрядческих семей, а по факту проживало 200, и здесь условия консистории жителями Прочноокопской выполнены не были. В 1810 году в Александровскую был перемещен и священник Иоанн Стефанов, что, вероятно, свидетельствует о бескомпромиссном следовании станичниками своих религиозных установок.

В 20-х годах XIX века прочноокопские старообрядцы ходатайствовали о назначении им беглого священника Афанасия Григорьева, позднее православного священника станицы Тифлисской Дмитрия Артамонова, но по причине кончины Преосвященного епископа Гаия (Такаова), данные старания не увенчались успехом. Поступившее вновь в 1823 году прошение о назначении в кубанские станицы священника вызвало бескомпромиссную отповедь епархиального начальства. Священник может быть назначен старообрядческому обществу только при соблюдении правил единоверия. Как следует из документа: «епархиальное начальство само по случаю прошения их о священнике через областного начальника г-на генерала-майора и кавалера Сталя... предлагало им, что они могут от епархиального начальства получить священника и даже церковь, ежели будут просить о том с изъяснением о согласии на принятие означенных пунктов, они не изъяснили на то своего согласия и тем отвергли последнее средство к сближению с церковью, то за сим епархиальное начальство не имеет более никакого законного основания удовлетворить их просьбу».

В 1824 году в станице появился привезенный без ведома епархиального начальства из Николо-Преображенского старообрядческого монастыря Черниговской губернии священник Александр Казанский, однако и он удовлетворял религиозные нужды станичников непродолжительное время. Осенью

1826 года поверенный пяти старообрядческих станиц казак Яков Карачунов предпринял последнюю попытку испросить у епархиального начальства назначения в Прочноокопскую священника станицы Тифлисской Дмитрия Артамонова. Епархиальное начальство ответило решительным отказом, запретив вышеуказанному священнику под угрозой суда давать согласие на служение в старообрядческих станицах. Решение консистории было отменено указом Его Императорского Величества, и отец Дмитрий получил назначение, однако в 1830 году его уже не было в Прочноокопской.

С 1826 года ходатайства о назначении в Прочноокопскую священника окончательно прекратились, начался период законодательного ужесточения религиозных свобод старообрядческих общин: с 17 сентября вышеупомянутого года раскольникам запрещалось строить храмы и часовни.

В 1830 году в станицу прибыл, уклонившийся по случаю конфликта с епархиальным начальством, священник станицы Надежда Василий Надеждин. Епархиальное начальство стремилось добиться выдачи беглого священника, но столкнулось с позицией полкового начальства, которое сочло уместным проигнорировать просьбу, применяя нормы, принятые 26 сентября 1822 года. В 1832 году священник Василий Надеждин принес покаяние за уклонение в раскол и покинул станицу.

В 1840 году в станице появляется православный храм, освященный в честь святителя Митрофана Воронежского; по поздним воспоминаниям, храм был довольно скромных размеров и не мог выполнять функции миссионерского центра.

В 1843 году была открыта выделенная из состава Астраханской Кавказская епархия. Уже в реалиях новой епархиальной власти в апреле 1844 года в станице Прочноокопской появился лишенный сана Иван Недрогайлов, ввиду нахождения последнего под уголовным преследованием в мае 1845 года расстрига был арестован.

Первый епископ Кавказский Иеремия пошел вразрез с политикой терпимости к казакам-старообрядцам. Проживающий в станице Червленной старообрядческий священник, ввиду сообщения

Владыки, сделанного военному начальству, стал объектом внимания властей. Результатом данного сообщения стало разбирательство, а как итог — побег старообрядца. Это вызвало шквал жалоб со стороны казаков. В итоге указом Святейшего Синода от 13 июля 1845 года все духовенство линейных казачьих станиц было изъято из-под омофора Ставропольского архиерея и подчинено обер-священнику Кавказского отдельного корпуса. В этом же году наместник Кавказа генерал-адъютант князь М. С. Воронцов получил собственноручное письмо императора Николая I, предписывавшее широкий толерантный подход к религиозной жизни старообрядцев региона.

В 1845 году в Прочноокопской появился запрещенный в священнослужении священник Тимофей Ищерский, который, пользуясь покровительством войскового начальства, совершал богослужения и требы в станице четыре года. Вышеназванный священник развил широкую деятельность не только на Кубани, но и за ее пределами. Служение Ищерского продолжалось вплоть до его смерти в декабре 1849 года. Как представляется, данная популярность прочноокопского священника возникла в том числе благодаря позиции императора Николая I и князя М. С. Воронцова. К периоду деятельности в станице Ищерского следует отнести описанный в воспоминаниях Г. И. Филиппсона случай. «Приехав однажды в Прочный Окоп, князь (Воронцов И. А.) был встречен казаками с хлебом-солью. Ему поднесли два каравай и две солонки от двух кучек стариков, стоявших отдельно. Это обратило внимание князя, и он спросил о причине такого разделения станичного общества. Один из стариков наибольшей кучки отвечал: «Нам, ваше Сиятельство, нельзя быть вместе; то люди, а мы — псы. Родимся мы, нас никто не крестит, церкви у нас нет, вера наша запрещена; женимся мы без брака, околеваем без покаяния и святого причащения». Князю доложили, что большая часть жителей этой станицы и всего Кубанского полка раскольники, что их молебель запечатана, и им не дозволяется никакого публичного проявления своей ереси. У князя задрожали губы от волнения. Он сказал, что в России веротер-

пимость и тут же приказал при всех жителях отпереть молебель и дозволить богослужение. Можно вообразить последствия. Весть об этом разнеслась по всей России; из Московской, Калужской, Саратовской и других губерний, с Дона и с Урала раскольники бросились в Прочный Окоп венчаться у беглого попа, который беспрепятственно отправлял богослужение, запрещенное во всей России. Отменить распоряжения князя никто не имел права, да и сама отмена могла только усилить народное волнение. Величайшего труда стоило ближайшему начальству исподволь и со многими несправедливостями возратить дело к его законному порядку, причем едва не дошло до кровопролития».

В апреле 1850 в станице появляется запрещенный священник Матфей Образцов, судимый за венчание лиц, не достигших брачного возраста. Невзирая на уголовное преследование, войсковое начальство распорядилось оставить священника в Прочноокопской.

В 1853 году начинается новый этап в жизни прочноокопского старообрядчества. Архиепископ Антоний (Шутов) поставил во священники отставного казака Иосифа Минаевича Турченкова, который с определенными перерывами нес свое служение в станице до своей кончины в 1878 году. Наследовал священнику Иосифу Турченкову его племянник — Иван Тимофеевич Турченков, окончивший жизнь, как повествует автор исторического очерка о прочноокопских старообрядцах, «горьким пьяницей».

При епископе Феофилакте (Губине) произошел ряд исторических событий, в том числе и для Кубани. Так, в 1860 году были образованы Терская и Кубанская области, Кавказское линейное и Черноморское войска были преобразованы в Терское и Кубанское казачьи войска, наконец, 30 июля 1867 года в состав Кавказской епархии вернулись приходы бывшего Кавказского линейного войска.

В 1876 году Прочноокопскую посетил знаменитый единоверческий миссионер архимандрит Павел (Леднев), известный также под псевдонимом «Прусский». Беседа отца Павла не дала видимых результатов, но внесла брожение в старообрядческую

среду. Данные процессы длились вплоть до 1890 года, когда станицу посетил единоверческий протоиерей Ксенофонт Крючков. Беседа отца-миссионера дала положительный результат. «Из среды самих раскольников явились четыре человека, начавшие гласно выражать сомнение об истинности старообрядческой церкви. Это были казаки: есаул Петр Самсонович Курунин, отставной хорунжий Тимофей Кузьмич Захаров и урядники Терентий Иванович Уколов и Ерофей Евсеевич Жогин. Уколов и Жогин пользовались у раскольников особым уважением, так как состояли в клире и известны были своей разумностью и начитанностью... И вот эти люди, к удивлению всех, поколебавшись в преданности расколу, начали выражать сомнения о законности раскольничьей иерархии и самого отделения раскольников от Православной церкви. Для рассуждений об этом они стали собирать к себе желающих и открыли у себя беседы». Позднее один из единоверцев станицы Прочноокопской напишет, что Т. Уколов — «человек со... светлым понятием». Именно отцом Ксенофонтом Крючковым 13 ноября 1890 года было присоединено к Российской православной церкви несколько первых старообрядцев, среди которых есаул Петр Курунин со своим сыном урядником Иоаникием Куруниным; Тарас Панков с женой и малолетним сыном; отставной хорунжий Тимофей Захаров; отставной урядник Ерофей Жогин с женой и двумя сыновьями, урядником Яковом и малолетком Василием и унтер-офицер лейб-гвардии собственного его Императорского Величества конвоя, бывший бессменный ординарец императора, будущий первый единоверческий священник станицы Прочноокопской Терентий Уколов с семьей: женой, сыном и двумя дочерьми.

* * *

Терентий Уколов родился 22 октября 1857 года в казачьей старообрядческой семье станицы Прочноокопской Уманского отдела Кубанского казачьего войска. Образование получил в доме отца.

1 января 1875 года Терентий Уколов был зачислен в Кубанский конный полк. 28 мая 1877 года коман-

дирован в Кубанский казачий дивизион в Варшаве. Чуть более чем через год, 2 июня 1878 года, прошел обучение в учебной команде и произведен в приказные, 6 июня командирован в 4-ю саперную бригаду для изучения саперного и военно-телеграфного дела.

23 февраля 1880 года Уколов был командирован в Санкт-Петербург в Конвой Его Императорского Высочества и назначен ординарцем наследника Цесаревича Александра Александровича.

1 марта трагически погиб Император Александр II, 2 марта на престол вступил сын почившего монарха Император Александр III, в связи с чем Терентий Уколов был зачислен ординарцем к Его Императорскому Величеству. 4 апреля наследником престола за исправную службу ординарец был произведен в урядники. Спустя год, 8 марта 1881 года, Уколов был переведен во 2-й Кубанский казачий эскадрон собственного Его Величества конвоя. 1 июня 1882 года переведен в 1-й эскадрон. Немного ранее, 23 апреля, Терентий Иванович получил темно-бронзовую медаль в память войны 1877—1878 гг. на Георгиевской ленте.

15 мая 1883 года в Успенском соборе при служении трех первенствующих митрополитов и сонма духовенства состоялась коронация Императора Александра III, командировку в Москву 5 мая получил и урядник 1 Кубанского казачьего эскадрона, ординарец Его Величества Терентий Иванович Уколов. В столицу Уколов вернулся 27 мая. 23 октября по случаю коронации урядник получил серебряную медаль на Александровской ленте. 30 августа 1885 года Уколов получил австрийский серебряный крест императора Франца Иосифа I на Александровской ленте. Последней наградой Терентия Ивановича за верную службу стали полученные им 23 февраля 1888 года золотые часы с портретами Их Императорских Величеств, гербом и золотой цепью.

* * *

15 июня Уколов, отдав военной службе 13 лет, в возрасте 31 года, по собственному желанию, в звании гвардейского унтер-офицера был уволен в запасной разряд войск и, вероятно, сразу вернулся в станицу.

На следующий день после присоединения офицерских семей к православной церкви на правах единоверия под председательством протоиерея Ксенофонта Крючкова состоялось собрание, на котором кандидатом в единоверческие священники был выдвинут Терентий Иванович Уколов. Отец Ксенофонт вскоре отправился в Санкт-Петербург с ходатайством об открытии единоверческого прихода и постройке храма.

В конце 1890 года в станице Прочноокопской побывал епархиальный противораскольничий миссионер священник Константин Попов, который скептически оценил происшедшее в станице присоединение к единоверию нескольких офицерских семей. «В Прочно-Окопе, — писал отец Константин, — есть несколько лиц, присоединившихся из раскола к единоверию. Они стараются учредить особый единоверческий приход, хлопчут, чтобы им построили церковь и дали особого единоверческого священника из них же... Замечательно, что присоединившиеся к единоверию чуждаются богослужения Православной церкви, в церковь не ходят, и самое присоединение их совершено было где-то в доме, секретно от посторонних лиц. Как будто люди боялись открыто засвидетельствовать свое признание истинности Православной церкви».

8 февраля 1891 года Святейший Синод Указом за № 408 определил учредить в станице Прочноокопской единоверческий приход.

Ранее указанной даты начались консультации по вопросу рукоположения находящегося в запасе Кубанского казачьего войска Т. И. Уколова. Постановлением в священный сан своего бывшего ординарца интересовался Император Александр III, о чем в письме епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Евгению 12 января 1891 года сообщал К. П. Победоносцев с просьбой «ускорить производство по делу об избрании Уколова в новый единоверческий приход в Прочноокопскую станицу».

21 января епископ Евгений отправляет две телеграммы: одну — священнику православного храма станицы Прочноокопской Алексию Покровскому

о том, что Уколов должен немедленно прибыть для рукоположения, вторую — начальнику Кубанской области с вопросом, нет ли препятствий к рукоположению Т. И. Уколова.

23 января 1891 года Терентий Иванович получил билет об увольнении во все места Российской Империи сроком на 1 месяц.

27 января наказной атаман генерал-лейтенант Г. А. Леонов телеграммой сообщил епископу Евгению об отсутствии препятствий для рукоположения Т. И. Уколова. 30 января на имя Ставропольского Архипастыря была направлена официальная бумага, в которой епископ Евгений уверялся, что препятствий к рукоположению Уколова со стороны наказного атамана нет.

3 февраля управляющий канцелярией Святейшего Синода В. К. Саблер сообщил в Ставропольскую духовную консисторию о том, что рукоположению Т. И. Уколова должно предшествовать увольнение из запаса, о чем просил направить ходатайство.

6 февраля епископ Евгений направил официальную бумагу в Святейший Синод об увольнении Т. И. Уколова из запаса Кубанского казачьего войска, сообщая, что препятствий к рукоположению последнего в священный сан со стороны наказного атамана нет.

12 марта 1891 в телеграмме Владимир Карлович Саблер сообщал, что согласно уведомлению военного министра П. С. Ванновского Терентий Иванович Уколов может быть немедленно рукоположен.

Рукоположение Терентия Уколова в сан диакона состоялось 15 марта 1891 года на литургии Преждеосвященных Даров в пятницу на 2-й седмице Великого поста, в пресвитерский сан отец Терентий был рукоположен в кафедральном соборе города Ставрополя 17 марта вышеуказанного года во 2-ю Неделю Великого поста.

После рукоположения отца Терентия прочноокопские единоверцы получили новость о разрешении на строительство храма и о выделении для этих целей земельного участка. Старообрядцы первоначально отказывали в выделении земли, но вынуждены были уступить требованию начальства.

1 апреля протоиерей Ксенофонт Крючков совершил молебен и освятил место строительства Николаевского единоверческого храма в станице Прочноокопской, водрузив на месте строительства святой крест.

Двухпридельный Николаевский храм был построен в кратчайшие сроки, средства на нужды строительства пожертвовали Санкт-Петербургские купцы С. Митрофанов и Р. Ермолин, 10 000 рублей было собрано самим отцом Терентием Уколовым, в числе жертвователей был Император Александр III, из казны которого на постройку храма было выделено 2000 рублей. Святой праведный Иоанн Кронштадтский пожертвовал на строительство храма 150 рублей и икону.

В феврале 1893 года, проживая непродолжительное время в Санкт-Петербурге (ул. Съезжинская, д. 34, кв. 21), отец Терентий обратился к министру императорского двора графу И. И. Воронцову-Дашкову, личному другу Императора Александра III, с просьбой напомнить Их Величествам о нуждах построенной вчерне Николаевской церкви в Прочноокопе. В списке, представленном священником, были иконостас в средний придел, заклиросные иконы (2 и 1/2 аршина высотой), икона на горнее место, священные сосуды, паникадила, подсвечники, облачения для священника и на престол, колокол на 30 пудов.

Откликнувшись на просьбу священника, Императрица Мария Феодоровна пожертвовала драгоценные священные сосуды, принадлежности святого престола и полные богослужебные облачения для священника и диакона. Император Николай II пожертвовал храму два колокола, вылитых на Санкт-Петербургском колокольном заводе из старых пушек. К. П. Победоносцев и В. К. Саблер пожертвовали по иконе.

Самой большой святыней нового храма стал дар митрополита Московского и Коломенского Сергия (Ляпидевского), пожертвовавшего для небогослужебного хранения на престоле святой антиминс времен Патриарха Иосифа. Он представлял «собою кусок простого холста (6—5 вершков), на котором начертан рукою осмиконечный крест, в вершине

которого вложены св. мощи, а по сторонам начертано полууставом: “Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в церкви, иже во святых отца нашего Николы Архиепископа Мирликийского Чудотворца. Освящена бысть церковь в лето 7152, индикта 16, месяца октября 18, на память св. Апостола и Евангелиста Луки, при благоверном царе и великом князе Михаиле Феодоровиче, при благоверном царевиче князе Алексее Михайловиче и при святейшем Иосифе патриархе Московском и всия России”». К сожалению, в настоящее время судьба данной реликвии неизвестна.

Освящен новый храм епископом Агафодором был 8 ноября 1893 года в сослужении всех единоверческих священников епархии в присутствии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерала от инфантерии Я. Д. Маламы. Станичное торжество имело беспрецедентный размах. Особым моментом торжеств стал, пожалуй, крестный ход «по мощи». Очевидец описал данное шествие: «Впереди всех шел о. Терентий Уколов и кропил народ направо и налево, за ним несли иконы и хоругви, далее следовали попарно священнослужители и, наконец, Владыка с жезлом в руках, в преднесении трикирия и дикирия и креста. Торжественности процессии немало благоприятствовала прекрасная, теплая и солнечная погода. Тысячи людей всех возрастов в праздничных разноцветных одеждах предшествовали и следовали за процессией почти на всем пространстве к храму... Владыка возложил дискос с мощами на главу и вышел из храма, осеняемый рипидами и поддерживаемый двумя старейшими священнослужителями. Густая масса народа, плотно облежавшая храм и в особенности западный склон горы, на которой построен храм, заволновалась, расступилась и началось обратное шествие, еще более торжественное. Не принимавшие участия в процессии, у своих домов, преклоняли колена, падали ниц.... Картина потрясающая, оставляющая неизгладимое впечатление».

Само освящение и Божественная литургия были совершены епископом Агафодором «по древнему чину»». За труды по привлечению материаль-

ных средств на строительство храма священник Терентий Уколов был награжден правом ношения набедренника. По окончании богослужения в доме священника состоялся прием, на котором присутствовали преосвященный епископ Агафодор и Я. Д. Малама. Позднее, 15 февраля 1895 года, вдовствующая Императрица Мария Федоровна лично наградила отца Терентия золотым наперсным крестом с изумрудами из кабинета Его Императорского Величества. 29 октября пастырь был награжден серебряной медалью в память царствования Императора Александра III на Георгиевской ленте. 14 мая 1896 года священник Терентий Уколов получил серебряную медаль в память коронования Императора Николая II на Андреевской ленте. 30 января священнослужитель получил крайне ответственное назначение епархиального начальства — определен на должность благочинного всех единоверческих церквей Ставропольской епархии. 7 февраля 1897 года отец Терентий получил право ношения фиолетовой скуфьи.

После освящения храма строительные работы на его территории не завершились. Трудом отца Терентия к нуждам единоверческого прихода в Прочноокопской в 1895 году было привлечено внимание Санкт-Петербургского купца Петра Филипповича Филиппова, который пожертвовал Николаевской церкви 20 000 рублей. Данные средства были реализованы под личным контролем священника Терентия Уколова на строительство двухэтажного здания двухклассной школы с домовою церковью святых апостолов Петра и Павла в память бракосочетания Их Императорских Величеств и богадельни. По ходатайству священника вышеназванный купец отметил единоверческий приход и в своем завещании, оставив ему порядка 22 000 рублей, 1000 рублей из которых предназначалась на нужды храма, 500 рублей — причту и 20 500 на содержание богадельни.

В годы Великой Отечественной войны здание сильно пострадало от огня немецко-фашистской артиллерии и именовалось жителями станицы не иначе, как «горелка», в начале 60-х годов власти предприняли меры по сносу здания, сегодня на ме-

сте выстроенного добротного здания школы — станичная спортивная площадка.

Вероятно, что усердие отца Терентия по устройству школы и богадельни не оставило равнодушными и его меценатов в Санкт-Петербурге: 5 октября 1897 года петербургскими прихожанами ему был поднесен золотой наперсный крест с драгоценными камнями.

Освящение домового Петро-Павловского храма и здания школы совершил также епископ Агафодор (Преображенский) в сослужении протоиерея Ксенофонта Крючкова и, вероятно, священника Терентия Уколова 5 ноября 1897 года.

В звании попечителей школы епископом Агафодором по представлению священника Терентия Уколова были утверждены санкт-петербургский купеческий сын 2-й гильдии Василий Рубахин и потомственный почетный гражданин Филипп Кручинин.

Во внимание к трудам священника Терентия Уколова Их Императорские Величества пожертвовали Николаевской единоверческой церкви комплект богослужебных воздухов, а школе — свои портреты. Выбранные Государем Императором изображения были отправлены в мастерскую А. Жеселя по адресу: Гороховая, 45.

7 апреля 1897 года портреты были оформлены и упакованы. Рамы для портретов и резные регалии были изготовлены из чинарового дерева (восточный платан), внутри рам располагался овальный паспарту, защищало портреты полированное стекло с фальцетом и бронзовым ободком. Императрица Мария Федоровна через своего генерал-адъютанта князя В. И. Барятинского прислала телеграмму с сожалениями о невозможности присутствовать при освящении храма и школы, но с искренними пожеланиями благоденствия последней. ■

Полностью читайте на сайте: rkuban.ru

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ИСТОРИИ

ИГОРЬ СИРИЦА

Родился в 1961 году в Краснода-
ре. Кандидат юридических наук.
Автор публикаций
по историко-правовым аспектам
деятельности правоохранитель-
ных органов и спецслужб
Кубанской области.
Живёт в Краснодаре.

«НАША СЛУЖБА И ОПАСНА, И ТРУДНА...» ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ ВАРИАЦИЯ

Однажды, просматривая в Государственном архиве Краснодарского края дела, касающиеся функционирования городской полиции Екатеринодара в дореволюционный период, автор этих строк наткнулся на любопытный документ — «Ведомость о деятельности Екатеринодарского сысского отделения» за 1912 год, — составленный более века назад начальником сего подразделения Александром Петровичем Пришельцевым. «3 июля 1912 года, — в частности указывал руководитель уголовного розыска города (как сегодня бы его назвали), — открыто убийство кондитера Демидова, убитого своими товарищами из-за опасения выдачи организованной ими разбойничьей шайки. Один из убийц Осипов задержан. Двое других при задержании ранили пятью пулями городского Вольского и, при содействии последнего, оба были убиты Жуковским» (Жуковский Иван Павлович — с 23 сентября 1907 года на службе в полиции г. Екатеринодара, полицейский урядник; с 28 марта 1908 года — пристав 2-й части г. Екатеринодара; с 8 июля 1910 года — полицейский надзиратель Екатеринодарского сысского отделения).

Как и ныне, убийства в ту пору вызывали в Екатеринодаре большой общественный резонанс, и горожане жаждали подробностей. Однако местные газеты, всегда падкие на подобные происшествия и ежедневно публиковавшие на своих страницах криминальные сводки, на это убийство никак внятно не отреагировали. В попытке обнаружить хотя какие-либо обстоятельства и детали по этому «кровавому» делу нами было

проштудировано и тщательно изучено громадное количество архивных дел. Но все тщетно...

И тогда, памятуя, что Александр Петрович Пришельцев не чужд был сочинительству (время от времени он слагал своеобразные отчеты-очерки о раскрытии наиболее резонансных преступлений и отправлял их в журнал «Вестник полиции»), пришлось ухватиться за соломинку: а вдруг главный сыщик Екатеринодара написал об убийстве Демидова в журнал?

Интуиция не подвела: в № 42 за 1912 год «Вестник полиции» опубликовал очерк начальника Екатеринодарского сысского отделения, в котором раскрывались все нюансы этого дела. Приведем его в полном объеме.

ЕКАТЕРИНОДАРСКИЕ ГЕРОИ ДОЛГА

3 июля 1912 года близ города Екатеринодара, за рекою Кубанью в городском лесу, был обнаружен труп мужчины средних лет с огнестрельной раной от браунинга и обожженными лицом и грудью. Очевидно, злоумышленники, убившие этого человека, пытались изуродовать труп, чтобы он не был опознан. Судя по бедному костюму убитого, здесь трудно было предположить цель ограбления, а судя по глухой местности, нельзя было полагать, что убитый зашел сюда случайно, тем более что около трупа оказалась недопитая бутылка водки, обеды огурцов, обожженные спички и окурки. Оставалось одно предполо-

жение, что найденный убитым пришел сюда со своими товарищами или близкими знакомыми, которыми и был убит.

Предположение это подтвердилось на другой же день. В трупе был опознан кондитер — крестьянин Тихон Демидов, и тут же были получены сведения, что убит он своими товарищами — Сережей и грузином Захаром, в целях избавиться от него как свидетеля организованной ими разбойничьей шайки.

5 июля Захар был выслежен секретным агентом, который дал знать, что тот зашел в кондитерскую некоего Самусева на углу Пашковской и Рашилевской улиц. Причем в это время (4 часа дня) шел проливной дождь, почему явилось предположение о случайном заходе Захара в названную кондитерскую, чтобы укрыться от дождя. Для задержания его отправились полицейский надзиратель Жуковский, в форме наружной полиции, и городской Вольский, в своей обычной штатской одежде (городовые Екатеринодарского сыскального отделения, входившие в его штат, выполняли функции наружного наблюдения и выходили на службу в партикулярном платье). При самом входе чинов полиции Захар попытался выхватить из кармана своего пиджака браунинг, но они успели повалить его на пол.

В тот момент, когда Жуковский и Вольский старались обезоружить Захара, хозяин кондитерской Самусев совершенно неожиданно, так как не было никаких указаний на принадлежность его к преступному миру, открыл стрельбу по чинам полиции, и первой же пулей Вольский был ранен. Однако он не растерялся и вступил в борьбу с Самусевым, а Жуковский продолжал схватку с Захаром. При этом, катаясь с ним по полу, Жуковский не имел возможности произвести выстрел и начал бить револьвером своего противника по голове.

От этих ударов из браунинга Жуковского выскочила обойма, и таким образом он очутился безоружным. Захар же успел-таки извлечь из своего кармана револьвер левой рукой, а правой схватил с пола небольшую банку с вареньем,

и этой банкой стал бить по зубам Жуковского, производя в то же время в него выстрел, к счастью, безрезультатный, так как пуля пошла вдоль пола. Напрягая последние усилия в борьбе с громадной фигурой Захара, Жуковский выхватил из его руки револьвер, коим и застрелил его. Убитый оказался грузином из Кутаисской губернии Захаром Зауташвили.

Борьба эта происходила в задней комнате кондитерской, а в самой кондитерской Вольский и Самусев, вцепившись друг в друга левыми руками, стреляли в упор один в другого. Вольский, истекая кровью от полученных ран, уже терял последние силы, но в этот момент Жуковский, расправившись со своим противником, подбежал к ним и застрелил Самусева из того же, отнятого у Захара, револьвера. При этом Вольский, увидев Жуковского и находясь почти в бессознательном состоянии, имел силы произнести: «Ваше благородие, управляйтесь сами, я убит», и упал без чувств на пол.

Расправившись со злоумышленниками, Жуковский в окровавленной тужурке и с выбитыми двумя передними зубами, отправил Вольского в городскую больницу, где врачи признали его сначала безнадежным, поскольку раненым он оказался пятью пулями: в голову, в грудь навывлет, в кисть левой руки, в пах левой ноги и в пятку правой ноги. Однако Господь Бог оказал свое милосердие, и верный исполнитель своего долга не погиб напрасной смертью: опасной для жизни рана оказалась лишь в грудь навывлет, и после удачных операций Вольский остался жив. 7 августа врачи городской больницы, отнесшиеся с полным вниманием к Вольскому, разрешили выписаться ему, и теперь он на пути к выздоровлению.

Сережа, оказавшийся земляком убитого Самусева крестьянин Могилевской губернии Сергей Осипов, был разыскан и арестован 6 июля и, хотя в убийстве Демидова не сознался, но участвует в нем и заключен судебным следователем в тюрьму. В кондитерской Самусева, служившей притоном разбойников, после перестрелки,

было обнаружено три револьвера, около 200 боевых револьверных патронов и коробка с красками для гримировки при грабежах.

За блестящее выполнение долга Жуковскому и Вольскому объявлена благодарность министра внутренних дел и назначена денежная награда: первому — 150 и второму — 100 рублей.

К сказанному А. П. Пришелецевым следует добавить ряд небезынтересных фактов, свидетельствующих о бюрократических порядках, присущих той эпохе. Весной 1913 года начальник Кубанской области и наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч направил ходатайство в Штаб Кавказского военного округа о награждении орденом Св. Владимира 4-й степени полицейского надзирателя Екатеринодарского сысского отделения, коллежского регистратора Ивана Жуковского. В нем М. П. Бабыч отмечал, что Жуковский, «состоя на службе полиции во вверенной мне области, проявил выдающуюся служебную деятельность и храбрость при задержании преступников. Так, например, 5 июля 1912 года при задержании Жуковским и городовым Вольским в г. Екатеринодаре членов разбойничьей шайки Зауташвили и Самусева, последние оказали вооруженное сопротивление, ранили пятью пулями Вольского, а Жуковскому выбили зубы, и лишь благодаря отчаянной храбрости Жуковского, подвергавшего свою жизнь явной опасности, не убили их, а напротив, сами были застрелены последним из револьвера, который он в борьбе отнял у Зауташвили». Заметим, что лицо, награжденное орденом Св. Владимира 4-й степени, получало права личного дворянства.

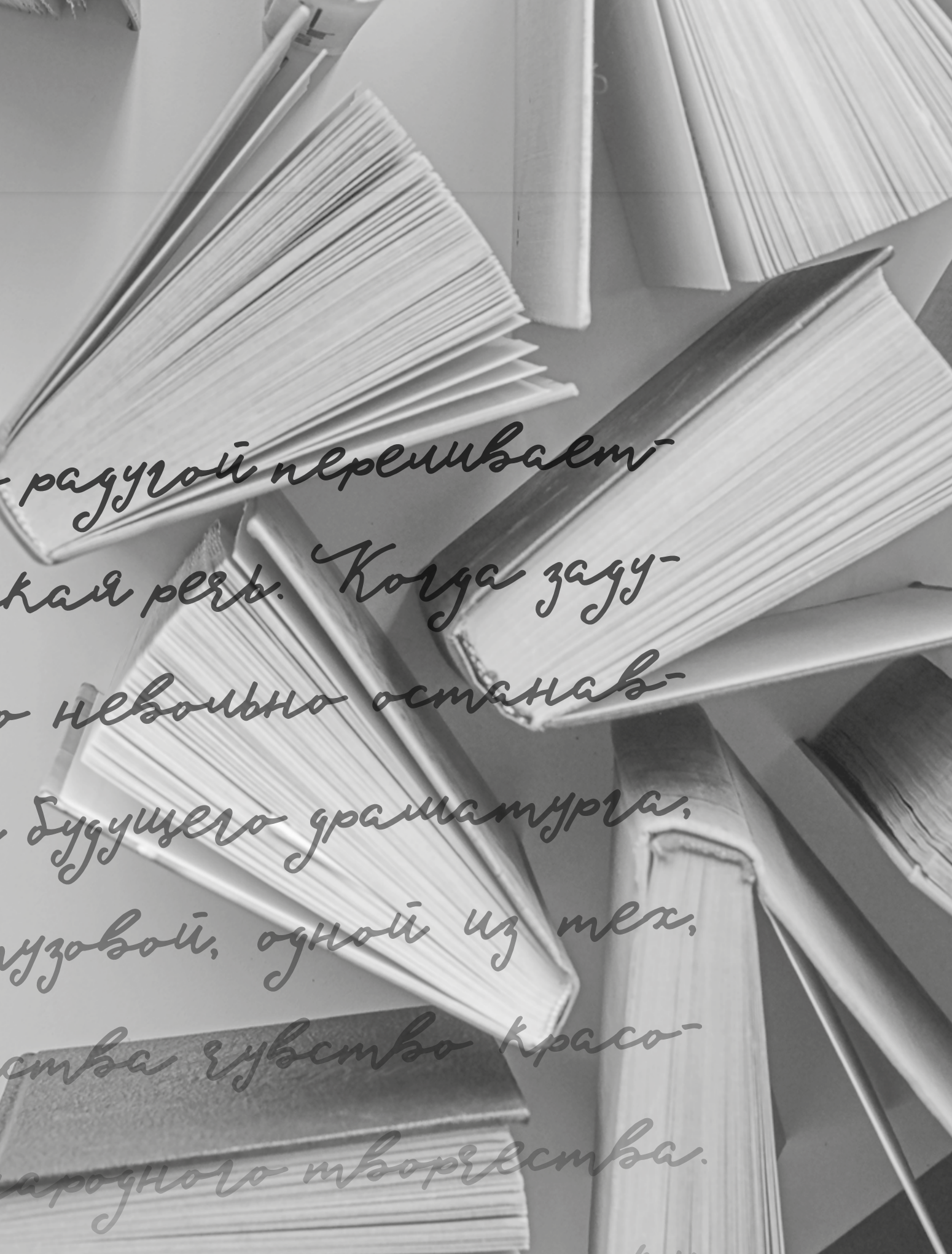
Вскоре из Штаба Кавказского военного округа М. П. Бабычу сообщили, что его ходатайство о награждении Жуковского было доложено военному министру, но тот «не нашел возможным подвергнуть это ходатайство на Высочайшее Его Императорского Величества благоволение».

В переводе с канцелярского на обычный язык сие означало, что военный министр не представил ходатайство императору Николаю II. Далее объяснялись причины такового решения — «число наград как за обыкновенные, так и за выдающиеся отличия определено особыми нормами», но в текущем году подобные «наградные» нормы были исчерпаны. В утешение Жуковский получил, как указывалось выше, 150 рублей от министра внутренних дел. Что же касается городского Михаила Вольского, то в августе 1913 года его наградили серебряной нагрудной медалью с надписью «за храбрость» 4-й степени на Георгиевской ленте. Ну и 100 рублей от министра внутренних дел. Таковы были реалии того времени...

Естественно, у читателя возникнет вопрос: чем обуславливалось столь быстрое раскрытие тяжких преступлений в городе? Ответ дает сам Александр Петрович Пришелецев, указавший в одном из служебных документов: «Все выдающиеся преступления в Екатеринодаре и по области сысским отделением удалось открыть лишь благодаря имеющимся в моем распоряжении постоянным агентам, получающим определенное ежемесячное вознаграждение, и агентов этих я пригласил, договорившись о денежном содержании их...» Добавим, что начальник уголовного розыска города с присущей ему скромностью умолчал о своей роли организатора в деле раскрытия тяжких преступлений. Впрочем, эта черта характера была ему свойственна, и подчиненные уважали его за это, а начальник области высоко ценил. ■

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

... В пьесах Островского
живая разговорная русс
мавасься об истоках, та
ивась на образе няни
Авдотьи Ивановны Кут
кто заронил в нем с дет
та родного слова, поэзии

радугой переживает
кай режь. Когда заду-
невольно остано-
Будущего грамматики,
узовой, одной из тех,
ства чувство красо-
ародного творчества.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

Родился в 1957 году в городе Кропоткине Краснодарского края. Доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Кубанского государственного университета. Член СП России. Критик. Лауреат литературных премий. Главный редактор журнала «Родная Кубань». Живёт в Краснодаре.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ЕГО «ТИХИЙ ДОН» КАК ПРОЯВИТЕЛЬ СУЩНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Отношение к Михаилу Шолохову, его главному роману «Тихий Дон» — безошибочный проявитель сущности творческой личности. Как правило, русские авторы — шолохофилы, русскоязычные — шолохофобы. Конечно, любовь или ненависть к писателю не отменяют знаний, интеллекта, умения самостоятельно, логично, аргументированно мыслить, стремления к истине (которая выше любых «правд») и других обязательных составляющих профессионально написанного текста. Перечисленные качества далеко не всегда встречаются в статьях и книгах шолохофилов, и названные качества, как правило, отсутствуют в работах шолохофобов. Это мы и покажем на примере публикаций последних десятилетий, рассмотрев их в контексте истории восприятия «Тихого Дона», Григория Мелехова, проблем казачества и авторства романа.

Еще в 1977 году во время дискуссии «Классика и мы» один из самых влиятельных советских писателей-русофобов Александр Борщаговский (его многолетняя дружеская переписка с Валентином Курбатовым и Виктором Астафьевым — не опровержение нашей оценки, а лишь повод задуматься о степени русскости его корреспондентов) в своем выступлении не согласился с идеей Петра Палиевского: «Тихий Дон» — лучший роман XX века. Формально Александру Михайловичу не понравилось то, что данный «тезис» (его слово) «не доказывается, а “постулируется”» [5, с. 56-57]. «Мудрый» Борщаговский, конечно, валял дурака: от выступления на другую тему нелогично было

требовать то, что Палиевский уже доказал в своих работах ранее. Ясно, что проблема не в постулировании как таковом, а в той оценке «Тихого Дона», которая была озвучена Петром Васильевичем. Более того, с уверенностью можно сказать: либерал-русофобы не только никогда не согласятся с трансляторами подобных идей, но и будут обязательно дискредитировать (собственно, полемика у них изначально исключается) сторонников данного видения «Тихого Дона».

Уже в XXI веке либерал Бенедикт Сарнов без каких-либо оснований и аргументов назвал Петра Палиевского и его безымянных единомышленников «официальными советскими критиками и литературоведами» [15]. Во многом проясняет истоки такой «профессиональной» полемики приводимая Сарновым цитата о шолоховедах 1960–1970 годов из книги Николая Митрохина «Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985», называемой «фундаментальной монографией». На самом деле она — околонуточный опус, где фальсифицируется история отечественной мысли указанного периода с западнических, русофобско-либеральных позиций. Об уровне компетентности Н. Митрохина и идущего вслед за ним Б. Сарнова свидетельствуют, в частности, следующие факты.

Во-первых, Феликс Кузнецов, которым открывается список шолоховедов из четырех фамилий, был не просто официальным советским критиком, а одним из самых правоверных ортодоксаль-

но-партийных деятелей от науки о литературе того времени. Но — и это главное — о Шолохове в данный период он не писал. Обращение к творчеству автора, судьбе рукописей и романа «Тихий Дон» происходит у Кузнецова лишь в 1990–2000-е годы. Правда, к тому времени его мировоззрение сильно изменилось.

Во-вторых, среди названных шолоховедов отсутствуют Федор Бирюков и Константин Прийма, которые одними из первых попытались приблизиться к пониманию главных героев романа и трагических судеб казачества. Они, как и многие шолохофилы, в том числе XXI века, преодолели многие вульгарно-социологические, казако-русофобские стереотипы 1920–1970-х годов, остались в плену некоторых советских мифов, что мы покажем позже.

В-третьих, называть Петра Палиевского и Виктора Петелина «официальными советскими критиками и литературоведами» означает публично расписываться в своей профессиональной несостоятельности (вариант сознательной лжи данный диагноз не меняет).

На примере двух эпизодов из жителствования Виктора Петелина и неназванного, несостоявшегося шолоховедка покажем литературно-идеологический дух времени, который игнорируется или в корне искажается не только Митрохиным-Сарновым, их единомышленниками, но и некоторыми шолохофилами типа Захара Прилепина. В результате этого мы имеем либеральные или советские версии отечественной истории, под которые подгоняется судьба и творчество Михаила Шолохова и других авторов.

ПЕРВЫЕ ВСХОДЫ ШОЛОХОФИЛЬСТВА ПОД ИДЕОЛОГИЧЕСКИ АНТИНАЦИОНАЛЬНЫМ БЕТОНОМ 1950-Х

Шолоховедение 1920–1940-х годов было сплошь вульгарно-социологическим, казако-ру-

софобским. Об этом достаточно много и точно писалось в работах Константина Приймы [12], Сергея Семанова [16] и других авторов. Нас будет интересовать иное — первые ростки шолохофильства 1950 годов. Разговор о них начнем со статьи и мемуаров Юрия Буртина. Он шестидесятник, автор и сотрудник «Нового мира» времен Твардовского, позже соратник А. Д. Сахарова и, по словам Григория Явлинского, «серьезный исторический мыслитель, способный не только объективно рассказывать о своем времени (здесь и далее в цитатах разных авторов разрядка наша. — Ю. П.), но и задать алгоритм таких размышлений на будущее» [21, с. 10]. То есть Буртина, несмотря на желание шолохофобов навешивать ярлыки на тех, кто не разделяет их взгляды, к советскому официозу или к русским националистам, красно-коричневым и т. д. не отнесешь. Поэтому его воспоминания о первом литературоведческом, шолоховедческом опыте, встречах с Михаилом Александровичем, его отношении к надуманной проблеме авторства «Тихого Дона», не вписывающиеся в расхожие стереотипы, игнорируются как всеми шолохофобами, так и большинством лево-советских шолохофилов.

История, рассказанная Буртиным, дает в первую очередь представление о том, что ожидало литературоведов и критиков, если их видение Григория Мелехова и «Тихого Дона» не совпадало с официальным представлением о герое и романе. Итак, в 1951 году 19-летний студент филфака ленинградского университета в своей работе «Григорий Мелехов и историческая основа “Тихого Дона”» сделал шаг к правильному пониманию героя и произведения. По этому пути чуть позже пойдут В. Петелин и другие шолохофилы. В судьбе Григория Мелехова Буртин увидел «воплощение сложного, извилистого и тернистого пути основной части казачества, да и вообще крестьянства, в революции. Не историю грехопадения мятущегося одиночки, а великую народную драму» [2, с. 28].

Естественно, что доклад студента преподавателями кафедры советской литературы во главе с профессором Л. Плоткиным оценили с «правильных» партийных позиций как идеологически враждебный. Кафедральный вердикт, озвученный доцентом Е. Наумовым, по словам Буртина, был таков: «... доклад написан с бухаринской позиции, он целиком пропитан кулацкой идеологией» [2, с. 29]. Что сие означало в 1951 году, Буртин разъясняет: «... подобная оценка прямоиком подводила 19-летнего злоумышленника под знаменитую 58-ю статью» [2, с. 29].

Скорая встреча с Шолоховым в Москве спасла будущего шестидесятника от готовящихся ударов. То, каким изображается Шолохов Буртиным, вновь не соответствует образу писателя, внедряемому более 30 лет в массовое сознание либеральными, желтыми и большинством так называемых официальных СМИ. Опуская подробности длительной встречи, Буртин сообщает, что манера поведения Шолохова была для него «удивительной и неожиданной. Достаточно сказать, что <...> он не просто поздоровался, но расцеловался со мной (это повторится потом и при прощании), более того — заставил меня взять у него 150 рублей на обратную дорогу» [2, с. 30].

Не менее важно и то, что буртинское отношение к Мелехову совпало с авторским. Отвечая на вопрос студента на данную тему, Шолохов, в частности, с «сильным» чувством сказал: «Я жил с ним 15 лет, я любил его как сына» [2, с. 31]. Продолжение же разговора гениального писателя с начинающим литературоведом о послероманной судьбе Григория Мелехова вносит ясность в вопрос, обсуждаемый до сих пор.

По версии Буртина, озвученной им Шолохову, Григорий Мелехов, если бы дожил до 1929 года, то, как Кондрат Майданников из «Поднятой целины», вступил бы в колхоз. Шолохов не согласился с таким видением судьбы героя, так как «Григорий был слишком самостоятелен и неор-

динарен для столь идиллического исхода. Время было такое, что человек подобного характера должен был рано или поздно вступить в конфликт с ним и сложить голову» [2, с. 31].

И в завершение урок от Буртина для всех. В 1965 году он, аспирант ИМЛИ РАН им. М. Горького, на заседании сектора, получив рекомендацию к защите кандидатской диссертации, в благодарственном слове упомянул и арестованного на тот момент их сотрудника Андрея Синявского. После этого Буртин был поставлен перед выбором: отказаться от своих слов или защита будет отменена. Буртин на предлагаемый компромисс не пошел...

В «Исповеди шестидесятника» воспоминание об известном выпаде Шолохова против Андрея Синявского и Юлия Даниэля никак не влияет на восприятие Буртиным и личности писателя, и проблемы авторства «Тихого Дона», что принципиально отличает Юрия Григорьевича от А. Солженицына, Л. Чуковской, Б. Сарнова и других. Свое видение самого обсуждаемого вопроса Буртин излагает предельно кратко, ясно и достойно: «Сомнения же в том, что ее (книгу «Тихий Дон» — Ю. П.) написал именно Шолохов, всегда представлялись мне попросту несерьезными» [2, с. 40].

Своеобразным продолжением истории Буртина являются «хождения по мукам» Виктора Петелина. Он, молодой ученый, в другое — отпельное время — хотел опубликовать статью «Трагическое в “Тихом Доне”». Ее отвергли в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Москва», «Дружба народов», «Знамя», «Дон», «Русская литература», «Вопросы литературы» и в «Литературной газете». Даже положительный отзыв Д. Поликарпова, заведующего отделом культуры ЦК КПСС, которого многие представляют сегодня страшным и всесильным самодуром, не повлиял на позицию «Вопросов литературы».

На третий вариант многострадальной статьи журнал ответил письмом, подписанным Алексан-

дром Дементьевым (главным редактором) и Михаилом Кузнецовым. Подчеркнем: А. Дементьев – не Всеволод Кочетов или Анатолий Софронов. В скором времени, с 1959 года, он заместитель Твардовского в «Новом мире». Самой же известной и шумевшей публикацией А. Дементьева стала статья 1969 года «О традициях и народности (Литературные заметки)». Выражая мнение редакции, она была направлена против так называемой русской партии, заявившей о себе в литературе и критике в 1960-е годы. Закономерно, что основные идеи новомировского текста Дементьева рифмуются с тем, что транслировалось двенадцатью годами ранее в отзыве на статью Петелина о «Тихом Доне».

Приведем из этого текста некоторые высказывания, дающие представление о том, какой идеологический частокोल воздвигался в советское время на пути автора, стремящегося сказать правду о человеке и времени через произведения отечественной литературы. Итак, читаем внимательно: «Стремясь, что называется, любой ценой реабилитировать Григория Мелехова, которого, по мнению В. Петелина, неверно оценивают многие литературоведы, автор данной статьи дает неверную одностороннюю трактовку и истории Гражданской войны, и самого романа Шолохова» [10, с. 30]; «Петелин совершенно отвергает мысль о том, что контрреволюционное восстание казачества вызвано агитацией враждебной советской власти верхушки казачества» [10, с. 31]; «Казачья специфика, по Петелину, до революции состоит в том, что здесь “изнурительный труд хлебороба сочетается с воинскими упражнениями”. Это подавление революционных рабочих и крестьян именуется воинскими упражнениями?» [10, с. 31]; «...фактическая причина восстания у Петелина одна – плохая советская власть. Даже Подтелков у В. Петелина из героя Гражданской войны превращается в отрицательную фигуру...» [10, с. 31]; «Получается весьма любопытно: верхушка каза-

чества своей контрреволюционной агитацией не может вызвать восстание, но вот верхушка “из плохих комиссаров” вызывает его...” [10, с. 31]; «Григорий всячески идеализируется, вся его вина перед революционным народом снимается, он, в сущности, только жертва коммунистов...” [10, с. 32].

Развязка этой длинной и показательной истории такова. Сокращенный вариант статьи, названной теперь «Два Григория Мелехова», был опубликован в 1958 году в четвертом номере «Филологических наук», журнала, который практически никто не читал. Но еще больше пришлось Петелину ждать публикации своей на тот момент главной работы. Как сетует он: «И только через семь лет, в 1965 году, вышла книга “Гуманизм Шолохова”» [10, с. 33].

Для плохо слышащих, видящих, понимающих повторим: выход книги Петелина был задержан на такой длительный срок по причинам, четко сформулированным в письме А. Дементьева и М. Кузнецова. Наши либеральные авторы типа Н. Митрохина и Б. Сарнова уверяют, что «Петелин был официальным советским литературоведом и критиком». Понятно, что с подобными исследователями так не поступали.

Еще дальше Н. Митрохина и Б. Сарнова в советской «прописке» В. Петелина пошел В. Литвинов. Очень сложно неэмоционально реагировать на его статью о Шолохове, опубликованную в академическом биографическом словаре «Русские писатели XX века», вышедшем в 2000-м году под редакцией Петра Николаева. В очередной раз убедимся, насколько читатель может доверять этому изданию.

Итак, оказывается, В. Петелин принадлежал к тем советским шолоховедом, которые на протяжении 50 лет выполняли «задание сколь можно убедительнее иллюстрировать роман («Тихий Дон». – Ю. П.) <...> как художественное подтверждение правоты и величия большевистской революции» [7, с. 781].

Задание, как следует из контекста, — Сталина.

Разумеется, Сталин, его соратники и последующие руководители страны подобных заданий никому не давали. К тому же большая часть из названных Литвиновым исследователей, начиная именно с Петелина, как критики и литературоведы стартовали уже после смерти Сталина. Главное же, что история публикаций статей и книг Петелина, о чем говорилось, никак не вписывается в версию Литвинова. И наконец, он, хотя бы как исследователь «Тихого Дона», начинающий ряд шолоховедов, где искусственно оказался Петелин, фамилиями В. Гоффеншефера и И. Лежнева, не должен игнорировать неоспоримый факт. В. Петелин с первых своих статей и книг 1950–1960 годов до итоговых работ XXI века («Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения» [10], «Михаил Александрович Шолохов. Энциклопедия») [11] полемизировал как с названными шолоховедами, так и с В. Гурой и Л. Якименко — представителями вульгарно-социологического направления в критике и литературоведении.

К этому направлению, конечно, большую часть жизнетворчества относился и Василий Литвинов, о чем справедливо напомнил автору статьи о Шолохове в биографическом словаре его давний «знакомец» Владимир Бушин [3]. Правда, как и многие советские ортодоксы от литературоведения и критики, Литвинов в горбачевскую эпоху быстро перестроился и стал либералом-антисоветчиком. Это, как мы видим, не улучшило качество его текстов.

В. Бушин удивляется тому, что в рекомендуемой литературе к словарным статьям В. Литвинова о Шолохове и С. Залыгина о Солженицыне, а также ко всем остальным его фамилия (автора многочисленных статей, книг о творчестве более 30 писателей XX века) отсутствует. К данному факту, думаем, стоит относиться с пониманием: либеральная цензура не ошибается, как это происходило периодически с цензурой советской. Через либеральные фильтры не прошел не толь-

ко, конечно, Владимир Бушин. Тот же В. Литвинов в список работ о Шолохове не включил, например, книги В. Петелина и С. Семанова, статьи В. Кожина и С. Семеновы, других достойных исследователей творчества великого писателя, но скромно «рекомендует» две свои публикации. Думаем, понятно, что либеральные интерпретации (все равно чьи: Н. Митрохина, Б. Сарнова, В. Литвинова и так далее) становления шолоховедения в 1950-е годы в его шолохофильском варианте не имеют ничего общего с реальной историей литературы и критики.

Итак, только в 1950-е годы в Советском Союзе с огромным трудом стали пробиваться робкие ростки шолохофильства, которое в последующие десятилетия стало значительным явлением в литературоведении и критике благодаря статьям и книгам Федора Бирюкова, Виктора Петелина, Константина Приймы, Петра Палиевского, Вадима Кожина, Светланы Семеновы, Сергея Семанова, Юрия Дворяшина, Владимира Васильева, Валентина Осипова, Сергея Небольсина, Андрея Воронцова, Анатолия Знаменского, Николая Глушкова, Захара Прилепина и других авторов. О достоинствах и недостатках некоторых работ шолохофилов мы скажем позже, а сейчас, как говорилось в одном рекламном ролике, мы идем к вам. Уточним: к вам, шолохофобы.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН И ИРИНА МЕДВЕДЕВА КАК СОАВТОРЫ «СТРЕМЕНИ “ТИХОГО ДОНА”»

Разговор о шолохофобах второй волны, чьи публикации появились в 1970–2020 годы, предсказуемо начнем с Александра Солженицына. По его инициативе и при разном участии создавалась и была опубликована в 1974 году во Франции книга «Стремя “Тихого Дона”». С тех пор любые версии плагиата или двойного авторства прямо или опосредованно вырастали из

грибницы «Стремени» и предисловия к нему Солженицына «Невырванная правда».

По версии Александра Исаевича, имя автора «Стремени» скрывалось пятнадцать лет под псевдонимом Д* в интересах его детей. Это имя — Ирина Николаевна Медведева-Томашевская — впервые было озвучено Никитой Струве в 1990 году и чуть позже самим Солженицыным. Далее мы будем называть предполагаемого автора «Стремени» Ириной Медведевой — так она подписывала свои статьи и книги.

Ирина Николаевна, как следует из предисловия Солженицына к нашедшей работе, «литературовед высокого класса» [18, с. 216]. Такая оценка должна придавать изначальную научную весомость «Стремени» и вызывать к нему доверительное отношение. Однако в названной статье Солженицына и в других его текстах о Медведевой ее тексты ни разу не цитируются. Автор этих строк не привык на слово никому доверять, ибо руководствуется известным постулатом: истина — конкретна. Проверить точность оценки Солженицына можно только объективной филологической реальностью: от «литературоведа высокого класса» всегда остается след в науке — работы, выдержавшие экзамен временем, не утратившие своей актуальности, значимости.

Из прочитанных текстов Медведевой разных лет мы сконцентрируем внимание на том, о котором говорит Солженицын в «Теленке». Это последняя прижизненная публикация Медведевой, вышедшая в 1971 году, создававшаяся параллельно со «Стременем», дает более широкое представление о творческой личности Медведевой.

Свое отношение к безымянной книге литературоведа Солженицын выразил весьма «емко» и «содержательно»: «Исследование это оказалось интересным» [17, с. 660]. Однако то, что именуется Александром Исаевичем книгой, — это скорее брошюра в 90 страниц, названная «“Горе от ума” А. С. Грибоедова» [8]. К тому же такое конспи-

рологически кратчайшее представление «книги» вызывает вопросы и уже характеризует самого автора «Теленка». Как правило, там, где Солженицыну есть что сказать, и он не хочет скрывать свое мнение (например, о Владимире Лакшине или о «весьма неожиданных для советской печати» [17, с. 270] идеях в публикациях «Молодой гвардии») оценки Александра Исаевича куда более пространны и хоть как-то аргументированы.

Прочитав якобы интересное исследование Медведевой, мы пришли к однозначному выводу: это типично советский литературоведческий текст. В нем пересказывается сюжет «Горя от ума», традиционно характеризуются герои, транслируется расхожее представление о смыслах произведения. Одновременно Медведева пытается превзойти своих коллег в идеологической правоте, что почему-то «не заметил» Солженицын. Об этой суперсоветскости свидетельствуют размышления о «едком дыме Отечества» [8, с. 24], политически «правильные» оценки Александра I [8, с. 29, 32, 33] и «его приспешников (князя А. Н. Голицына с его кликой и Аракчеева)» [8, с. 30], а также противопоставление им «дейтельных умников» [8, с. 30] во главе со Сперанским и, конечно, с «декабристским “поколением разумников”» [8, с. 30]. И, как апофеоз «исследования» соратницы Солженицына, — «наезд» на Николая I, не обусловленный ни временем написания пьесы, ни ее содержанием.

Советскую «целокупность» (слово Достоевского, которое употребляется в брошюре) мировоззрения Медведевой дополняют две цитаты из Дмитрия Писарева и длинный ответ неназываемому автору, который в 1969 году говорит о «скептическом отношении Грибоедова к декабристским организациям». Ответ Медведевой, начинающийся словами «трудно поверить», написан в лучших традициях советских ортодоксов от литературоведения типа Петра Николева или Юрия Суровцева [8, с. 32-33].

Итак, брошюра Медведевой не является интересным исследованием, а сама Ирина Николаевна явно не «литературовед высокого класса». Думаем, это прекрасно понимал и Александр Исаевич. Но чтобы поддержать высокое реноме Медведевой, придуманное им в 1974 году, он продолжал последовательно лгать и позже. В «Теленке» из-за отсутствия реальных литературоведческих достижений Медведевой Солженицын использует известный прием присоединения: он ставит Ирину Николаевну в один ряд с ее мужем — известным пушкинистом Б. В. Томашевским. Вот как это, на первый взгляд, впечатляюще красиво, пиарно грамотно выглядит: «...литературовед даровитый, в цвет своему умершему знаменитому мужу, с которым вместе готовили академическое издание Пушкина» [17, с. 661].

Солженицын, думаем, сам того не заметил (может быть, увлекшись придумыванием броского сравнения), как значительно понизил научный статус Медведевой: из «литературоведа высокого класса» она стала всего лишь «литературоведом даровитым». То есть «в цвет» со знаменитым Борисом Томашевским не получается уже на уровне понятийном. Аналогичная ситуация возникает, если мы откроем академическое издание собрания сочинений Пушкина. Из-за того, что Александр Исаевич не уточняет, о каком именно издании идет речь, мы обратимся к разным его вариантам. В полном собрании сочинений (1962–1966 годов) в девяти томах на последней странице находим интересующую нас информацию: «Текст подготовлен и примечания составлены проф. Б. В. Томашевским». Лишь в десятом, завершающем томе издания, сообщается иное: «Текст подготовлен и примечания составлены проф. Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под редакцией Б. В. Томашевского». Аналогичная информация содержится и в издании 1977–1979 годов.

След Медведевой можно обнаружить только в первом академическом шестнадцатитомном изда-

нии Пушкина. Лишь во втором томе в числе пяти сотрудников, принимавших участие в подготовке его, называется фамилия И. Н. Медведевой.

Итак, и формально, и по сути очередная — теперь цветная — солженицынская версия определения литературоведческого статуса Медведевой не подтверждается.

Исчерпав малокомплектный запас «аргументов» в пользу высокого профессионализма Ирины Николаевны, автор «Теленка» с не меньшим пиететом характеризует ее как личность. Прежде всего он акцентирует внимание на выдающемся интеллекте Медведевой: «женщина блистательного и жесткого ума» [17, с. 660], «ум острый, мужской» [17, с. 661].

Александр Исаевич логичен, последователен в своем представлении Ирины Николаевны: блистательный ум, как правило, реализуется в профессиональной сфере. Однако в случае с Медведевой (в чем мы убедились на примере ее брошюры о Грибоедове) это не происходит. Как следствие — давно назревший вопрос: мог ли автор упомянутого «исследования» написать «Стремя», резус-конфликтующее с ним во всех отношениях?

Мог, если ранее Медведева писала не то, что думает, подстраиваясь под политическое время, а в «Стремении» проявилось ее подлинное человеческое и творческое «я». Не исключено, что, отталкиваясь и от своей судьбы, Ирина Николаевна так определила «наитруднейшую и тончайшую» тему, предлагаемую Солженицыну: «история гибели русской интеллигенции не там, а на воле. Паноптикум уродов (уродство не сразу и не у всех различимое), а среди них барахтаются последние уцелевшие трогательно все сохраняющие, ничего не смея, или изощренные справедливым гневом, их же сжигающим (иссушающим)» [4, с. 261].

Насколько эти и другие гипотетические версии человеческого и творческого пути Медведевой жизнеспособны, покажет очередное обращение к ее биографии.

Беглый обмен репликами Медведевой с Солженицыным о «Тихом Доне» в 1969 году стал толчком к тому, чтобы проблеме авторства романа литературовед посвятила последние годы своей жизни. До этого научные интересы Медведевой за пределы русской литературы XIX века не выходили. Мы не обсуждаем за пределами ложную, ничем не подтвержденную версию Зои Томашевской о давней тяге ее матери, отца, их солидного окружения к проблеме авторства «Тихого Дона» [20].

Ирине Николаевне, рожденной в Женеве и прожившей большую часть жизни в Ленинграде и Гурзуфе среди преимущественно космополитической интеллигенции, тема казачества, выражаясь аккуратно, была не близка. И необходимых знаний о Доне (его истории, быте, традициях, языке и так далее), а также о Первой мировой и Гражданской войнах у Медведевой не было. Такие знания — плод многолетней, системной, постоянной, целенаправленной работы. Их не получишь из книг, поставленных внучкой Корнея Чуковского, Солженицыным или кем-то другим. Не получишь в том числе и потому, что весь этот массив литературы изначально контролируем: он должен иллюстрировать мертворожденные гипотезы Александра Солженицына. Собственно, об этом, но на примере солженицынского «Августа четырнадцатого», справедливо говорит Медведева в письме к автору романа: «Кажущаяся россыпь объединена изначально существовавшей направленностью» [4, с. 266].

О полной несостоятельности Медведевой в понимании истории, изображенной в «Тихом Доне» (об этом на материале «Стрени» — в следующей главе), свидетельствует письмо Ирины Николаевны Солженицыну от 16 апреля 1973 года (за полгода до ее смерти). В нем даются не выдерживающие никакой критики оценки Л. Корнилова, А. Деникина, М. Алексеева, П. Краснова, А. Крымова, великого князя Николая Николаевича. Знания и «блистательный ум» Медведевой, о котором вслед

за Солженицыным твердят другие, опровергает и оригинально-умилительная версия одной из причин поражения Белой армии: «...этот генерал (М. А. Алексеев. — Ю. П.), чистенький внутренне, казалось бы, чистый — сыграл роль немаловажную в провале белых (это говорится о человеке, умершем за два с лишним года до окончания первой «фазы» Гражданской войны. — Ю. П.) и только потому, что уж очень был плоть от плоти бездарности, какую создавал царский дом» [4, с. 268].

Эта характеристика М. Алексеева и царского дома — примитивно-убогая, фактологически провальная, либерально-большевистская — убеждает в том, что в своих основах мировоззрение Медведевой оставалось неизменным — лево-интеллигентским. Поэтому появился идеологический «шедевр» «Горе от ума» и столь же «содержательное», вышеприведенное высказывание.

Но больше, чем Медведева, нас удивил своими представлениями об отечественной истории Александр Солженицын. До сих пор издано только одно его письмо, адресованное Ирине Николаевне, но и оно в тех немногих местах, где речь идет о событиях и исторических фактах, изображенных в романе Шолохова, вполне определенно характеризует руководителя проекта под названием «Стремя “Тихого Дона”». Исправляя свою сотрудницу, Солженицын сообщает: «У Чернецова был не офицерский полк, а небольшой отряд, почти только из гимназистов и юнкеров, и “сорок” расстрелянных были в основном мальчики (да Чернецов и в чине-то был не старше капитана, сейчас проверить мне некогда). Казачьи офицеры сидели в Новочеркасске и не хотели добровольно идти против Подтелкова!» [4, с. 264].

Во всех документах и воспоминаниях Василий Михайлович Чернецов называется либо есаулом, либо полковником (это звание ему было присвоено незадолго до смерти), но нигде — капитаном. Такого «чина» в казачьих войсках не было.

По главной гипотезе Солженицына, нашед-

шей разностороннюю реализацию в «Стремении», автор «Тихого Дона» — казачий автономист, сепаратист, а Гражданская война на Дону — это война казаков с иногородними. Отсюда и солженицынская подсказка Медведевой в письме: казаки-офицеры не хотели воевать против своего казака Подтелкова, сидели в Новочеркасске, поэтому в отряде Чернецова их почти не было.

Данная версия легко опровергается многочисленными свидетельствами участников событий, опубликованными, например, в «Донской волне». Вот небольшая часть из них: «Чернецов стал собирать живые силы для борьбы. Собрав около 250 человек, большинство которых составляли офицеры и молодежь...» [6, с. 424]; «В Звереве оставили заслон из 56 офицеров под начальством есаула Лазарева...» [6, с. 398]; «Вернулся полковник Морозов, бывший на левом фланге ушедшего отряда» [6, с. 402]; «С орудием прибыл есаул Лазарев и остатки его офицерского отряда» [6, с. 402]; «Я — один из 12 уцелевших от роты офицерского батальона, принимавшего участие в походе есаула Чернецова» [6, с. 414].

В замечании к 71-й странице «Стремения», где речь идет о Филиппе Миронове (легендарном командарме 2-й конной армии красных) и Федоре Крюкове, именуемом в письме без каких-либо оговорок автором «Тихого Дона») Солженицын почему-то называет их близкими друзьями [4, с. 265]. Но главное в другом: Александр Исаевич определяет ту роль, которая отводится в «Стремении» Филиппу Миронову.

О нем, выдающемся полководце, открыто выступавшем против политики расказачивания (о Миронове будет идти речь в следующих главах, ибо его обходят стороной не только Солженицын и Медведева), влиявшем на ход Гражданской войны, в «Стремении» говорится один раз скороговоркой и так предвзято, возмутительно-неточно: «Филиппом Мироновым, который сколотил (!!! — Ю. П.) изрядное войско (целая конная армия

названа так абстрактно-отвлеченно. — Ю. П.) из казаков в помощь большевикам (в «помощь большевикам» предполагает изначальную отстраненность Миронова от событий революции и Гражданской войны, чего в реальности не было. — Ю. П.)» [9, с. 142]. На примере Миронова видим, как поступают Солженицын и Медведева с теми, кто своей судьбой до основания разрушает главную гипотезу, на которой держится «Стремя».

Из сказанного следует, что Медведева во многом была лишь ретранслятором идей, гипотез Солженицына, который руководил ее работой над «Стременем», определяя главные направления этой работы. Подтверждает данную версию и цитата из письма Солженицына Медведевой, приводимая в статье Зои Томашевской (команда нобелиата такой документ никогда бы не опубликовала). Вот какое задание, в частности, дает Солженицын Медведевой: «Очень интересно, что даст вам сравнение автора с Ф. Крюковым... Есть доводы за (очень живой свободный Донской диалог), есть против (голубизна в авторской речи, мягкота личности автора). Весьма перспективно, если Вы найдете и докажете, что нижнедонской, а не верхнедонской диалект...» [20].

Понятно, что Медведева должна была написать работу, доказывающую гипотезы Солженицына, изначально непродуктивные, идущие вразрез с «живой жизнью», ее историей и литературой. Одну из главных гипотез «Стремения» Солженицын приписал Ирине Николаевне, изложив ее на свойственном только ему, палачески изуродованном русском языке: «...о вкладе истинного автора и ходе наслоений от непрошеного “соавтора” и поставил своей задачей отслоить текст первого от текста второго» [18, с. 216].

Солженицын умело направлял Медведеву к нужному результату через устные беседы, письма, поставляемую литературу. Соработничество Александра Исаевича и Ирины Николаевны похоже на общение куратора с террористом-смерт-

ником, которого ведут к самоподрыву. Однако до конца план не сработал: Медведева умерла, не закончив «Стремени», поэтому Александр Исаевич (у которого рукопись находилась почти год) вынужден был из руководителя проекта, из куратора-«невидимки» стать видимым соавтором.

Солженицынский след легко обнаружить в «Стремени». В нем транслируются идеи, абсолютно совпадающие с теми, которые являются сквозными, главными во многих текстах писателя на протяжении всей его жизни. Конечно, могут возникнуть: схожие идеи могут приходиться в голову к людям независимо друг от друга. Да, конечно, но у Медведевой, человека с такой биографией, мысли, аналогичные солженицынским, возникнуть естественно, органично, изнутри ее «я» не могли. Если это происходило, то по наводке Александра Исаевича. Тем более, что большая часть «Стремени» свидетельствует о том, что Солженицын сам правил, писал и переписывал сей ущербный, позорный и, по сути, преступный текст.

Таким корявым русским языком, которым написано «Стремя», владел только Солженицын. На этот лексико-стилевой след нобелиата в «Стремени» обратил внимание, в частности, Захар Прилепин в своей книге «Шолохов. Незаконный». Прочитав большой и довольно показательный отрывок из «Стремени», Прилепин справедливо утверждает: «Никакая Медведева к этим привычно солженицынским риторическим вопросам, причастным оборотам с перестановкой слов и квазинародному языку никакого отношения, конечно, не имела» [14, с. 947].

В продолжение темы приведем примеры, подтверждающие очевидный солженицынский след в «Стремени»: «Самый ф а к т п р и е з д а вешенских казаков на спрос у каргинского атамана...» [9, с. 76]; «и здесь вдруг о г о л я ю т с я возможные х о д ы с в я з е й Мелехова с Извариным...» [9, с. 74]; «п о х о д н ы й а т а м а н, вынужденный к с л и т н ы м действиям с доброволь-

ческой армией» [9, с. 86]; «...“соавтор-двойник” пытается обходиться зазвоним идеичных фраз, пренебрегая идеичной перестройкой сюжета и характера...» [9, с. 117]. Последнюю цитату есть смысл прокомментировать. Ирина Медведева — кандидат филологических наук, школьными знаниями по введению в литературоведение обладала. Во всех ее текстах проколы, подобные приведенному, отсутствуют. Идея, как известно, — это основной смысл (мысль) произведения, который рождается в результате развития действия — сюжета. То есть речь может идти только о тематической, проблемной, но никак не об идеичной перестройке сюжета. Автор данного литературоведческого «открытия», несомненно, Александр Солженицын, который к тому же поставил на него свою фирменную «печать» — «завон идеичных фраз».

Итак, мы смело можем назвать Александра Солженицына как минимум соавтором «Стремени». Понимаем, что кто-то скажет в ответ — Солженицыну удалось зомбировать Медведеву не только на уровне идей, но и лексики, стиля — в результате родился такой «Теленок». В это невероятное предположение, как и в другие альтернативные версии, поверим в одном случае: если будут предъявлены рукописи «Теленка». Собственно, это требовали от Михаила Шолохова, автора гениального «Тихого Дона», все шолохофобы, включая Солженицына. Когда же эти рукописи в разное время были найдены, более того, опубликованы, то человек, призывавший жить не по лжи, не только умолчал об этом (как, впрочем, и обо всех многочисленных публикациях, где опровергалась его версия соавторства), но даже не сделал примечания при переиздании «Теленка».

Александр Солженицын, всю жизнь по-салеевски ненавидевший Шолохова, целенаправленно делал все возможное для сокрушения, полного изничтожения русского гения. О разных выпадах нобелиата против Михаила Александровича в «Теленке» и других текстах мы скажем далее.

Сейчас же, подводя итог, подчеркнем: «Стремя «Тихого Дона»» — это главный удар по Шолохову Солженицына, писателя третьего, максимум второго ряда, в бессильной злобе осознающего свое лилипутство на фоне гения и великого романа.

После чтения «Стремени» не только хочется принять душ, но и всегда вспоминаются булгаковские характеристики доктора Преображенского и его помощника. Этими характеристиками, применимыми на все сто к Александру Солженицыну и

Ирине Медведевой, мы завершим данную главу: «Лицо у него (доктора Преображенского, которым давно восхищается либеральная интеллигенция. — Ю. П.) при этом стало как у вдохновенного разбойника»; «тут Филипп Филиппович отвалился окончательно, как сытый вампир»; «затем оба разволновались, как убийцы, которые спешат». Так бумерангом — с помощью Булгакова — вернулась Солженицыну оценка, данная Шолохову в письме своему соавтору Ирине Медведевой [с. 4, 263]. ■

Использованные источники:

1. Васильев В. Михаил Шолохов. В сознании А. Солженицына и его единомышленников. — М.: Родина, 2020 — 664 с.
2. Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. — М.: Прогресс — Традиция, 2003. — 648 с.
3. Бушин В. С. Я посетил сей мир. Из дневников фронтовика. — М.: Алгоритм, 2012. — 320 с.
4. Из переписки И. Н. Медведевой-Томашевской и А. И. Солженицына (1967–1973) // Солженицынские тетради: материалы и исследования: [альманах]. Вып. 3 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. — М: Русский путь, 2014. — с. 260–270.
5. «Классика и мы» — дискуссия на века. Сборник. — М.: Алгоритм, 2016. — 384 с.
6. Корягин С. Тихий Дон. Черные пятна: как уродовали историю казачества. — М: Эксмо, 2006. — 502 с.
7. Литвинов В. Шолохов Михаил Александрович // Русские писатели XX века: биографический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву. — А. М., 2000. — с. 799–782.
8. Медведева И. Н. «Горе от ума» А. С. Грибоедова; Макогоненко Г. П. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина — М.: Художественная литература, 1971. — с. 7–100.
9. Д* [Медведева-Томашевская И. Н.]. Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа) [Электронный источник] // «Вторая литература»: Электронный архив зарубежья имени Андрея Синявского. — URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/medvedeva-tomashevskaya_stremya_tikhogo_dona_1974_text.pdf.
10. Петелин В. Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения. — М.: Центрполиграф, 2002. — 895 с.
11. Петелин В. Михаил Александрович Шолохов. — М.: Алгоритм, 2011. — 960 с.
12. Прийма К. С веком наравне. — Ростов-на-Дону, 1985. — 236 с.
13. Прийма К. «Тихий Дон» сражается [Электронный источник]. — URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z00000027/>.
14. Прилепин З. Шолохов. Незаконный. — М.: Молодая гвардия, 2023. — 1087 [1] с.
15. Сарнов Б. М. Сталин и писатели [Электронный источник] // Сталин и Шолохов. Сюжет четвертый. «Зачем насаждать антисемитизм?». — URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/biografiya/sarnov-stalin-i-pisateli/sholohov-zachem-nasazhdat-antisemitizm.htm>.
16. Семанов С. В мире «Тихого Дона». — М.: Современник, 1987. — 253 с.
17. Солженицын А. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. — СПб: Азбука-Аттикус, 2022. 832 с. + вкл. (56 с.).
18. Солженицын А. Невырванная тайна // Васильев В. Михаил Шолохов. В сознании А. Солженицына и его единомышленников. — М.: Родина, 2020. — с. 212-219
19. Солженицынские тетради: материалы и исследования: [альманах]. Вып. 3 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. — М: Русский путь, 2014. — с. 304.
20. Томашевская З. Как и зачем писалось «Стремя» [Электронный источник]. — URL: <https://www.philol.msu.ru/~lex/tid/?pid=012211>.
21. Явлинский Г. Дисциплина свободы // Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. — М.: Прогресс — Традиция, 2003. — 8-10 с.

АЛЕКСЕЙ ТАТАРИНОВ

Родился в 1967 году в Новосибирске. Профессор филологии, заведующий кафедрой зарубежной литературы КубГУ. Автор книг «Пути новейшей русской прозы», «Апология литературы», «Дионис и декаданс» и др. Публиковался в «Литературной газете», «Вопросах литературы», «Нашем современнике», «Родной Кубани» и других изданиях. Живёт в Краснодаре.

МНОГО СМЕРТИ И СОЛНЦА

О прозе Валерия Айрапетяна

Возможно, зря вспоминаю «новый реализм», ведь его главные стратеги — Сергей Шаргунов, Захар Прилепин, Роман Сенчин — давно отказались от некогда популярного термина и забыли то время, когда единым фронтом (или это я придумываю?) атаковали пелевинское и сорокинское в нашей литературе. Объявили о начале похода против дурного смеха, искусственных историй и всего, что принято упаковывать в слово «постмодернизм». Создавать сюжет на основе собственной жизни, желать раннего переноса своих событий и переживаний в литературное пространство, отказаться от специальных фантазий ради повседневности и личного опыта — это сильно. Особенно на рубеже тысячелетий, когда во всех областях культуры классические крыши были снесены.

Даже первые тексты Андрея Аствацатурова, его «Скунскамеру» и роман «Люди в голом», я видел в границах «нового реализма». Брутальный Прилепин пишет о Чечне, тормозящий Сенчин повествует о своих очередных неудачах, а вот Аствацатуров — «новый реализм» по-университетски. Филологическое зеркало отражает мастерство гуманитария, главный герой сам Андрей — преподаватель-харизматик, не боящийся предстать перед читателями смешным. Здесь не просто игра, когда талант настаивает на своем аутсайдерстве и работает с каким-то персональным кенозисом. Важнее — форма исповеди, особой. Понятно, что без Августина Аврелия.

Валерий Айрапетян — не Павич и не Сорокин. Не о снах он пишет и не о специальных гротескных конструкциях. Литературой становится собственная жизнь, отразившаяся в поэтике рассказа или небольшой повести.

Айрапетян — родившийся в Баку армянин, спасенный от погромов мальчик-беженец, скиталец по холодным просторам постсоветской нищеты, студент-медик, российский мужчина с грузом понятных проблем. Русский писатель, умеющий благодарить: Россию — за новую Родину, язык — за серьезные возможности необычной благодати, для диалога с которой тебе даны силы. Можно представить автора еще информативнее, как сделал журнал «Октябрь» в январском номере 2018 года: «Родился в Баку в 1980 году. В 1988 году в связи с карабахскими событиями переехал с семьей в Армению. С 1993 года живет в России. Работал пастухом, грузчиком, разнорабочим, озеленителем, сопровождающим тургрупп, массажистом, гирудотерапевтом». Живет Валерий Айрапетян в Петербурге.

В этой статье меня интересует книга Айрапетяна «Пересечение» (Лимбус Пресс, 2019). В ней тринадцать рассказов, от «Детства» (воспоминания о начале страданий армян в Азербайджане) до «Параной». Сразу скажу, что «Паранойа» впечатляет лихой кинематографичностью сюжета, пляской разных героев вокруг спрятанного под кроватью чемодана с большими деньгами. Такое ощущение, что тут чуть придумано и сделано, сведено в сценарий потенциального кино. Прочитайте, запоминается, интрига — в должной форме. Но я буду говорить о других текстах сборника. Там, где не придумано, а пережито, увидено, осознано — и сделано трудной красотой, почти всегда объединяющей солнце и смерть, тяжесть бытия и вбирающую ее музыкальность. Там, где на старте — «новый реализм» с автобиографизмом, а на выходе — нечто большее. А в «Паранойе» лично для меня слишком

много «пересечений». Сила Айрапетяна — не в «кино», а в паузе, которая вдруг ощущается в самых динамичных, витальных движениях текста.

...Да, я же не завершил представления. В сборнике есть финальная стостраничная повесть «Дядьки». Мне интересно следить, чем отличается дядя Наиль от дяди Адика, а Гамлет от Саши, Арика и Гастела. Это семейная история? Вроде да. Неравные по объему воспоминания о действительно интересных, по-разному счастливых и несчастных родственниках? Конечно, с великолепной яркостью, с сильнейшим желанием каждого персонажа «нагло» оккупировать память читателя, сразить армянским жизнелюбием и притаившейся в нем страстью к катастрофе, к самоуничтожению в безмерных страстях.

Здесь не просто фабула судеб, но и важный для Айрапетяна вопрос об истинной и ложной мужественности, о крутизне и способности совладать с нею. Этот вопрос — через весь сборник. В рассказе «Тепло» не вызывающий у рассказчика уважения отец-аутсайдер меняет золотые коронки на еду для оголодавшей семьи. В рассказе «Наставник» все наоборот: гордо приехавший дядя-силовик (тело, речь, жесты, приказы — все у него спецназовское) оказывается лжецом, неудачником, подкаблучником. Окружающие его дети начинают понимать, чем отличается повседневный героизм несущего свой крест мужчины от позы, от самых разных и всегда пустых «понтов».

В «Дядьках» треть текста занимает история Наиль-Налика. «Помимо тяги к книгам и всякому блатняку, сочно вздувшихся вен на бицепсах и агрессивного выражения лица, дядя Наиль бы настоящим психопатом. В нем уживались интеллигент, редкостный мерзавец, игрок, истерик, тонкая натура, душа компании и затворник», — так начинается глава «Наиль, или Подарок судьбы». Через 30 страниц: «Его постигла абсолютная пустота, полная беспредметность всего видимого. Ничто в мире не трогало Наиль, и все, что проходило как бы сквозь него, точно световой луч, пропущенный через абсолютный

вакуум». И совсем в финале истории Наиль: «От былой пижонистости не осталось и следа. За неимением времени и книг Налик совсем перестал читать. О чем и не жалел. Теперь он знал дорогу. Сама жизнь приоткрыла содержание неизвестных ранее смыслов. Тело его стало крепким и красивым, как у молодого тигра, только он уже не сравнивал себя с Брюсом Ли. Он был равен себе. Это простое знание вдруг примирило его с миром».

Между тремя высказываниями, фиксирующими переход от сложного натурализма к простой метафизике (думаю, это не игра в оксюморон) — буйство юности, зверский эгоцентризм, карты, драки, избиения, полное несогласие с нормальностью, с обыденным взрослением, неоднократные спасения дядей Левого. Он, дядя Лева, — спаситель всех дядей рассказчика, субъект верной, почти бессловесной мужественности, земной бог армянского рода. После долгих безобразий Налик «затосковал» и приблизился к кульминации. Из Омска в Баку переехала семья будущего врача Маши. Любовь, исправление, встреча с лучшим в себе. Но будущего не будет, потому что Маша умирает от «болезни сосудов» утром дня бракосочетания, и старт счастья становится его финалом. Почти неудержимая тяга Налика к самоубийству все же сменяется холодным потоком знания; далее переезд в горную Армению, почти отшельничество в границах спокойной любви к простой девушке Гаянэ. Фабула словно замирает, открывается сюжет, сигнализирующий о правде агиографической, пусть без пафоса и без видимого религиозного содержания.

Немного жаль, что Айрапетян не сделал из истории Наиль отдельного повествования — большого рассказа или повести. Мне неоднократно приходилось говорить, что одним из лучших текстов 10-х годов стала повесть Андрея Антипина «Дядька». Опубликованная в «Нашем современнике», разумеется, не замеченная «АСТом» с «ЭКМО», повесть-трагедия молодого сибирского прозаика потрясает правдой

превращения русского богатыря в человека, не совладавшего с жизнью, провалившегося в падение. Конечно, виновато уничтожение Советского государства. Об этом Антипин пишет — да и как не писать? Но есть нечто еще — эта бездна характера, мрачная не-встреча с самим собой, есть и беда безволия мужика, который должен править миром, но в итоге — ... почти под забором, смерть. Айрапетян мог сделать из Наика потрясающего «Дядьку», но он выбирает множественное число, уходит из трагедии смерти в пересечения и согласования. Этим дает солнцу шанс не проиграть. У Антипина Русский собор качается и вызывает о помощи, у Айрапетяна на первый план выходит не кульминация, а протяженность, не один герой, а взаимодействие судеб.

Этот прием еще очевиднее в рассказе, давшем название сборнику. «Пересечение» (к нему даже есть приготовление — рассказ «Два мертвеца») — о реанимационном отделении больницы, где рассказчик-практикант должен повстречаться с тремя умирающими, без слов погибающими: похожим на Чехова бомжом-самоубийцей; молодой женой начальника одной из силовых структур, убиенной нерадивым водителем; парнем-летуном, «черт-те зачем шагнувшим с балкона девятого этажа». Главные герои мертвы! Нет, понятно, что важнее сознание повествующего медика, который всматривается в смерть и разгадывает какую-то загадку. И все же герои, которые выстраивают эстетический центр текста, уже мертвы! Они пересеклись так, как никогда не могли пересечься при жизни, и в этом творчестве Смерти — не черная ирония пессимиста, владеющего практикой гротеска, а слово о солнечности и музыкальности бытия, ведь именно оно делает возможной и обязательной гибель — но только потому, что есть жизнь и солнце.

«Открывшаяся красота проникла в меня почти насильственно, так очевидна была ее мощь. Тело такой прекрасности, такой глубокой нор-

дической чистоты не встречалось мне ни до, ни после. Есть женщины, за которыми неотступно следует весна — со всеми своими цветами, ароматами и надеждами. И даже здесь, в роковой для себя час, лежа на холодном стальном столе, надломленное тело источало апрельскую свежесть, и красота лучилась из него, как нимб». Декаданс? Нет.

Надо было назвать материал «Ренессанс по Айрапетяну». Но я уже назвал, и от найденного заголовка не откажусь. В рассказе звучат Рахманинов и Лист, появляется Данте. Музыкальность здесь не навязчивый десерт. Медицинский «цинизм» автора иллюзорен. Но не иллюзорно срастание павшего бомжа с именем Чехова (на этом сильный акцент в тексте) — возможно, это о чеховской полноте некрасивого, истаявшего, несостоявшегося, погибшего. Это о незаменимой эстетике присутствия тех, кто проиграл. И не иллюзорно сближение трех павших друг с другом — в тщетности этих тел, в нерушимости чего-то еще.

Вроде бы идеологического вектора в этой прозе нет. Однако имперское начало присутствует — прежде всего, в сочетании кавказских сюжетов, сильного русского языка и служения простой, непридуманной мужественности. И, пусть будет термин! Имплицитной религиозности. Не скрою, что мне близка гражданская позиция Валерия Айрапетяна — нет эклектичного либерализма, столь радующего крупные издательства и заставляющего иноагентов говорить много глупостей о скромности оставшейся здесь литературы. Знаю, что и в жизни автора, в его отношении к миру отсутствует эгоизм, который полноценно побеждается рассказами и повестью сборника «Пересечение». Избыток может быть началом поэтики. Думаю, это избыток любви и благодарности, христианское чувство, христианская проза — с памятью о трагедии, которая всегда близко. Но смерть — не закрытый финал, а солнце — не только звезда. ■

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

Родилась в 1967 году в Белгороде. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г.) молодежной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Член союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Белгороде.

ОЛЕГ РОМЕНКО

Родился в Белгороде 16 июня 1977 года. Публиковался в журналах и альманахах Белгорода («Звонница» и «Светоч»), Москвы («Наш современник»), Симферополя («Белая скала»), Нижнего Новгорода («Нижний новгород» и «Земляки»), Кирова («Ротонда»). Лауреат областных литературных конкурсов. Автор книги стихотворений «Волны времени» (2020 г.). Живёт в Белгороде.

«ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ» ДЕНИСА ГУЦКО, ИЛИ ЗАМЕТКИ «МАЛЬЧИКА» О СВО

Заметки волонтера Дениса Гуцко «Нацики всегда так», опубликованные в журнале «Знамя» (№ 10, 2022 г.), посвящены началу того, что, по словам автора, «в России велено называть СВО».

События происходят в марте 2022 года на КПП Весело-Вознесенское Ростовской области. Автор заметок отправляется к ростовской границе с ДНР в обществе двух женщин-волонтеров, одна из которых в дороге жалуется на свою сестру «нацика» из Молдавии.

Умышленно или по недомыслию автор перекладывает неподъемную ответственность определенных политических сил на плечи оболваненных пропагандой обывателей, членов семей, обзывая их «нациками»?

Кроме того, при всех издержках нашего времени, россияне не называют «нациками» своих родственников даже на Украине, не говоря уж про Молдавию, какими бы озлобленными те ни были, потому что в их глазах — это «правосеки», «бандеровцы», «киевская хунта» и подобная им публика.

Выбирая название для своего материала, автор обнаруживает стремление не опоздать и «отметиться» в острой теме, затронувшей не только Россию, но и весь мир. Только выбранная им интонация и лексика больше подходит для стендапа. Вызывает отторжение и недоумение манерное использование в авторской речи эпитета «противный» в сцепке все с тем

же словом «нацики». Тут уж вырисовывается картина маслом: «Уйди, противный нацик, не для тебя цвет!»

Любое историческое или общественное явление, за которым стоит хоть одна человеческая смерть, становится трагической страницей современной истории. А на сегодняшний день тема СВО не только не закрыта окончательно, но и стоит еще более остро, чем год назад.

Раскрывая цель поездки и её мотивацию, автор заметок сразу берет высокий штиль, столь полюбившийся многим российским литераторам, да и не только им: «Двадцать четвертого февраля стало трудно дышать. Усилие на вдох, усилие на выдох. Поэтому я здесь — чтобы дышать». За этими словами маячит «старца великого тень» с его — «Не могу молчать».

Сразу вспомнился, задуманный как анестезийный, вопрос-бумеранг: «Где вы были восемь лет, когда бомбили Донбасс?» Как могли спокойно «дышать» харьковчане и куряне, москвичи и киевляне, когда сотни тысяч их соотечественников и братьев по крови в 2014-м в одночасье превратились в беженцев? А они смогли — жили-были, ели-пили. Это мы к тому, что, когда автор заметок пишет, что «стало трудно дышать», хочется сказать ему в ответ: «Об одном прошу тебя: не говори красиво».

Ведя бесконечные внутренние монологи, автор не может добиться точности и четкости

их изложения, мысли сумбурны, тяжелы и неповоротливы, требуют постоянной докрутки, затяжки, как разболтавшиеся, готовые вывалиться винты и шурупы.

«Прихожу в себя. Наверное, можно так про это сказать: прихожу в себя. Наконец-то. Я больше не в странном фильме, я снова в реальности — в странной, но в реальности, живой и сложной — точнее, сложной, и по наличию этого ключевого признака живой. Вот так вот: является простой человек — в школе на уроках литературы учили называть его маленьким, а тут огромная тетка — и, моментально усложнив, оживляет реальность».

Рефлексирующий главный герой, как енот-полоскун, роется лапками у себя в черепе и постоянно достает застиранные, оборванные лоскутки разной конфигурации, которые даже на лоскутное одеяло не годятся.

«И не важно, что я начал разговор совсем в другую сторону: “Как мы здесь очутились? Бессмысленная бойня”. Все свои, и на правах человека постарше, которому не сложно поправить, подсказать — так могла бы, например, сводная сестра, или тетка: вот таким тебя помню, жопу тебе подтирала — Алена поспешила на помощь: нет, не то, про это вот что надо говорить».

Огромное количество ненужных, не работающих на образы героев деталей, которые воспринимаются как белый шум, сквозь которые приходится ломиться, как сквозь стену.

«Но попробуй уйди в себя. Когда ты только что узнал, что у сидящего рядом человека, вот у этой Алены в светлой джинсовой куртке — идеальный маникюр, а прическа неудачная, опустевшим гнездышком, и в чате на аватарке цветок, — что у нее в Кишиневе есть сестра-нацик».

А в Киеве дядька.

И вряд ли такого рода «вишенки на торте»

ростовского акына (что вижу — то пою) будут когда-либо представлять интерес даже для самого пытливого читателя: «Алена уже в фартуке. Кремовый фартук с вишенками в углу». Или: «Кто-то перешел от одного здания к другому...»

В свое время Лев Толстой взял за правило срывать «маски» со всех и вся, обнажая человеческую натуру, а потом уже не мог остановиться и находил «притворство» даже там, где его в принципе не могло быть. По-своему так же и Денис Гуцко постоянно пытается накрутить у себя в заметках волонтера «сложность». Особенно умиляют такого рода «искания» автора: «Они должны быть другими — какими-нибудь другими. Потому что как такое возможно: мы с ними воюем, а они неотличимы от нас». Не будем поминать историю человечества и такой термин, как «гражданская война», но, может быть, автору приходилось видеть, как «неотличимые» друг от друга соседи по лестничной клетке впиваются в глотку друг другу не хуже волков?

Далее в заметках мы встречаем немало нестыковок и огрехов, которые недопустимы в документальном жанре повествования. Так, например, автор, которому при слове «нацики» хочется спрятаться, как моллюску в своей раковине, пишет на своей странице в соцсети: «Спасибо, суки, за такой русский мир».

И полный апофеоз — на его страницу заходит чиновница из областной администрации и «палится» под «расстрельным» постом дурашливым комментарием: «”Это даже смешно, такой накал”, — и смеющийся смайлик...»

Заметки Дениса Гуцко ни в коем случае нельзя рассматривать как объективный слепок новейшей истории. Комментариев, типа «Спасибо, суки, за такой русский мир», в российских соцсетях действительно было немало, только, как правило, с фейковых страниц и с

украинских аккаунтов. А уж таких легкомысленных чиновниц тем более не отыщется ни в областных, ни даже районных администрациях. Недостоверно до безобразия.

Дальше в лес — больше дров и дичее лоси:

«— Молодой человек, а прокладки где-нибудь можно получить?

Женщина не стесняется, но я все еще не решаю через условности — я по другую сторону. Ухожу в палатку, прошу Катю отнести ей прокладки».

В каком веке живет Денис Гуцко и в какой стране? Получается, что от одной мысли попросить себе прокладки женщине должно стать стыдноватенько не меньше, чем автору от ее непристойной просьбы. Да и вообще, чтобы не вгонять в краску кассиров-мужчин, которых в сетевых магазинах становится все больше, современная российская женщина должна заказывать и оплачивать прокладки через приложение «Самокат». А потом, когда велорикша привезет ее заказ, положит сверток на коврик, позвонит в дверь и убежит, сгорая от стыда, женщина высунется, как белка из дупла, молниеносно схватит прокладки и захлопнет дверь, пока соседи не стали свидетелями этого стыдобыша.

По прибытии автора заметок на волонтерский пункт его сразу сцапал старший по кухне:

«— Юля! — кричит. — Можешь мне мальчика дать на пять минут?

Мальчик — это я, очевидно.

Человек стоит в пяти метрах от меня, Юля же успела отойти далеко. Но обращается он к ней, а не ко мне.

— Мальчика одолжи».

Напомним, что Денису Гуцко на тот момент исполнился 51 год. Возраст «старшего» не указан, но учитывая его больную спину, скорее всего, они примерно ровесники. «Мальчику», с легкой руки товарища Бендера, Воробья-

нинову, как мы знаем, было 52 года. Но Ося и Киса столько всего пережили вместе. А вот один взрослый мужик все же поостережется назвать незнакомого ему мужика «мальчиком», может и в глаз прилететь. Затем старший по кухне, который демонстративно игнорировал правосубъектность нового волонтера, оправдывается перед ним, когда нужно поднять и поставить бидон на плиту: «Я спинник. Мне нельзя».

«Неудачно разворачиваюсь к ветру лицом, и суп из обеих тарелок выдувает прямиком мне на куртку — бурным вермишелево-морковным фонтаном. Теперь и я сам, в жиру и налипших соринках, — человек хотя бы снаружи опростившийся». Вот где собака порылась. Не дышать было трудно человеку, которого эта беда никак не коснулась и не затронула, а «чего-то хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном...», не то куртку изгваздать.

Мы можем представить «опрощение» сиятельного графа Толстого, самолично рубившего дрова в крестьянской рубахе, или отказавшегося от римского трона Диоклетина, уехавшего выращивать капусту, а вот к нашему современнику Денису Гуцко скорее применима другая формула: «Дворяне шли в народ, а мы назад — в дворяне».

«И вот яркое подтверждение этому:

Хочу я быть смешливым, как знакомая чиновница?

А простым народом? Который не замечает? Нет, точно нет.

Было бы, конечно, проще.

Но как там внутри должно быть устроено, без чего нужно остаться — чтобы стало настолько проще?»

А с чего это он вдруг решил, что представляет собой сложноорганизованную систему? Когда и где это началось: сразу после рождения в Тбилиси или при смене местожительства

на Ростов-на-Дону? При получении специальности «Экология и прикладная геохимия» или после трехкратного участия в Форуме молодых писателей России? И самое главное, до какой стадии опрошения готов дойти автор?

Улыбнул и вот такой фрагмент: «Вот что роднит меня с тем самым маленьким человеком, которого по косточке, под микроскопом разбирали на уроках русской литературы: фи́га в кармане — внятное, но негромкое, точно рассчитанное, чтобы и высказаться, и не попасться, “пошел ты...”».

Когда писатель, подобно Творцу, приводящему планету в порядок, пытается упорядочить хаос своих мыслей в голове, то ему не всегда удается с этим справиться. В голову лезет всякий вздор, причудливо и нелепо переплетаясь, как впечатления реальной жизни в наших снах.

Так, например, как нам представляется, когда автор решил окрестить «мальчиком» себя любимого — пятидесятилетнего волонтера, раздающего супы и бутерброды беженцам, у него в голове, видимо, как пробка из шампанского, выстрелила знаменитая киношная фраза: «Мальчик, водочки нам принеси, мы домой летим». А когда Денису Гуцко захотелось рассказать о родстве с маленьким человеком с фигой в кармане — «пошел ты ...», то здесь ему вспомнились афоризмы армейской мудрости, которые он, наверное, как и все служившие в те времена, записывал в солдатский блокнот.

Отдадим справедливость, если основательно покопаться в этом подготовительном материале, среди массы необязательных и случайных фиксаций, обнаруживается действительно интересная художественная находка, достойная дневника писателя: «Голос сиплый, базарный. Голос-шкуродер».

Но пора подводить итоги дня.

Конечно, это не один день молодого дворянина Александра Андреевича Чацкого, и не день простого русского солдата-зэка Ивана Денисовича, но «дольше века длится день» для участников заметок Дениса Гуцко...

И как же чужероден здесь сам автор со своим английским словечком «фронтир», заимствованным из истории США в период освоения Дикого Запада, крайне неуместным в свете событий новейшей истории России, зримом и незримом натовском участии в конфликте. Некорректно и даже кощунственно звучат эти параллели, описывающие народную трагедию и крупнейшую геополитическую катастрофу словами развлекательных шоу и вестернов.

Пять раз употребляет его в повествовании, смакуя:

«Фронтир — если принять картину мира, которую приняла и, несомненно, полюбила Алена — фронтир противостояния с нациками», «обитатели тлеющего фронта земли», «При любом исходе — как волна на возвратной фазе, навоевавшийся фронтир прикатится, нахлынет на Ростов», «люди с фронта».

Элементы композиции просматриваются очень туманно и расплывчаты. Кульминация как таковая отсутствует. После завершения волонтерской смены с автором не случилось ни катарсиса, ни «нравственного перелома». Он снова в исходной точке: «Как собрать воедино, как принять?»

Словно заново начиная поездку, он никак не закрывает гештальт: как же уживается его напарница со своей сестрой «нациком». Подобными «сложными» вопросами задается и анекдотичный чукча: кто же красит редиску в красный цвет под землей?

Из нравственных приобретений и утрат даже не сказать, чего больше: «Но теперь от вида расстрелянной машины у меня уже не перехватывает дыхание, как в начале дня». А в

эпilogue авторская оценка событий смазана до полного бесчувствия:

«Да, да, наверное, ко всему привыкаешь.
И к нацикам, наверное.
Что делать?»

Побуждение помочь слабому, накормить голодного присуще любому мало-мальски развитому духовно человеку. И малая помощь иногда помогает выжить, придает силы, иногда даже спасает чью-то жизнь. Но раздавая бутерброды беженцам на пропускном пункте, или бросая горсть хлебных крошек в трескучий мороз озябшим воробьям, или покупая пакетик корма в «Пятерочке» для бездомной кошки, предварять это спектаклем с пафосными восклицаниями: «Трудно дышать. Усилие на вдох, усилие на выдох. Поэтому я здесь — чтобы дышать», — по меньшей мере пошло.

И как же финал этого повествования со-

прягается с заявленным выше градусом эмоционального накала?

А вот как: «Очень даже хорошо, что пяточок моей эмпатии не распахнут на полмира. Что он такой, какой есть. Кем же надо быть, чтобы выжить — если болит абсолютно за всех? Святые, наверное. Мне не подходит».

Рушится вся эта криводушная конструкция, и дыхание у автора очень короткое. А если так было изначально, если эмпатия атрофирована, то и эмоции надуманные, и рациональное — от сих до сих — берет верх.

Чем больше знакомишься с «творениями» современных либеральных авторов, тем чаще приходит на ум сказка Вильгельма Гауфа «Холодное сердце». Как будто кто-то забрал у литераторов человеческие сердца и выдал им искусственные, поэтому и пишут они так противостоественно и отталкивающе. ■

ЯНА МИШУРОВА

Родилась в Анапе. Публиковалась в журнале «МОЛОКО», «Родная Кубань». Родилась в Анапе. Выпускница факультета журналистики Кубанского государственного университета. Публиковалась в «МОЛОКЕ», «Родной Кубани», «Российском писателе», «Русской народной линии». Живёт в Краснодаре.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК СЕРГЕЯ ШАРГУНОВА

Литературно-художественные журналы, в свое время сыгравшие ключевую роль в становлении и расцвете русской литературы XIX века и в формировании советской литературы, сегодня представляют собой довольно печальное зрелище. Переломный момент для литературы и культуры, произошедший в 90-е годы, погрузил «толстые» литературные журналы — вчерашние двигатели литературного процесса — в критическую ситуацию. Как минимум по двум причинам: во-первых, литературные журналы лишились финансирования (большое количество региональных журналов закрылось, московские и петербургские перешли на самообеспечение, которое становилось практически невозможным в сложившихся условиях), а, во-вторых, многие издания начали соответствовать требованиям рынка и отказались от «высокой литературы».

Безусловно, изменения коснулись и некогда популярного литературно-художественного издания «Юность». Созданный по инициативе писателя Валентина Катаева журнал до 1991 года являлся печатным органом Союза писателей СССР, а в лучшие годы своего существования тираж «Юности» превышал 3 млн экземпляров. Сегодня тираж журнала, в сравнении с цифрами 80-х годов, крошечный — 3,5 тыс. экземпляров каждый месяц.

С 2019 года пост главного редактора занимает Сергей Шаргунов — писатель и журналист, личность, обладающая внушительным списком заслуженных наград, ответственных должностей и присутствием в государственных и общественных структурах: депутат Государ-

ственной думы, член Общества русской словесности и Патриаршего совета по культуре.

В 2020 году, когда была учреждена Ассоциация союзов писателей и издателей России (АСПИР), Сергей Шаргунов стал ее председателем. Его тесть, Владимир Толстой, журналист и писатель-эссеист, праправнук Льва Толстого, заслуженный работник культуры Российской Федерации и советник Президента Российской Федерации по вопросам культуры, стал председателем президиума Творческого совета. В Творческий совет АСПИР и его президиум вошли известные писатели, самых разных идеологических направленностей, крупнейшие издатели, директора главных библиотек и музеев страны, руководители министерских департаментов, отвечающих за печать, и другие.

Несмотря на то, что АСПИР и является некоммерческой корпоративной организацией, полностью независимой от государства ее назвать нельзя. Хотя бы потому, что лица, руководящие Ассоциацией, обладают привилегированным положением: Сергей Шаргунов — депутат Государственной думы, а Владимир Толстой — советник Президента Российской Федерации.

Поэтому журнал «Юность», активно вовлеченный в деятельность АСПИР, регулярно становится обладателем грантов и различных наград. В общественный совет журнала «Юность», к слову, входят: Дмитрий Бак, Павел Басинский, Зоя Богуславская, Алексей Варламов, Евгений Водолазкин, Елена Исаева и Юрий Поляков. Так, в 2022 году журнал «Юность» стал победителем конкурса «Президентского фонда

культурных инициатив». Общая сумма расходов на реализацию проекта (развитие литературно-художественного журнала «Юность») составила практически 27 млн рублей.

«Развитие» литературно-художественного журнала сегодня привело «Юность» не столько к активному включению в литературный процесс (хотя формально рубрики, посвященные прозе и поэзии, продолжают свое существование), сколько к паразитированию, рекламе и извлечению прибыли.

Показательно, что журнал «Юность» ориентируется на современные тенденции, что проявляется в использовании, например, феминитивов «редакторка» [1] и популяризации писателей, для которых русская литература невозможна без использования нецензурной лексики [4; 8; 7; 6; 9] и служит для удовлетворения личных амбиций. Например, Ислам Ханипаев, дагестанский автор, лауреат литературной премии «Лицей» (2021), финалист премий «НОС» (2021), «Национальный бестселлер» (2022) и «Ясная Поляна» (2022) за повесть «Типа я», в интервью часто отмечает в качестве критерия и мотивации своего творчества: личные амбиции и коммерческий интерес.

Один из ведущих авторов, буквально звезда рубрики «Зоил» и журнала «Юность» в целом, – Татьяна Соловьева. Литературный критик размещала ряд публикаций о современной российской и зарубежной прозе в толстых литературных журналах («Вопросы литературы», «Новый мир», «Октябрь»), руководила PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной» и начальником отдела общественных связей «Российской газеты». На данный момент является продюсером издательства «Альпина. Проза». Кроме того, Татьяна Соловьева – заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Юность».

В 2022 году критик вошла в состав экспертного совета при Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций

Российской Федерации по литературной деятельности совместно с Сергеем Шаргуновым, Екатериной Толстой, Евгением Водолазкин, Павлом Басинским, Еленой Шубиной (на данный момент не входит в состав совета) и другими [11].

Помимо того, что автор книжных подборок паразитирует на теме психологии, психических расстройств и проблем (ведь личные границы, свободное мышление, закрытые гештальты, принятие себя, детские травмы, ментальное расстройство, осознанность и прочие термины и выражения – новый критерий популярности и востребованности не только в литературе, но и в современной культуре в целом), Татьяна Соловьева и в рецензиях на книги для самых юных читателей распространяет идею «культурного фастфуда» – упрощенное содержание, производство и потребление которого происходит в кратчайшие сроки. Именно так и возвращают квалифицированного потребителя с самого раннего возраста.

Татьяна Соловьева в своих книжных подборках, которые, по мнению редакции «Юности», достойны внимания масс склонна выделять книги двух издательских групп: «Альпина» и «Эксмо-АСТ». С особой регулярностью на сайте и в журнале появляются авторы и книги «Редакции Елены Шубиной» и «Альпина. Проза», что выглядит как коммерчески выгодное взаимодействие и продвижение в массы книг определенных издательств. Все в данной системе выстроено предельно просто: в первом случае очевидно тесное взаимодействие критика с издателем Еленой Шубиной, во втором – Татьяна Соловьева, как уже упоминалось, является продюсером издательства «Альпина. Проза».

К слову, «Редакцией Елены Шубиной» весной 2023 года была издана книга «Великие пары» Дмитрия Быкова*, «Эксмо» издает книгу «Иисус. Историческое расследование» Юлии Латыниной* (* внесены Минюстом России в реестр СМИ и физлиц, выполняющих

функции иностранного агента), в январе 2023 года «Редакцией Елены Шубиной» также была переиздана книга Михаила Гиголашвили «Чертово колесо», русский мир в изображении которого не вызывает ничего кроме безразличия и презрения. Оправдать данный выбор «издательскими планами» не получится, это четко выстроенная стратегия действий, актуальная для ведущих не только издательств, но и СМИ.

Показательно, что в 2022 году Михаилу Гиголашвили особое внимание было уделено в журнале «Юность»: в рубрике «Неформат» были опубликованы рассуждения автора о происхождении слов [2], а в рубрике «Зоил» — рецензия Давида Шахназарова на роман Михаила Гиголашвили «Кока» [10].

Как следует из интервью генерального директора «Эксмо» Евгения Капьева, сначала их юристы издательской группы оценивают риски и полезность издания книги того или иного иноагента, после этого возможна публикация: «Базово, если это не нарушает законодательство, если качественный текст, то же исследование жизни Иисуса, почему мы должны ограничивать доступ наших читателей? Опять же, люди будут это читать, поверьте, если автор выложит книгу бесплатно или на какой-то платформе. И даже если не издаст никто из российских издателей, ее прочтает огромное количество человек. Один клик — у вас книга» [3]. Этим же правилом руководствуется и редакция журнала «Юность».

2022 год — во многом поворотный период в истории России, когда культурная дезориентация проявила себя в полноценном виде и обозначила проблему несоответствия выдвинутых государством требований к сохранению культурного наследия, ценностей и идей русской культуры. Одни издания активно реагировали на новые реалии, другие — сделали это частично, а некоторые — продолжили свою линию без каких-либо изменений, игнорируя ответы на болевые вопросы времени.

И поскольку выбор определенной сторо-

ны грозил большими как материальными, так и социальными потерями, ни коллектив журнала «Юность», ни Сергей Шаргунов не давали никаких ответов на актуальные вопросы нынешнего времени, не принимали участие в формировании культурного пространства и духовно-культурных ценностей, отвечающих современным требованиям и реалиям.

В январе 2023 года «Российская газета» общалась с редактором журнала «Юность». Тогда были озвучены достижения и лишь одна проблема — как примирить людей противоположных взглядов: «Во время ожесточения самая сложная, почти невозможная задача — соединять очень разных творческих людей. Работа, возможно, неблагодарная в конкретный момент, но бесценная для будущего литературы, культуры, страны. <...> Пока есть возможность, хочу делать все для поддержки литературной среды. Главное — отстоять и сберечь разнообразие» [5]. Ответ Сергей Шаргунов дает следующий — не увеличивать «пространство беды» [5].

Вопросов «как примирить, условно, Быкова и Прилепина, Полозкову и Ревякину и нужно ли вообще это делать» от журналиста, что вполне ожидаемо, не последовало. Не заданы были и вопросы: какое участие в жизни России сегодня принимает АСПИР, учитывая особенности современности, возможен ли приход в литературу нового военного поколения — похожего на то, которое пришло во время и после Великой Отечественной войны, как будет взаимодействовать Ассоциация и журнал с такими авторами, и могут ли крупные писатели и авторы игнорировать современные события.

Правительственное издание «Российская газета» умолчала не только об этих моментах, но и о вопросах культурного управления и бюджетов. Наверняка, АСПИР принимала участие в подготовке предложений по Указу «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики». Вполне логичен был бы вопрос от журналиста: кто и как будет форми-

ровать государственный заказ на литературу?

Будучи выходцем из талантливой русской семьи, Сергей Шаргунов, обладавший серьезным творческим и духовным потенциалом (в 21 год он стал лауреатом литературной премии «Дебют», а премиальные деньги решил передать Эдуарду Лимонову, который отбывал наказание в тюрьме за попытку Русской Иреденты в Казахстане) и действительно являвшийся неплохим русским писателем, хотя (как мне представляется) немного и вторичным, периодически копировавшим своих кумиров Прилепина и Лимонова, стал подстраиваться под стандарты системы. Его взгляды эволюционируют в зависимости от ситуации и от личной выгоды. Попытка Шаргунова равняться на своего кумира, Лимонова, обернулась неудачей и привела к конформизму как в политике, так и в культуре.

Какое-то время Шаргунов активно выступал в числе патриотов, поддерживал Донбасс, работал военкором в горячих точках. Но, вероятно, тщеславие и непомерное желание нравиться всем: левым и правым, патриотам и либералам — уничтожили в писателе настоящего творца. В нулевые, когда было модным ругать власть, он подался в оппозиционеры и выступал на Болотной. После возвращения Крыма, когда страну охватила волна патриотизма, — Шаргунов выступал с лозунгом «КрымНаш» и ездил с гуманитарными миссиями на Донбасс.

В роли журналиста Сергей Шаргунов поработал и в либеральных СМИ («Новая газета», «Независимая газета», «Эхо Москвы»), и в патриотических («Завтра», «Свободная Пресса»). В студенческие годы стал помощником депутата Думы от КПРФ Татьяны Астраханкиной, затем успел побывать помощником другого депутата, от «Яблока», Юрия Щекочихина, тесно взаимодействовал с Дмитрием Рогозиным и вступил в его партию «Родина», чтобы баллотироваться в Думу от «Справедливой России», но попал туда от КПРФ.

Во многом Сергей Шаргунов — эталонный пример, как можно оставаться рукопожатным среди патриотов и либералов, националистов и коммунистов. Но редактор крупнейшего литературного журнала, который должен отвечать на запросы времени, в момент, когда пришлось выбирать сторону, залег на дно. Шаргунов практически исчез из медийного пространства после 24 февраля 2022 года: перестал вести социальные сети, активно делать заявления и появляться в СМИ. Да и, к слову, отсутствовал на одном из главных за все время существования Государственной Думы заседаний, когда обсуждался вопрос принятия четырех новых регионов в состав России.

Сергей Шаргунов отмалчивался долго, даже тогда, когда голосовали за проект закона о запрете пропаганды ЛГБТ в книгах и кино (что катастрофически странно для редактора литературного журнала и председателя Ассоциации союзов писателей и издателей России, который напрямую обязан влиять на литературный процесс в стране). Он продолжал изо всех сил пытаться нравиться всем: и либералам-релокантам, презирующим Россию, и охранителям, беспрекословно поддерживающим власть, и неособошесовикам, стремящимся к новой революции, и патриотам, — чтобы в случае победы одной из сторон без потерь для себя занять выгодную позицию.

В июле 2023 года Шаргунов вышел на связь. Но не происходящие последние полтора года события в стране и мире заставили его прервать молчание, а нападение на журналистку Елену Милашину и адвоката Александра Немова. Депутат Госдумы Сергей Шаргунов обратился в СК и к генеральному прокурору Игорю Краснову с просьбой арестовать тех, кто избил в Грозном адвоката и Елену Милашину, либеральную журналистку, с которой он когда-то работал в «Новой газете». Нападения на журналистов и правозащитников действительно недопустимы вне зависимости от их политической позиции, но показателен

тот факт, что Сергея Шаргунова, например, не волновали убитые террористами Владлен Татарский и Дарья Дугина. Писатель прервал свое долгое молчание, вступившись за явно либеральных оппозиционеров.

«Не по словам, а по их делам узнаете их» — патриотичные заявления профессионального патриота и попытка учить россиян любить Родину оказались для Сергея Шаргунова лишь

способом встроиться в систему и занять наиболее выгодное положение. Как-то в 2012 году на протестных митингах на Болотной в то время пламенный революционер так завершил свое выступление: «Серая тля, вон из Кремля!» Так может, Сергею Александровичу Шаргунову стоит последовать своему же совету и наконец оставить русскую литературу, дав возможность руководить тому, кто действительно готов отвечать на запросы современной России?

Использованные источники:

1. Алянская, Н. Как тебя зовут? / Н. Алянская // Юность. — 2022. — № 2. — С. 94–97.
2. Гиголашвили, М. Уголок филолуха / М. Гиголашвили // Юность. — 2022. — № 6. — С. 110–118.
3. Евгений Капьев о трендах книгоиздания, работе с авторами-иноагентами и цензуре // Эксмо: [сайт]. — URL: <https://eksmo.ru/articles/evgeniy-kapjev-rtvi-02-23-ID15622004/> (дата обращения: 09.08.2023).
4. Кравченко, Д. Ислам Ханипаев: «Теперь мне хочется идти до конца» / Д. Кравченко // Юность. — 2022. — № 10. — С. 80–85.
5. Скорондаева, А. Глава Ассоциации союзов писателей и издателей Сергей Шаргунов: Как объединить людей, думающих по-разному? / А. Скорондаева // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2023/01/11/glava-associacii-soiuzov-pisatelej-i-izdatelej-sergej-shargunov-kak-obedinit-liudej-dumaiushchih-po-raznomu.html> (дата обращения: 07.08.2023).
6. Соловьева, Т. Новинки детской литературы / Т. Соловьева // Юность. — 2022. — № 7. — С. 64–71.
7. Соловьева, Т. Пропуск в современность: Обзор книжных новинок / Т. Соловьева // Юность: [сайт]. — URL: <https://unost.org/authors/tatyana-soloveva/propusk-v-sovremennost-obzor-knizhnyh-novinok/> (дата обращения: 09.08.2023).
8. Соловьева, Т. Теория айсберга: обзор книжных новинок / Т. Соловьева // Юность: [сайт]. — URL: <https://unost.org/authors/tatyana-soloveva/teoriya-ajsberga-obzor-knizhnyh-novinok/> (дата обращения: 09.08.2023).
9. Ханипаев, И. Дневник суперкрутого воина / И. Ханипаев // Юность: [сайт]. — URL: <https://unost.org/authors/islam-hanipaev/dnevnik-superkrutogo-voina/> (дата обращения: 09.08.2023).
10. Шахназаров, Д. Одиссея в поисках кайфа / Д. Шахназаров // Юность. — 2022. — № 3. — С. 64–68.
11. Экспертный совет по литературной деятельности создан при Минцифры // Интерфакс: [сайт]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/853087> (дата обращения: 05.08.2023).

ПЛАТОН БЕСЕДИН

Родился в 1985 году в Севастополе. Прозаик, критик, публицист, автор романов, повестей, рассказов. Публиковался в «Нашем современнике», «Дружбе народов», «Родной Кубани», «Литературной газете» и других СМИ. Живёт в Севастополе.

«СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ» Л. Н. ТОЛСТОГО: ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ОСКАЛОМ ВОЙНЫ

168 лет назад в шестом номере журнала «Современник» впервые были опубликованы «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого; правда, изначально назывались они «Военные рассказы». 168 лет прошло, но и сейчас они звучат так, словно написаны в наши дни и о наших днях... В книгу «Севастопольские рассказы» вошли три текста: «Севастополь в мае», «Севастополь в августе» и «Севастополь в декабре». Первый из них изначально назывался «Ночь 10 мая».

Прежде, чем говорить о «Севастопольских рассказах», важно понять, обозначить время, место и контекст их появления. А это год 1855-й, грохочет и кровотоцит Крымская война. Данное название, кстати, выбрано и внедрено Западом неслучайно: сражения шли не только в Крыму, но лишь на полуострове противник смог добиться некоторого успеха. Меж тем Крымская война, несомненно, стала точкой отсчета нового мира, привнесла немало того, что не было до нее прежде. Революционные изменения произошли практически во всех областях: открытия в медицине, новые виды оружия, появление сестер милосердия и военных корреспондентов, телеграф, метеорология, даже новая мода (реглан, кардиган, баллаклы) — все оттуда. Как и начало большой информационной войны. Надо заметить, что весомое слово в летопись нового мира внесли наши русские гении и герои: Николай Пиро-

гов, Эдуард Тотлебен, Даша Севастопольская, Александр Мельников.

Что еще важно отметить, именно тогда появляется такое понятие, как «коллективный Запад». Вопреки исторической, даже историософской логике и геополитике крупнейшие европейские страны Франция и Британия, а также примкнувшее к ним итальянское Сардинское королевство объединились не с христианской Россией, а с Турцией — объединились против России. Собственно, именно тогда Запад показал, что никогда ни при каких обстоятельствах не станет партнерствовать с русскими, а любыми способами постарается уничтожить их. Первыми, к слову, это поняли, но на разный манер Николай Данилевский и Петр Чаадаев. Опять же Николай Яковлевич хоть и умер в Тифлисе, но похоронен в Крыму, в имении Мшатка, где он, помимо прочего, создал великолепный философский сад, представивший культурно-исторические типы.

Тогда в 1854 году Запад всей своей тушей навалился на Россию и Севастополь. Это была не просто агрессия, но концентрированное яростное желание уничтожить, по выражению Шпенглера, другое, непонятное, неизъяснимое. По сути, мир впервые увидел Запад как блоковое образование, как своего рода предтечу НАТО. И принципы, реализуемые Вашингтоном и Брюсселем сегодня, закладывались именно тогда, рожденные самым ходом истории. Как следствие, разверзлась

адская бойня. И вот туда, в самое пекло войны, отправляется граф Лев Толстой. Я подчеркиваю – граф, человек знатного происхождения, на тот момент уже опубликовавший первые произведения и получивший некоторую известность. И вот с Кавказа, где у него нет недостатка в вине, развлечениях, женщинах, Лев, ведомый, как он сам говорит, пробудившейся любовью к Родине, отправляется в ад. Он просится, он добивается своего назначения.

В Севастополе, на Историческом бульваре (который все никак не отреставрируют, превращая его в очередное бессмысленное «городское пространство») есть небольшой памятник – на нем написано: «Здесь воевал подпоручик от артиллерии Лев Николаевич Толстой». Это тот самый легендарный Четвертый бастион, где выжить, по свидетельству очевидцев, было все равно что выиграть в лотерею. Ведь там падало несколько тысяч снарядов ежедневно. Но Толстой отправляется именно туда. Более того, оказавшись сначала в Дунайской армии, а после на станции Лозовая близ Симферополя, Лев Николаевич, которого стараются удержать вне эпицентра боевых действий, требует, чтобы его отправили именно в Севастополь. Уполномоченные люди крутят у виска: мол, граф совсем того, тронулся! И, действительно, тут есть чему удивляться. Если проводить современные аналогии, то Лев Толстой, умоляющий отправить его в Севастополь – все равно, что депутат или олигарх, или родственник министра, просящийся на СВО в Бахмут (Артемовск).

Меж тем граф Толстой после споров и пререканий все-таки попадает в осажденный Севастополь – в багровый костер Крымской войны. Герой-рассказчик, в котором мы легко узнаем самого Льва, приезжает в город на рассвете. По сути, он движется к смерти, бросает ей вызов, обрекая себя, подобно героям Мисимы (тот, правда, будет позднее), однако ему, этому отважному борцу с танатосом, удастся выжить. И его победа жизни над смертью дарит мировой культуре не только великий текст, но и совершенно

уникальное направление в литературе, которое впоследствии едва ли не каждое десятилетие раскрывается по-новому, реагируя и на политику, и на конфликты, и на характеры и нравы. «Севастопольские рассказы», по сути, становятся линзой, через которую высвечивается человек в конфликте внутреннем и внешнем.

Ясно, что цензура, конечно же, не принимает очерков, заметок, рассказов (их называют по-разному) Толстого. И неслучайно, «Севастополь в декабре» подписан Л. Н. Т., а «Севастополь в мае» вообще был опубликован без какой-либо подписи. Россия не была готова принять такой текст, такое раскрытие войны, погружение читателя в самую ее кровотокающую сердцевину. Ну а кто мог и был готов? Что произошло бы с западной цензурой, узрей она, условно говоря, «Балаклавские рассказы», пусть в прессу просачивались первые военные репортажи (тоже достижение Крымской войны)? До Льва Толстого так в мире никто не писал, не свидетельствовал, а красивые мужчины в роскошной форме гарцевали на лошадях на военных парадах. Это потом уже, породив военный пиар, англичане представят позорное поражение в Балаклаве, в Долине смерти, как отчаянную храбрость британских солдат, и ода глупости станет эпической балладой Теннисона «Атака Легкой кавалерии». Но пока что, в 50-х годах XIX века, мир отчаянно боится правды о войне. Он вообще всегда боится правды, но тогда и о войне боится особенно.

Сейчас я не стану подробно останавливаться на литературных достоинствах «Севастопольских рассказов». Их великое множество. Замечу лишь, но и этого более чем достаточно, что, возможно, в этих текстах Толстого мы едва ли не впервые видим внутреннего человека и его монолог – то, что позднее, значительно упростив, назовут потоком сознания. Со временем сам Толстой доведет этот прием до абсолюта в великом романе «Война и мир». А далее будут Джеймс Джойс, Уильям Фолкнер и Марсель Пруст. Но величие Толстого тут даже не только в том, что он сделал это первым, а в том, как он это сделал.

И как позднее оттолкнулся от того во всем своем творчестве. В Новом Завете есть такие слова — их произносит апостол Павел: «Растите в себе внутреннего человека». Вообще если вы станете искать, что значит это словосочетание, этот термин «внутренний человек», то не найдете ничего определенного. Акцент будет сделан на внутреннем мире, на внутреннем космосе. Хотя «внутренний человек», по факту, есть фундаментальное, системообразующее понятие и в религии, и в психологии. Если говорить совсем просто, то внутренний человек — это то, что делает человека бессмертным, то, что возвышает его и над обстоятельствами, и над ходом истории, и над миром, пленяющим и пленительным, как таковым.

И вот Толстой в «Севастопольских рассказах» противопоставляет этого внутреннего человека человеку внешнему, миру вокруг — тому, что пытается подчинить и поработить, отформатировать. И во времена Толстого, и сейчас матрица, имеющая разные проявления, но одну суть, пытается оцифровать человека, представить его функцией. Как противостоять тому? Лев Николаевич в прозе использует древнее духовное, мистическое упражнение, предложенное еще Пифагором. Он являет диалог человека внутреннего и его собеседника, которым может стать как другой человек, так и произведение искусства, так и цивилизация в целом; их можно использовать как зеркало, отражающее мысли. Но Толстой, на то он и гений, идет еще дальше — и в качестве партнера, собеседника, в качестве, если угодно, отражающей поверхности внутреннего человека, использует саму смерть (Бергман заставит играть ее с рыцарем в шахматы — почти тот же прием). Лев Николаевич ставит напротив героя, напротив народа, напротив страны угрозу его и ее гибели, неотвратимость такого исхода — и так открывает, нащупывает и проявляет, точно фотографию, истину. Недаром Толстой пишет, что герой его повести — правда. Правда, понимаемая в русской традиции и как истина, и как справедливость. И в такой постановке вопроса нет и априори не может быть никакой показной патетики.

Из очерка в очерк, из рассказа в рассказ герой, как и, что важно, сам Толстой, эволюционирует. Если в первом рассказе он полон патристического вдохновения, в чем-то гнева даже, то после рассказчик переходит на пацифистскую, почти христианскую проповедь, мечтая, чтобы вместо двух армий сошлись два человека, дабы сохранить в живых остальных. Такова удивительная трансформация литературы войны в литературу мира, и об этом можно и нужно говорить отдельно. Однако «литература мира», проповедь мира здесь вовсе не такая, как в поздних публицистических работах Толстого. Здесь нет отречения от русской, христианской системы координат. «Севастопольские рассказы» одновременно порождают как пацифизм (миролюбие) в искусстве, культуре, так и становятся фундаментальным произведением о войне, из которого затем вырастает и проза «потерянного поколения» (Норман Мейлер, Эрнест Хэмингуэй, Ричард Олдингтон, Эрих Мария Ремарк), и советская лейтенантская проза (Юрий Бондарев, Константин Воробьев, Виктор Некрасов). Помните, как сказано у Вадима Кожинова? «Стихи, написанные не о войне, но войною».

При этом Толстой не пытается напугать, оглушить читателя. Его метод свидетельства войны — это, как правило, несколько даже бесстрастная фиксация происходящего, свидетельство и начало конца, и конца начала (уроборос хватается за хвост). Но именно такая манера действует на читателя магически, гипнотически, потому что погружает его в новую чудовищную реальность, что называется, открывая не только глаза, но и саму душу, на происходящее. Вместе с рассказчиком читатель не только проходит по всем ужасам войны, но и возвышается над нею, наблюдая и себя, и свой народ как бы со стороны. Это тоже своего рода духовное упражнение. И да, как уже говорилось, до «Севастопольских рассказов» читатель представлял войну совершенно иначе — как, например, в «Бородино» Михаила Лермонтова, но после этих очерков он начинает видеть не только войну, но и сам мир — его структуру,

его ткань бытия — совсем иначе. И это происходит естественно, органично.

Я написал слово «пацифизм» применительно к Толстому и литературному направлению, но верно иное слово — миролюбие, а вместе с тем совсем рядом звучит другое — милосердие. Ведь, да, русский человек жаждет справедливости. Справедливости как части Правды. Однако она в полноте своей невозможна без милосердия. Антоний Сурожский научал: «Не говори, что Бог справедлив. Если бы он был только справедлив, то многие бы уже горели в аду. Бог, прежде всего, милосерден». Есть древний текст о том, как Богородица ходит по аду, видит страдания грешников, ей поясняют, из-за чего они и какие наказания полагаются. Богородица слушает и заключает в итоге: «Да, все так, понимаю, все справедливо, но мне их все равно жаль». Толстой и показывает, что только через справедливость и милосердие можно выстоять, отстояв собственную идентичность, дав ответы на все вызовы истории.

Будничность подвига — вот что воспевают Лев Толстой в «Севастопольских рассказах». Он пишет, что по дороге в осажденный город ожидает увидеть титанов, героев, с особыми лицами, но, прибыв в Севастополь, встречает обычных людей с будничными лицами, совершающих свой подвиг буднично. Недаром рассказчик все время слышит об ужасах Четвертого бастиона, хотя ужасов и без того хватает вокруг: взрываются снаряды, отрывает ноги и руки, хирурги ампутируют конечности кривыми ножами, повсюду смрад, разложение. Но когда герой вновь и вновь спрашивает у солдата: «Так что там столь ужасного на этом Четвертом бастионе»? Солдатик, указав

на перепачканные сапоги, наконец-таки отвечает: «Грязно там, не пройти». Вон она — непримиримость со смертью, вот оно — спасительное упрямство русского человека, то, что позволяет ему выстоять вопреки всему. Это, к слову, объясняет и происходящее сейчас на Украине, ведь встретились там два упрямства, и русские убивают русских.

Есть и еще одно важнейшее понятие, произнесенное и воспетое автором в «Севастопольских рассказах», — стыдливый русский патриотизм. «Эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к Родине...» — пишет Толстой. И мы видим это чувство сейчас, но вместе с тем видим и пошлое, сытое равнодушие к происходящему, когда одни умирают в грязи окопов, а другие культивируют мешанскую плесень, пугаясь лишь, когда ненадолго тревожится их жизнь атаками на Рублевку и «Москва-Сити». Они спят, они в той самой матрице, а вместе с ними спит и почти вся Россия.

Она попробовала выйти из этой матрицы бескровно в 2014 году, но, растеряв пассионарную энергию, бросила еще один вызов 24 февраля 2022 года. Однако можно ли победить, не проснувшись? Можно ли уничтожить врага, находясь в культурной и духовной оккупации? Нет, для начала важно услышать своего внутреннего человека. Тогда своими «Севастопольскими рассказами» Толстой пробудил Россию — кто сделает это сейчас? И тогда же, во время Крымской войны, поэт, понимая и алкая необходимость перемен, воскликнул: «Неужели русский солдат вернется к тому же»? Сегодня, в общем-то, мы задаемся тем же вопросом. Ищем ли мы ответ? ■